ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1987 году вышла наша работа, которая может рассматриваться как итог исследований в области лексикологии языков лезгинской группы в историческом аспекте, поскольку она отражает достижения как отечественных, так и зарубежных ученых и является попыткой системного освещения основных путей исторического развития лексики языков лезгинской группы: лезгинского, табасаранского, агульского, рутульского, цахурского, крызского, будухского и удинского.

В этой работе впервые на широком материале всех языков лезгинской группы была подвергнута анализу исконная лексика, выделены общедагестанский и общелезгинский пласты генетически общего словарного фонда рассматриваемых языков, определены инновации в отдельных языках лезгинской группы, установлены пути и источники пополнения лексики лезгинских языков, в частности, подвергнуты специальному анализу древние миграционные слова, арменизмы, грузинизмы, аланизмы и др. группы слов.

В данном пособии акцентируется внимание на методические проблемы сравнительной лексикологии языков лезгинской группы, освещаемых в первой главе. В настоящем исследовании определены также основные источники заимствований (II глава), показана роль словообразовательных и обобщенных лексических категорий (особенности категории именных классов, а также полисемии, омонимии, синонимии и антонимии) в развитии словарного состава языков лезгинской группы (III глава).

Настоящая работа строится с учетом того, что она может быть использована в качестве учебного пособия для учителей лезгинских, табасаранских, агульских, рутульских и цахурских школ, студентов языковых факультетов ДГУ и ДГПУ и учащихся педучилищ. Содержащийся в ней материал найдет широкое применение в кружковых занятиях, при составлении словарей, учебников и учебно-методических разработок по литературным языкам лезгинской группы, а также построения курсов сопоставительной лексикологии дагестанских языков.

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Особенности лексики, грамматики и фонетики дагестанских языков давно стали привлекать внимание ученых как в нашей стране, так и за рубежом. Первые лексические материалы по дагестанским языкам (аварскому, лакскому, даргинскому, андийскому, цезскому) приводятся в сопоставительном словаре языков мира, изданном еще в конце XVIII века (ССЯМ 1787; 1789).

Собирателем этих лексических материалов иберийско-кавказских языков являлся академик И. А. Гюльденштедт. В своих изысканиях он прибегал к сравнению кавказских языков, пытаясь установить их родство лишь путем сопоставления однозначных слов, без анализа грамматического строя и без поиска закономерных звукосоответствий.

Материалами, собранными И. А. Гюльденштедтом и опубликованными впоследствии на немецком языке (1791), пользовался и академик Р. Паллас, редактировавший упомянутый сравнительный словарь. Однако некачественные записи слов, наличие искажений и ошибок в понимании структуры слов, не совсем точные сведения о языках — все это не позволяло исследователям судить по данным материалам как о структурных особенностях дагестанских языков, так и об их лексике.

Несколько более полными, четкими и информативными представляются материалы по лексике всех дагестанских языков в работе Ю. Клапрота (1814), где приводятся и фразеологические данные.

Исторический интерес представляет и работа Р. Эркерта (1895), к которой приложен параллельный словарь, содержащий 545 лексических единиц многих дагестанских языков — аварского, даргинского, лакского, лезгинского, агульского, табасаранского, цахурского и др. Лексический и фразеологический материал, переводимый автором на английский, немецкий и французский языки, включает данные различных диалектов этих языков.

Как уже отмечалось в специальной литературе, «...чрезвычайная скудость факторов, несовершенство транскрипции, анкетный способ сбора материала, недостоверность их и грубые ошибки лишили работу Р. Эркерта подлинно научного и практического значения» (Мейланова, Талибов 1976, 51).

Первые по времени написания специальные грамматические исследования известного кавказоведа П. К. Услара по лезгинским языкам содержат уже довольно богатые сведения по лексикологии. Лексические материалы, представленные в его трудах как необходимый иллюстративный материал для описания особенностей

фонетики и морфологии дагестанских языков, являются одновременно и первыми данными по их лексикологии.

В работе П. К. Услара «Кюринский язык» (1896), основанной на материалах одного из говоров яркинского диалекта, рассматриваются некоторые способы словообразования, словообразовательные модели и элементы, приводятся лексико-грамматические группы слов, делаются интересные замечания по поводу происхождения слов, выявляются отдельные заимствования из тюркского и арабского языков и упоминаются их аналогии в других языках Кавказа.

Большую ценность для лексикологии представляет приложенный к работе «Сборник кюринских слов», т. е. по существу первый лезгинско-русский словарь, включающий 1470 единиц, при составлении которого автор придерживался следующих принципов:

а) подача форм слов в зависимости от принадлежности к определенным лексико-грамматическим разрядам;

б) гнездовое расположение родственных однокоренных слов;

в) привлечение в качестве иллюстрации к словарным статьям характерных для лезгинского языка фразеологизмов.

Названной монографией П. К. Услара заложены основы изучения словообразования, семасиологии и лексикографии лезгинского языка. В освещении вопросов лезгинской лексикологии она не потеряла своего значения до наших дней.

Несомненный интерес для лексикологии лезгинских языков представляет и труд. П. К. Услара «Табасаранский язык» (1979), опубликованный более ста лет спустя Институтом языкознания АН Грузинской ССР. Хотя в этой работе П. К. Услара лексика не подвергается специальному исследованию, в ней также содержится большой лексикографический материал — «Сборник табасаранских слов», включающий 1566 лексических единиц и занимающий 424 страницы книги.

Словарные статьи снабжаются грамматической информацией. При именах существительных даются формы эргатива единственного числа (по Услару — «творительного падежа») и именительного падежа множественного числа, приводятся также некоторые формы местных падежей, отмечены формы числа. Характеристика слова подкрепляется иллюстративными примерами и идиоматическими фразами.

Из сообщения Д. Загурского известно, что П. К. Услар, составив «Сборник табасаранских слов», подготовил и список русских слов, но не успел внести в него соответствующие по значению табасаранские лексемы. Список русских слов, составленный П. К. Усларом, до нас не дошел (1979, 13).

Монография П. К. Услара «Табасаранский язык» — первое по времени написания исследование по этому языку» — ценна для

иберийско-кавказского языкознания не теоретическими положениями, а богатством фактического материала, тонкими наблюдениями автора над языком (Магометов 1954, 76), привлечением большого материала по лексикологии и фразеологии табасаранского языка (см. также Гайдаров 1981).

Особый интерес в лексикологическом плане представляют и сборники слов, занимающие большое место в работах А. М. Дирра по удинскому (1904), табасаранскому (1906), агульскому (1907), арчинскому (1908), рутульскому (1911), цахурскому (1913) языкам. Так, в «Сборник табасаранских слов» вошло 1366 единиц. Словарной формой имени в этой работе является именительный падеж единственного числа, приводятся также формы родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа. Слова иноязычного происхождения (арабского, «турецко-татарского», персидского, татского, русского и т. д.) отмечены здесь отдельным знаком (звездочкой). Здесь же предпринимаются и некоторые табасаранско-кюринские лексические сопоставления.

Интересные сопоставительные списки слов, к сожалению, не выдерживают семасиологического принципа и даны без словообразовательного и этимологического анализа. Автор сознательно отказывается и от сравнения исконных табасаранских слов с соответствующими единицами родственных языков по ряду причин, считая главной из них то, что не успел обработать свои материалы по совокупности языков кюринской группы.

В работах А. М. Дирра имеются и некоторые другие недостатки, связанные с неточностями записи и перевода слов и др., которые, однако, не лишают их значимости для лексикологии рассматриваемых языков.

Заметный вклад в изучение лексики, в частности, диалектной лексики лезгинского и табасаранского языков, внесли исследования А. Н. Генко (1926; 1929; 1940; 1941а), являющиеся первыми лингвистическими работами по исследуемым языкам, опубликованными в советский период. В рукописях и публикациях А. Н. Генко, первого исследователя, занимавшегося проблемой изучения диалектов языков лезгинской группы, на большом практическом материале рассматриваются особенности их наречий, диалектов и говоров.

В работе А. Н. Генко «Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие» (1929) дается сопоставление «Сборника кюринских слов», помещенного в труде П. К. Услара, с фактами кубинского наречия. В другой публикации автора «Ахтынские тексты» (1926) собраны ахтынские диалектные тексты и даны к ним грамматические комментарии. А. Н. Генко составил также «Табасаранско-русский словарь» (рукопись, 1941а) и подготовил

«Диалектологический очерк табасаранского языка» (рукопись, 1940, ИЯ АН СССР).

Определенный интерес — прежде всего полнотой охвата материала, глубиной изучения и широтой привлечения диалектного материала (ср. Магометов, 1965) — представляет книга Р. М. Шаумяна «Грамматический очерк агульского языка» (1941). Особую ценность для построения лексикологии языков лезгинской группы представляет приводимый Р. М. Шаумяном краткий агульско-русский словарь.

В другой работе Р. М. Шаумяна «Яфетические языки» шахдагской подгруппы» (1940) содержатся отдельные грамматические очерки по будухскому, крызскому и хиналугскому языкам, к каждому из которых приложен раздел «Лексика», представляющий собой краткое собрание будухских, крызских и хиналугских слов. В этих материалах, расположенных в порядке «аналитического алфавита», под звездочкой фиксируются заимствованные слова.

В 50-х годах в связи с развитием дагестанской диалектологии также затрагивались вопросы лексикологии рассматриваемых языков.

Оживление исследований в этом направлении наметилось начиная с 60-х годов. Лексика дагестанских языков впервые стала предметом специального изучения. Стали публиковаться монографии и статьи, посвященные лакской, лезгинской, даргинской и табасаранской лексикологии.

Серьезным вкладом в разработку исследуемой проблематики явилась монография Р. И. Гайдарова «Лексика лезгинского языка» (1966), в которой находит обстоятельное научное освещение вопрос о путях развития и обогащения словарного состава лезгинского языка. В этой работе выявляются и подвергаются лингвистическому анализу способы словопроизводства, словообразовательные средства, определяются источники и пути пополнения лексики иноязычными элементами, описывается своеобразие фонетико-грамматического и стилистического освоения иноязычных элементов. В истории изучения лексики дагестанских языков Р. И. Гайдаров впервые дает глубокий анализ множества конкретных вопросов лезгинской лексикологии.

Вышеназванное исследование Р. И. Гайдарова, а также отдельно опубликованная вторая часть этой работы (1977а), посвященная взаимодействию словарных единиц в лексической системе, а также анализу лезгинской лексики с точки зрения употребления и употребительности, дают благодатный материал для сравнительно-исторического изучения лезгинского и родственных языков, для воссоздания исторического прошлого лезгинского языка и способствуют нормализации словарного состава его литературной формы.

Изучению лезгинской лексикологии посвящена также кандидатская диссертация Р. А. Османовой «Многозначность слова и явление омонимии в лезгинском языке» (1963а). Диссертации предшествовали статьи автора о полисемии и омонимии. В статье Р. А. Османовой «К вопросу о многозначности слова в лезгинском литературном языке» (1963) устанавливаются пути передачи новых понятий, идей, событий имеющимися в языке лексемами и рассматриваются причины возникновения полисемии. В статье «О явлении омонимии в лезгинском литературном языке» (1962) раскрываются пути образования омонимов, классифицируются омонимы по принадлежности их к частям речи, по расхождению в их семантике и по происхождению. Автор опирается на большой материал литературного лезгинского языка и на непосредственные личные наблюдения над фактами живой речи.

Определенное отношение к сравнительно-историческому изучению лексики языков лезгинской группы имеет и монография автора этих строк «Лексика табасаранского языка» (Загиров 1981), в которой освещены основные вопросы табасаранской лексикологии. В этой работе впервые характеризуется табасаранская лексика с точки зрения ее генетических компонентов. Дифференцируется исконная и заимствованная лексика, причем в исконном ее компоненте выделяются три пласта — собственно табасаранские слова, общелезгинская часть исконной лексики и общедагестанское лексическое наследие. В монографии содержится специальный раздел, в котором описываются пути обогащения собственно табасаранской лексики. В главе «Взаимодействие и функционирование словарных единиц» характеризуются полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, а также лексика табасаранского языка с точки зрения сферы ее использования и степени употребительности.

В 1977 году вышла в свет коллективная работа А. Е. Кибрика, С. В. Кодзасова, И. П. Оловянниковой и Д. С. Самедова по арчинскому языку (Кибрик и др. 1977). Первый том этого исследования в значительной степени посвящен лексикологии. Здесь нашли свое отражение такие вопросы, как заимствования, именные классы, идеофоны, словообразование. Большое место уделено тематическому разбиению словаря. Некоторые вопросы арчинской лексикологии рассматриваются и в кандидатской диссертации Д. С. Самедова (1975).

В последние годы все интенсивнее ведется работа по изучению отраслевой лексики лезгинских языков, а в 80-е годы начался планомерный выпуск сборников по отраслевой лексике, издаваемых ИИЯЛ Даг. ФАН СССР (ОЛДЯ 1984; ПОЛДЯ 1985; ПОЛДЯ 1986; ОЛДЯ 1988). Отличительной чертой работ этого на-

правления является, во-первых, системное рассмотрение лексики определенной лексико-тематической группы, во-вторых, повышенный интерес к историческому аспекту проблемы — практически каждая лексема освещается с точки зрения ее происхождения.

В сфере лексикологических исследований по языкам лезгинской группы все более заметную роль приобретают исследования по ономастике. Так, специальному изучению были подвергнуты топонимы ряда языков (Абдуллаев 1976; Гайдаров 1963; Ибрагимов 1972; 1976; Хайдаков 1962; 1969), в которых были выделены характерные словообразовательные модели, определено значение многих топоформантов и т. д. Говоря об исследованиях по лезгинской антропонимии, следует остановиться на работах Э. Я. Сафаралиевой (1976; 1981; 1987), в которых, в частности, выделяются исконно лезгинский, арабский, тюркский, ирано-персидский и русский пласты лезгинской антропонимии. Рассматриваются различные фонетические варианты личных имен, появляющиеся как следствие действия законов фонетики лезгинского языка, простые и сложные имена, а также производные и непроизводные имена, образующиеся в этом языке путем субстантивации, с помощью различных аффиксов и основосложения.

Определенный вклад в разработку вопросов лексикологии лезгинского языка внесли опубликованные в 60-е годы диалектологические работы, в которых приводится большой фактический материал, относящийся к различным диалектам и говорам языка, и содержится сравнительный и сравнительно-исторический анализ диалектных данных.

Лексические особенности ахтынского диалекта отмечаются в вышедшей в 1961 году монографии Р. И. Гайдарова «Ахтынский диалект лезгинского языка (по данным села Ахты)» (1961). Второй труд Р. И. Гайдарова «Лезгинская диалектология» (1966а) представляет особый интерес для лексикологии тем, что в нем выявляются лексические особенности ахтынского, гюнейского, кубинского, курахского, фийского и яркинского диалектов лезгинского языка и дан их сравнительный словарь, содержащий 1500 слов.

В труде У. А. Мейлановой «Очерки лезгинской диалектологии» (1964), в котором описаны все диалекты и говоры лезгин, живущих в Дагестане, дается сравнительный анализ гюнейского, яркинского, курахского, докузпаринского и ахтынского диалектов и устанавливаются пути развития некоторых звуков и форм лезгинских диалектов. Широко представлена здесь и лексика впервые выявленных автором и исследуемых им диалектов и говоров в сопоставлении с лексикой литературного языка. В работе отмечается наличие в лексике говоров заимствованных слов и лексем, раз-

ных по звучанию, но общих по значению со словами литературного языка, или же имеющих дополнительные значения по сравнению с соответствующими словами литературного языка.

Значительное место уделено лексике в диалектологическом исследовании Г. Х. Ибрагимова (1978), где не только выявлены основные лексико-тематические группы слов опорного для автора мухадского диалекта, но и показано лексическое своеобразие других рутульских диалектов — шиназского, мюхрекско-ихрекского, борчинского, хновского.

В целом же диалектологическое исследование лексики лезгинских языков остается до сих пор настоятельной задачей дагестановедения, что еще раз было подтверждено на X региональной научной сессии по изучению иберийско-кавказских языков (Сессия 1983).

В 50-е — 60-е годы появляются работы сравнительно-исторического характера, основным материалом которых являются лексические сопоставления (Джейранишвили 1956; Гаджиев 1958; Талибов 1960; Бокарев 1961; 1981).

Обзорной по своему характеру является статья У. А. Мейлановой и Б. Б. Талибова «Дагестанская лексикология» (1976), в которой подводятся совокупные итоги развития за последние годы дагестанской лексикологии и лексикографии, отмечается роль терминологических, орфографических, русско-национальных и толковых словарей, других лексикографических собраний, диалектологических исследований в изучении лексики дагестанских языков, а также анализируются значительные трудности в этом вопросе.

В статье справедливо констатируется отсутствие в дагестановедении специальных исследований по сравнительно-исторической лексикологии и подчеркивается, что перед лингвистами-дагестановедами стоят очень важные задачи по созданию обобщающих работ «по лексикологии и лексикографии, дальнейшему изучению и критическому усвоению дагестанской лексикографической продукции прошлого, всестороннему историческому, этимологическому, семантическому, стилистическому и т. п. изучению всех дагестанских языков» (там же, с. 64).

Все больший интерес вызывают вопросы внешних контактов лезгинских языков и их следов в лексике последних. Их всестороннее изучение — по сей день отстающий участок лезгинского языкознания.

Несколько неубедительных сопоставлений армянской лексики с кахско-дагестанской (в частности, с лезгинским и удинским материалом) содержится в статье С. Бугге, опубликованной в 1891 г.

Заслуживает упоминания в лексикологическом плане специальная статья Р. М. Шаумяна «Армянско-лезгинские лексико-морфо-

логические параллели» (1935). Р. М. Шаумян отвечает, что «юго-восточное ответвление яфетических языков Дагестана, именуемое в науке лезгинской группой языков, как по своему лексическому, так и по некоторым морфологическим элементам, настолько увязано с языками Армении, что требует к себе особого внимания» (1935, 420). Он считает, что общность между указанными языками прежде всего обнаруживается в лексике (там же).

Основываясь на положении Н. Я. Марра о том, что язык является не монолитным целым или однородным массивом, а совокупностью наслоений, отстоявшейся в процессе развития различных специальных группировок как результат стадиальных трансформаций, автор слишком свободно обращается с языковым материалом. В силу этого сопоставления как в области фонетики, так и в области морфологии и лексики в своем большинстве не могут быть приняты (из 26 лексических сопоставлений, т. е. примеров со сходными основами, подтверждающими, по мнению Р. М. Шаумяна, лексическое взаимодействие между лезгинскими языками и армянским, лишь несколько являются фонетически достоверными).

Тем не менее, вывод автора о том, что между указанными языками существовала достаточно давняя связь, и что говорящие на этих языках долгое время находились в культурно-историческом общении, находит свое подтверждение и в фактах исторического взаимоотношения народов Закавказья.

В силу этого выявление результатов армяно-лезгинских языковых контактов следует считать весьма перспективным направлением в изучении лексики лезгинских языков, особенно, если учесть, что обычно исследователи, описывавшие заимствованную лексику лезгинских языков, во-первых, не принимали во внимание бесспорных фактов контактирования рассматриваемых языков, во-вторых, упускали из виду арменизмы, наличествующие в языках лезгинской группы, в-третьих, не обращались к работам по армянской лексикологии.

В связи с этим нельзя не упомянуть специальной статьи О. И. Виноградовой и Г. А. Климова (1979), в которой продолжена исследовательская работа по выявлению в дагестанских языках материальных свидетельств их былых контактов с армянским языком. Авторы критически относятся к своему предшественнику, принимая лишь пять из предложенных Р. М. Шаумяном сопоставлений.

Лексические арменизмы, наличествующие в дагестанских языках, подразделяются в статье на три группы: арменизмы, представленные исключительно в удинском языке, армянские заимствования в лезгинских языках (список таких арменизмов насчитывает здесь 23 лексические единицы) и немногочисленные арменнз-

мы, встречающиеся в других дагестанских языках. На основе анализа сопоставляемых лексем рассматриваемого лексического фонда в статье констатируется весьма ощутимая связь носителей лезгинских языков Дагестана и Азербайджана с исторической Арменией, довольно ранняя хронология — еще с доарабской эпохи — проникновения части арменизмов в дагестанские, особенно в лезгинские языки.

Этим же проблемам посвящена диссертация О. И. Виноградовой «Древние лексические заимствования в дагестанских языках» (1982), в которой впервые в систематическом плане были рассмотрены армяно-дагестанские, среднеперсидско-дагестанские и осетинско-дагестанские словарные параллели. Особый интерес вызывает здесь рассмотрение, во-первых, «общекавказских слов неизвестного происхождения», во-вторых, свидетельств древнейших связей кавказских языков с древними языками Передней Азии и, в-третьих, так называемых «древних миграционных терминов» (там же, с. 13 — 14).

Значительно более продвинутым по вполне понятным причинам оказалось изучение более поздних языковых контактов. Выявлению в лексической системе лезгинских языков арабизмов, тюркизмов и иранизмов посвящен целый ряд статей. Этим вопросам были преимущественно посвящены и доклады научной сессии по иберийско-кавказскому языкознанию, состоявшейся в 1973 г. (см. Пятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблемы языковых контактов на Кавказе. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973).

Рассмотрению арабских заимствований в лезгинском языке и изучению их фонетических, морфологических и лексических особенностей посвящены кандидатская диссертация и отдельные статьи С. М. Забитова (1978; 1979; 1983), в которых подвергаются анализу арабизмы, существенно обогатившие в свое время лексический состав лезгинского языка. В диссертации С. М. Забитова особое место отводится фонетическому, морфологическому и лексико-семантическому освоению арабских слов, при котором заимствованные лексемы подвергаются изменениям, не характерным для арабского языка. Несколько ранее эти же вопросы послужили предметом научного анализа в одной из статей Р. И. Гайдарова (1977).

Особо интенсивными были контакты лезгинских языков с тюркским, в частности, с азербайджанским языком. Это не могло не отразиться в соответствующем количестве исследований.

Так, роли азербайджанизмов в системе глагола языков лезгинской группы посвящена статья А. М. Асланова (1976). На материале лезгинского языка проблемы тюркско-дагестанских языковых

контактов на различных уровнях, и среди них на лексическом, разрабатывались Р. И. Гайдаровым (1972), А. Б. Кубатовым (1971; 1973; 1977), Ш. М. Саадиевым (1957) и др.

Ряд работ посвящен внешним контактам табасаранского языка (Эфендиев 1973; 1973а; 1982; 1985; Загиров 1975; 1981, 33 — 75; Магометов 1977). Пласт тюркских лексических заимствований явился предметом рассмотрения также на материале рутульского (Гусейнова 1982), цахурского (Асланов 1965), удинского (Гукасян 1973) и других языков лезгинской группы. Несколько статей посвящено иранизмам в лезгинском и крызском (Саадиев 1977), цахурском (Асланов 1977а) и удинском (Гукасян 1977) языках.

Вопросы взаимоотношений дагестанских языков с представителями других языковых семей, в частности, с арабским, тюркским, иранским, армянским, грузинским, русским, всегда находились в поле зрения дагестановедов. Тюркско-дагестанские языковые контакты в ряду этих вопросов занимают, на наш взгляд, особое место. Во-первых, эти контакты имеют многовековую историю; во-вторых, в процессы взаимодействия в прошлом были вовлечены, по-видимому, многие языки (в отличие от настоящего времени, когда они исчерпываются в Северном Дагестане кумыкско-дагестанскими, а в Южном Дагестане — азербайджанско-дагестанскими контактами); в-третьих, тюркские языки служили посредником в проникновении в языки Дагестана многих арабских и персидских заимствований. Эти факторы обусловили начало в 60-х гг. всестороннего изучения данной проблемы на самом различном материале.

Вместе с тем, в первое время исследование ограничивалось фиксацией тюркских лексических заимствований в том или ином языке, что нашло свое отражение и в материалах сборника по проблемам тюркско-дагестанских контактов, вышедшего в свет в 1982 г. Так, среди статей этого сборника находим «Тюркские заимствования в чамалинском языке» (Магомедова 1982), «Наречия-тюркизмы в лакском языке» (Маммаева 1982), «О тюркизмах в терминах животноводства в рутульском языке» (Гусейнова 1982) и др. Изданный в 1985 г. сборник, посвященный тем же проблемам, представляет собой наглядное свидетельство перехода дагестанского языкознания от первого этапа исследования, заключавшегося в обычной регистрации тюркизмов в том или ином языке (кроме упомянутых статей ср. также работы по лексике лакского (Хайдаков 1961), лезгинского (Гайдаров 1966), даргинского (Мусаев 1978), табасаранского (Загиров 1981) и др. языков), к более углубленному анализу результатов тюркско-дагестанских контактов.

Еще в сборнике 1982 г. мы видим попытки специального изучения не только заимствований на лексическом и синтаксическом

уровнях, но и результаты более глубокого структурного воздействия азербайджанского языка на дагестанские (ср. статью Т. Н. Эфендиева «О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка» (1982) и т. п.).

Удачной представляется также попытка проследить историю тюркско-дагестанских языковых контактов, хотя и на ограниченном, но все же имеющем значительный научный интерес материале XVII (Айтберов, Оразаев 1982) и XVIII вв. (Оразаев 1982).

Наконец, в сборнике 1982 г. имеются статьи, в которых ставятся задачи принципиального, теоретического характера. В статье Н. С. Джидалаева «О роли показаний топонимии в практике исследования тюркско-дагестанских языковых контактов» на материале тюркско-дагестанского взаимодействия предлагается трактовка понятий «заимствование» и «субстратное явление», показываются сложные случаи их взаимного разграничения на конкретном материале (авторская позиция иллюстрируется топонимией селения Нижний Катрух, имеющей субстратное происхождение).

Стремление к более углубленному исследованию проблемы тюркско-дагестанских контактов проявляется в настоящее время в более дифференцированном подходе к целому комплексу вопросов, относящихся к обсуждаемой проблеме, демонстрируемом в ряде статей сборника 1985 г. Так, на смену расплывчатой характеристике «тюркизм» в современные разыскания приходит разграничение лексем по конкретным источникам заимствования. Методическая важность этого принципа подчеркивается Н. С. Джидалаевым, отмечающим, что «... разграничение дагестанских тюркизмов по конкретным источникам заимствования имеет принципиальное значение. Речь идет об объективном отражении, как истории контактов каждого дагестанского народа с конкретным тюркоязычным народом, так и характера этих контактов» (1985,6). Эти источники сводятся, по автору, к азербайджанскому, кумыкскому и булгарскому. Для их взаимного обособления Н. С. Джидалаев выдвигает ряд критериев (фонетический, семантический, экстралингвистический). Примеры, иллюстрирующие действительность этих критериев, достаточно убедительны, а их список можно продолжить.

На одном таком примере хотелось бы остановиться подробнее. При несомненной азербайджанской принадлежности подавляющего большинства тюркизмов в лезгинских языках не следует отказываться и от поисков в них кумыкизмов. Так, в частности, лезг. *тав* «свадебный музыкальный вечер в доме жениха» (ср. также лезг., таб. *тав-хана* «гостинная» с персидским элементом — *хана* «дом, комната, помещение») может быть сопоставлено с кум. *отав* «богато убранная комната, предоставляемая невесте в доме му-

жа. Ср. также: таб. *маъ,* рут. *мае,* цах. *маIгъ,* арч. *май,* удин. *маI* ~ кум. *мий* — «мозг»; лезг., таб., агул. *куц.* арч. *кус,* крыз., буд. *куц* ~ кум. *куц* «вид, форма».

Проблема установления непосредственного источника заимствования ставится на конкретном материале в работах других авторов. К интересному выводу, например, приходят Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов (1985) по поводу происхождения термина *чанка,* восходящего в конечном счёте к кит. *чжан* «старший по чину, начальник»: для дагестанских языков, по мнению авторов, это булгаризм, который (скорей всего через даргинский) попал в кумыкский язык, а оттуда в ногайский. В свою очередь в карачаево-балкарском языке термин *чанка* считается русизмом.

Отказ от прямолинейного, поверхностного решения вопросов влияния азербайджанского языка на лезгинский характерен для статьи А. Г. Гюльмагомедова о фонетических элементах азербайджанского языка в лезгинском (1985). Как показано в статье, возникновению фонем *о, оь* в куткашенских говорах последнего способствовало не только проникновение азербайджанских заимствований, но и некоторые внутриязыковые процессы, отражающиеся на качестве соседних гласных (*свах→сох* «коренной зуб», *тIветI→тIоьтI* «муха» и т. п.).

Подобный же подход к исследуемому явлению принят Н. С. Джидалаевым и С. З. Алихановым в статье об аварском словообразовательном элементе *-чи.* Авторам удалось показать, что вопрос, является ли авар. *-чи* исконным или заимствованным, не может быть решен однозначно, поскольку кумыкский словообразовательный суффикс *-чи* в системе аварского словообразования оказался совмещенным с исконно аварским существительным чи «человек», «мужчина», выполнявшим функцию, идентичную функциям тюркского суффикса (1985, 51).

Вместе с тем, и задача фиксации тюркизмов в дагестанской лексике представляется нам далеко не решенной. В этом еще раз можно убедиться, ознакомившись со статьями К. С. Кадыраджиева (1982; 1985 и др.), где отмечается тюркское происхождение целого ряда лексем, квалифицировавшихся ранее в дагестановедческих работах в качестве принадлежности исконного фонда. Ценность работ такого рода для сравнительно-исторической лексикологии дагестанских, и в частности лезгинских, языков несомненна: они позволяют более четко очертить круг лексики, унаследованной от общедагестанского состояния, и более рельефно представить динамику исторических изменений в словарном составе этих языков.

В нашем пособии невозможно дать характеристику всех работ, посвященных данной проблеме. Отметим лишь, что в некотором смысле они намечают и определенную программу работ на

будущее. Думается, что одной из таких перспективных задач является сопоставительное исследование тюркизмов в различных дагестанских языках, обнаруживающих как черты сходства, так и специфического явления, что, естественно, отражает различия как в степени, так и в характере тюркско-дагестанских контактов в каждом конкретном случае. Например, в лезгинском языке имеется целый ряд тюркизмов, отсутствующих в табасаранском (*ястух* «подушка», *чини* «фарфор», *шалгъа* «саженец», *экме* «перец», *чумур* «лоза», *барама* «шелкопряд», *илан* «змея» и др.). Нет сомнения в том, что подобная специфическая заимствованная лексика может быть обнаружена и в других языках.

Естественно, что внимание лингвистов привлекала и такая актуальная проблема, как влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава лезгинских языков, на которой в силу ограниченности задач данной работы мы здесь не останавливаемся.

Значительные успехи достигнуты в области лексикографии лезгинских языков: еще в 1950 году был издан русско-лезгинский словарь, содержащий 35000 слов (Гаджиев 1950), опубликован также лезгинско-русский словарь (Талибов, Гаджиев 1966). Лишь в 1989 году издан русско-табасаранский словарь, содержащий 10000 слов (Загиров 1989).

К сожалению, пока не изданы подготовленные табасаранско-русский и объемный русско-табасаранский словари. По литературным языкам составлены терминологические словари (СТЛЯ, 1977; ТСТЯ, 1977). О высоком уровне лексикографической разработки литературных языков лезгинской группы свидетельствует создание специальных словарей синонимов (Гюльмагомедов 1982) и омонимов (Гайдаров, Мирзоев 1981; Загиров 1985).

Ведется планомерная лексикографическая работа и по лексике бесписьменных лезгинских языков: в частности, составлены удинско-азербайджанско-русский (Гукасян 1974), арчинско-русский (Кибрик и др. 1977а) и будухско-русский (Мейланова 1984) словари. К этому следует добавить словарные материалы, содержавшиеся в грамматических очерках некоторых бесписьменных языков (Микаилов 1967). Очевидно, что наличие подобных лексикографических трудов создает благоприятные предпосылки для более углубленного изучения лексики в сравнительно-историческом и ареальном аспектах.

Хотя в работах исследователей отмечалось, что уже назрело время для сравнительно-исторических изысканий в области лексики дагестанских языков, тем не менее, последние полтора десятка лет, прошедшие после опубликования упомянутой выше статьи У. А. Мейлановой и Б. Б. Талибова, нельзя назвать особенно плодотворными для сравнительно-исторического изучения

словарного состава лезгинских языков. Все же в этой области проделана определенная работа. С выходом монографий Е. А. Бокарева (1961; 1981), коллективного труда С. М. Гасановой, Г. Х. Ибрагимова, П. Т. Магомедовой, У. А. Мейлановой, Б. Б. Талибова (1971), а также работ С. М. Хайдакова (1973), Б. К. Гигинейшвили (1977), Б. Б. Талибова (1980) установлен ряд звуковых соответствий, охватывающих все лезгинские языки, выявлено определенное число генетически общих основ и корней, сделаны первые опыты реконструкции лезгинского вокализма и консонантизма, т. е. в значительной степени решены проблемы, связанные с исторической фонетикой лезгинских языков, являющейся фундаментом для сравнительно-исторической грамматики и лексикологии.

В связи с характеристикой роли лексикологии в сравнительно-исторических исследованиях лезгинских языков следует упомянуть также ряд специальных статей. Так, в работе Б. Б. Талибова «Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы» (1960а), в которой родство хиналугского с языками лезгинской группы показывается не только с помощью анализа морфологической структуры, но и на фактах закономерных звуковых соответствий, для иллюстрации приводится список из 183 общих корневых слов этих языков, относящихся к терминам родства, обозначениям частей тела, названиям диких животных, птиц, насекомых и т. д.

Характеристике исконного лексического фонда рутульского языка посвящена статья Э. Гаджиевой (1968), в историческом аспекте рассматривается лексика крызского языка в статье Ш. М. Саадиева (1959). Лексические данные широко используются О. И. Кахадзе в целях выяснения места арчинского языка среди других языков лезгинской группы (1979).

Настоящий обзор показывает, что вопросам сравнительного изучения лексики лезгинских языков посвящено все еще незначительное число работ. В частности, многие проблемы сравнительно-исторического изучения этих языков не стали предметом специального рассмотрения. Значительно отстает также исследование словообразования в лезгинских языках, хотя решение соответствующих вопросов во многих случаях приобретает для исторической лексикологии решающее значение. Известно, например, какое большое значение имеют подобные исследования для нормализации форм литературного языка, воссоздания исторического прошлого носителей языков (см. Магометов 1979).

Таким образом, актуальной проблемой не только современного лезгинского языкознания, но и дагестановедения в целом является диахроническое описание лексики. Назревшей в лезгинском языкознании является и задача последовательного обоснова-

ния генетического родства лезгинских языков, построения их внутренней классификации, выяснение путей их исторического развития и генетических связей с другими дагестанскими языками. При этом особого внимания заслуживает историко-этимологическое изучение лексики лезгинских языков, включая исследование семантических изменений лексем, реконструкцию их древнейшего формального облика и значения. Актуальным представляется и изучение заимствованной лексики в историческом аспекте, что способствует не только познанию богатейшего словарного состава языков лезгинской группы, но и помогает решению экстралингвистической проблематики культурно-экономических связей их носителей в прошлом, а также этногенеза.

На фоне определенных успехов в развитии дагестанской компаративистики в целом достижения в области сравнительно-исторического изучения лексики представляются менее значительными. В то время как сравнительно-исторические исследования по фонетике дагестанских языков имеют достаточно длительную историю и представлены в дагестановедении целым рядом специальных публикаций (ср. Трубецкой 1930; Бокарев 1961; 1981; Гудава 1964; 1979; Гаприндашвили 1966; Гигинейшвили 1977; Акиев 1977; Талибов 1980; Акиев 1977; Талибов 1980), аналогичные разыскания в области лексики дагестанских, и в частности лезгинских, языков остаются до настоящего времени явно отстающим направлением работ. Если не считать отдельных лексикографических трудов, способствующих историко-сравнительному изучению лексики дагестанских языков (Лексика 1971; Хайдаков 1973; Мусаев 1978), закономерности путей развития словарного языка от его истоков до современного состояния, словообразование, этимология в дагестановедении пока еще не стали предметом специального рассмотрения.

Подчеркивая трудности выполнения задачи исследования истории «колоссального количества слов и их значений во всей их совокупности», Ф. П. Филин справедливо полагал, что «на первых порах надо попробовать наметить пути развития словарного состава языка хотя бы в общем, приблизительном виде» (1981б, 3).

Явно недостаточно разработанными, а точнее говоря, вообще почти не затронутыми остаются, например, вопросы сравнительно-исторического изучения лексики восточнолезгинских языков (агульского, табасаранского и лезгинского). Между тем, хорошо известно, какое большое значение имеют подобные исследования подготовительного цикла. Более того, приходится констатировать, что до сих пор не только не сформулированы задачи и цели сравнительно-исторической лексикологии лезгинских языков, но даже неясно, какие именно вопросы предстоит решить в соответствующих исследованиях в первую очередь.

К числу первоочередных проблем, стоящих перед исследователями лезгинских языков, относится и адекватное выявление генетической принадлежности богатейшего заимствованного фонда лезгинской лексики. Пока с далеко неисчерпывающей полнотой выявлен лишь материал заимствований из арабского, персидского и тюркского источников. Древнейшие заимствования доарабской эпохи, в самом первом приближении рассмотренные О. И. Виноградовой (1982а), ожидают своего дальнейшего накопления и изучения. Возникает также необходимость сравнительно-исторического изучения принципов системной организации лексики лезгинских языков (в частности, истории именных классов, системы словообразования). Несомненно, что все эти проблемы следует решать с максимальным привлечением материала. Между тем, трудность поставленной задачи усугубляется тем, что объектом исследования являются младописьменные (лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский) и бесписьменные языки. Естественно, особую позицию занимают последние, испытывающие заметное влияние со стороны родственных письменных языков.

Будучи неотъемлемым компонентом целостного комплекса исторических изысканий, сравнительная лексикология отчетливо обособляется от других смежных лингвистических дисциплин, в частности, от сравнительно-исторической фонетики, открывающей закономерности развития фонетической системы языка. Сведения об этих явлениях и процессах сравнительно-историческая фонетика черпает как из современных фактов соответствующих языков или их диалектов, сохранивших архаические формы в фонетике, так и из памятников письменности, если они имеются, заимствований, этнонимов и топонимов.

Перечисленные источники являются основными также и для сравнительной лексикологии. Однако ее задачи, естественно, иные. Сравнительная лексикология устанавливает основные закономерности, пути развития словарного состава вплоть до его современного состояния, иначе говоря, сравнительная лексикология изучает пути формирования и обогащения словарного состава на фоне истории языков в целом.

Должно быть очевидным, что без сравнительно-фонетических исследований невозможно определить лексические общности и расхождения в родственных языках, и соответственно степень их генетической близости. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, иберийско-кавказская гипотеза, постулирующая генетическое единство картвельских, абхазо-адыгейских и нахско-дагестанских языков, может быть доказана только путем установления регулярных фонемных соответствий в исторически идентичных лексических единицах основного словарного фонда. Например, наличие слов типа ав. *моцIцI,* анд. *борцIцIи,* цез. *буци,* лак.

барз, дарг. *баз*, лезг. *варз*, таб., агул. *ваз*, карат. *ваьз*, буд. *воз*, хин. *вацI*, арч. *бац*, чеч., ингуш. *бутт*, в которых представлены системные звукосоответствия, отчетливо показывает родство дагестанских и нахских языков. Неслучаен факт, что именно в работах по сравнительно-исторической фонетике дагестанских языков уже накоплен весьма значительный словарный фонд, который может с уверенностью трактоваться как восходящий к общелезгинскому лексическому пласту. Ср., например, лексические параллели:

лезг. *нет*, таб. *ницц*, агул. *нетт*, арчин. *нацIцI*, удин. *нецц* «вошь»;

лезг. *вирт*, таб. *йиччв*, агул. *йитв*, рут. *ит*, цах. *итв*, буд. *йит*, крыз. *йит*, арч. *имцIцI*, удин. *уIчч* «мед»;

лезг. *рат*, таб. *рацц*, агул. *рат*, рут. *рат*, цах. *атта*, арч. *цIцIи*, удин. *эIчч* «гумно»;

лезг. *тIвар*, таб. *ццур//ччвур*, агул. *ттур*, рут. *дур*, цах. *до*, буд. *тур*, крыз. *тур*, арч. *цIцIор*, удин. *цци*<*ццир*<*цIцIир* «имя» и др.

Из приведенных примеров видно, что общелезгинский *цIцI*, восстанавливаемый на основе отражавших его *т//тI* в лезгинском, *цц//ччв* в табасаранском, *т//тт* в агульском, *д//тт* в рутульском и цахурском, *т* в крызском и будухском, *цц//чч* в удинском, в неизменном виде сохранился в арчинском языке. Зная о таких регулярных рефлексах общелезгинской абруптивной геминированной свистящей аффрикаты *цIцI*, мы убеждаемся в историческом тождестве содержащих его лексем, представленных в языках лезгинской группы.

Сравнительно-историческая фонетика дагестанских языков в настоящее время является наиболее разработанной областью дагестанской компаративистики. Поэтому в области сравнительной лексикологии лезгинских языков имеется благоприятная возможность учитывать результаты сравнительно-исторического изучения фонетики дагестанских языков в целом (Н. Трубецкой, Е. А. Бокарев, Т. Е. Гудава, Б. К. Гигинейшвили, Б. Б. Талибов и др.), звуковые закономерности современных дагестанских языков и звуковые соответствия между ними, существующие в дагестановедении точки зрения на эволюцию общедагестанской фонологической системы. С помощью звуковых соответствий, установленных между отдельными современными дагестанскими языками, не только реконструирована система фонем общедагестанского праязыка, выведены соответствующие архетипы и правила их исторических изменений, но и выявлена значительная часть общедагестанского лексического фонда (ср. Алексеев 1981, 298—311). В целом ряде случаев реконструирован фонетический облик лексемных архетипов.

Однако, устанавливая закономерные звуковые соответствия, указывающие на фонетические критерии генетического отож-

дествления лексем, исследователи значительно меньше внимания уделяют семантике реконструированного слова и формы, а нередко и вовсе предают забвению семантическую сторону лексем. Между тем, лишь при кардинальном исправлении такого положения вещей станет возможным выявить важнейшие характеристики общелезгинского словаря (в частности, его тематическую структуру) и, следовательно, его соотношение с общедагестанским лексическим фондом.

Распространенное в языкознании прошлого представление о быстрой изменчивости, неустойчивости словарного состава приводило к мнению, что историко-генетические вопросы должны решаться в первую очередь на базе морфологических данных, в которых прослеживаются устойчивые закономерности. Действительно, словарный состав языка, в котором непосредственно отражаются перемены в жизни общества, более изменчив, чем фонетический и морфологический строй. Тем не менее, в определенных пластах лексики также сохраняются древние элементы, в течение продолжительного времени передающиеся от одного поколения к другому. В этой связи Ф. П. Филин справедливо отмечал: «В современных языках сохраняются слова, которые древнее египетских пирамид, которые древнее всех современных фонетических и морфологических закономерностей. Именно лексика наиболее перспективна для решения важнейших этногенетических проблем. Кстати говоря, если бы в лексике не сохранялось устойчивых пластов, то было бы невозможно составление этимологических словарей» (1981б, стр. 13).

Исследования в области сравнительно-исторической фонетики родственных языков, предполагающие фонетические критерии генетического отождествления лексических единиц, как бы подготавливают почву для исследований по сравнительно-исторической лексикологии, одной из задач которой является сопоставление определенных лексических единиц, а также реконструкция их наиболее древнего значения.

Выявление первоначального значения слова и его дальнейшего изменения в родственных языках «фактически невозможно без знания истории данного народа, его этнографических особенностей, культуры, хозяйственного уклада его жизни и т. д.» (ОЯ, с. 61).

Связь сравнительной лексикологии с культурно-исторической реальностью имеет очень важное значение для решения сложной проблемы этногенеза носителей лезгинских языков с точки зрения участвовавших в нем компонентов. Не меньшее значение имеет и задача культурно-исторической интерпретации данных лексики лезгинских языков в той мере, в какой нерасторжимая связь язы-

ка и общества позволяет заглянуть в прошлое народа, определить былой уровень его развития, условия жизни.

Здесь сравнительная лексикология вступает в тесную связь с этнографией, актуальной задачей которой является изучение культурного наследия народов. По этому поводу еще П. К. Услар писал, что «исследование горских языков должно послужить краеугольным камнем для дальнейших этнографических работ, без чего таковые работы невозможны» (1888, с. 33). И, напротив, для исследований по сравнительной лексикологии многое могут дать исследования в области истории, археологии и этнографии, материальной и духовной культуры народов Кавказа и Дагестана, по истории хозяйства, семейному быту, по древним религиозным верованиям, описание поселений, жилищ, их архитектурных особенностей, национальной одежды и т. д. (Можно указать на ряд этнографических работ, содержащих материалы, представляющие определенную ценность для сравнительной лексикологии лезгинских языков (Калоев 1962, с. 69—108; Лавров 1962, с. 110—157; Ихилов 1967 и др.).

В качестве примера целесообразности учета данных этнографии в сравнительной лексикологии можно привести широко распространенное в лезгинских языках название женских шаровар, ср. лезг. *вахчег,* таб. *хуччиг,* рут. *вахчег,* крыз. *ваьхчег,* буд. *ахчег,* для которого иногда предполагают среднеперсидское происхождение (Виноградова 1982, с. 9). Данное предположение становится значительно более убедительным, если учесть, что «покрой лезгинских женских штанов находит широкие аналогии не только в Дагестане, но и у многих народов Кавказа и даже Передней Азии» (Агаширинова 1978, с. 225).

Сведения этнографии приобретают существенную роль и при анализе истории «общекавказского» слова неизвестного происхождения со значением «плуг», ср. лезг. *куьтен,* таб. *кутан,* агул. *кутан,* крыз. *кватан,* буд. *кутан,* арч. *кутан.* Позволительно усомниться в том, что оно является сколько-нибудь древним достоянием лезгинских языков, поскольку сама обозначаемая этим словом реалия («тяжелый сложный плуг») появилась в лезгинских районах лишь в конце XIX века (Агаширинова 1978, с. 30).

Исторические сведения всегда пересекались с языковыми. Не без основания признается, что на анализе материала лишь одного-двух языков трудно уяснить и решить вопросы происхождения и древнейшей культуры народа, что для этого необходимо использовать этнографические и лингвистические материалы нескольких родственных языков. Сравнительная лексикология связана и с изучением языка фольклора, откуда она должна черпать примеры несохранившихся в языке лексем, представляющих

очевидную ценность для сравнительно-исторического изучения лексики лезгинских языков.

Лексические реконструкции в силу их семантического компонента так или иначе могут внести свою лепту в изучение истории самого общества. На подобное указывает, например, наличие фиксируемых в этимологическом словаре абхазо-адыгских языков исконных лексем со значениями «море», «берег (с галькой)», «рыба (крупная морская)», «гора», «высокий лес», «кустарник колючий» и т. п., надежно локализует ареал носителей соответствующего языка-основы примерно на местах нынешнего расселения абхазов и адыгов. С другой стороны, факт исконной скотоводческой терминологии содержит важные указания об укладе жизни древних картвелов на определенных этапах их истории (Климов 1973, 30—31). Подвергнутые анализу в коллективной работе «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» древнейшие пласты лексики дагестанских языков проливают свет на некоторые стороны жизни носителей этих языков в далеком прошлом (Лексика 1971, с. 274—286). Так, широкий цикл скотоводческих терминов по всем отраслям представлен, по данным дагестанских языков, очень древней словарной группой, отражающей большой удельный вес скотоводства в жизни и хозяйстве дагестанских народностей в далеком прошлом. По данным этой группы, включающей около двадцати названий животных, прежде всего подтверждается мнение о дагестанских народах как о древних скотоводах. Оно всецело поддерживается, в частности, данными лезгинских языков (ср. исконно общие здесь названия быка, козы, собаки и т. д.):

1. Бык — авар. *оц*, ахвах. *унча*, карат. *унса*, тинд. *муса*, чам. *муса*, багв. *муса*, ботл. *унса*, годоб. *унса*, анд. *унсо*, бежт. *онс*, цез. *ис*, хварш. *ынс*, гин. *иьш*, гунз. *онс*, дарг. *унц*, лак. *ниц*, арч. *онс*, лезг. *йац*, таб. *йиц*, агул. *вец*, *йацв*, рут. *йац*, цах. *йац*, хин. *лац* «корова», удин. *ус*.

2. Коза — авар. *цӀцӀе*, ахв. *цӀцӀин-аӀлӀлӀи*, карат. *цӀиӀи-налӀлӀо*, тинд., чамал, *цӀцӀемалӀлӀ*, анд. *цӀцийа*, бежт. *цан*, цез. *чанийа*, хварш., гин., гунз. *цан*, лак. *цӀуку*, хин. *цӀол*, лезг., агул., таб., рут. *цӀегь*, цах. *цӀеъ*, арч. *цӀей*, крыз. *цӀегӀ*; буд. *цӀегӀ*, удин. *вел*.

3. Собака — авар. *гьой*, ахв. *хвай*, карат. *гьве*, *гьвай*, чам., годоб., ботл. *хвай*, багв. *гьвай*, анд. *хой*, бежт. *во*, цез. *гьваӀй*, дарг. *хаӀ*, лезг. *ху//хуь*, таб., агул. *хуй*, рут. *хве*, цах. *хваӀ*, хин. *пхре*, *крыз*. хвар, буд. *хор*, удин. *хаӀ*.

Особенно возрастает роль сравнительно-исторической лексикологии на фоне случаев некритического использования лексического материала этнографами и историками. Например, Агала-

ров М. (1974, 220—221), основываясь на сомнительном сопоставлении агульского *мирар* «держак (сохи)» с андийским *мияр* «голова», реконструирует древний бесподошвенный тип пашущего орудия (сохи). Другим примером неадекватного толкования лексического материала может служить утверждение Л. И. Лаврова о том, что первобытные войны нередко ограничивались одним боем, что автор обосновывает совпадением значений «война» и «бой» в ряде языков; в частности, в лезгинском *дяве* (1982, 72). Между тем, иллюзорность подобного доказательства вытекает уже из того, что лезгинское слово является поздним заимствованием из арабского (араб. *да'ва* «драка, война»).

Сравнительное изучение лексики лезгинских языков для определения генезиса их общих элементов требует выявления истории и этимологии слов. Поэтому этимологию можно рассматривать в качестве одной из отраслей сравнительно-исторической лексикологии, поскольку целью этимологических изысканий является не только выяснение происхождения слова, но и истории слова. Очевидны, однако, те огромные трудности, которые возникают на пути изучения истории слов в лезгинских языках, лишенных древнеписьменной традиции. Как писал А. С. Чикобава, «этимологию обычно толкуют как «происхождение слова». Однако, «этимология» и «происхождение слова» понятия не равнозначные: история слова — необходимая предпосылка для этимологии, но история слова еще не этимология, если не выявлена та характеристика, которая давалась «обозначаемому предмету в наименовании (1961, 21).

Этимологические исследования, способствующие углубленному изучению того или иного языка, тем более полезны и необходимы, чем более фрагментарны наши знания о путях его развития, что в полной мере относится и к нашему материалу.

Этимология необходимо предполагает сочетание методов внешней и внутренней реконструкции, основанных на сравнении фактов внутри и вне единой системы. В этом отношении девять лезгинских языков, обнаруживающих различную степень взаимного родства (от тесного до сравнительно отдаленного), предоставляют в распоряжение компаративиста очень благоприятный фактический материал (мы исходим из того, что допущение Ю. Д. Дешериева о возможном нелезгинском характере хиналугского языка (1959) оправдывается).

Историко-этимологические исследования лексики как лезгинских, так и вообще дагестанских языков не вышли еще из своей начальной стадии. Пока не созданы этимологические словари-справочники, дающие исчерпывающую информацию об этимологии и об истории слов всех современных дагестанских языков.

В этом отношении в лучшем положении оказались картвельские и абхазо-адыгские языки, которые уже имеют определенные традиции этимологических обобщений, и в частности опыт создания этимологических словарей (Климов 1964, Шагиров 1977). Нельзя, впрочем, не отметить, что эти работы существенно облегчают — особенно в сфере исторических интернационализмов мусульманского мира — констатацию многих заимствований и в дагестанских языках.

Упомянутая выше работа коллектива сотрудников ИИЯЛ Даг. ФАН СССР «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков — первый опыт изучения дагестанской лексики в историческом аспекте. В ее теоретической части рассматриваются конкретные вопросы фонетики и грамматики, описывается современный звуковой инвентарь и звуковые соответствия, а также структура именных и глагольных основ. Особый интерес для нас представляет часть книги, содержащая словарное собрание, которое включает материал всех двадцати шести дагестанских языков, демонстрирующий в первом приближении общность корней множества слов дагестанского языка-основы (в ней впервые в кавказоведении систематизирован прадагестанский словарь, в котором подвергнуто сравнительно-историческому рассмотрению около 400 лексических единиц). Эта работа, по существу закладывающая фундамент этимологического словаря, несомненно, послужит отправным пунктом дальнейших разысканий в области сравнительно-исторической лексики нахско-дагестанских языков.

Вслед за этой работой вышел «Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков» С. М. Хайдакова (1973), в котором привлекаются материалы 13 дагестанских языков, в том числе 5 письменных (аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский) и 8 бесписьменных (андийский, агульский, арчинский, бежтинский, крызский, рутульский, удинский, цахурский) языков. По мере необходимости автор приводит и материалы ряда других дагестанских языков. Включается сюда и заимствованная лексика с указанием источника заимствования.

Как видим, работа по сравнительно-исторической лексикологии дагестанских языков только началась. В силу этого особенно важным представляется не только осознание места зарождающейся дисциплины в кругу смежных направлений, о чем шла речь выше, но и определение тех приемов и методов, которыми эта дисциплина пользуется. Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать принимаемые нами методы сравнительно-исторической лексикологии.

1. Отбор материала для сравнения. В компаративистике, как известно, «материалом для сравнения обычно служат элементы

языка, принадлежащие к его наиболее устойчивым сферам. В области лексики это будут слова, составляющие так называемый основной словарный фонд языка — названия элементарных действий, явлений окружающей человека природы, местоимения, числительные, предлоги, послелоги и другие наиболее устойчивые лексические категории» (ОЯ 1973, с. 39).

Действительно, в сравнительно-исторических изысканиях по лексике дагестанских языков внимание обращается в первую очередь на перечисленные тематические группы. Рассматривая в этом плане лексику, представленную в упомянутой работе С. М. Хайдакова, можно заметить, что подавляющее большинство лексического материала в этом словаре относится к таким тематическим группам, как «Животный мир», «Части тела», «Растительный мир», «Элементы ландшафта» и т. п. При более глубоком изучении сравнительной лексикологии решение ее задач требует учета значительно более широкого материала, охватывающего как множество второстепенных по своему значению словарных групп, так и заимствований.

Все же думается, нельзя отбрасывать и лексику, хотя и заведомо менее пригодную для сравнения, но все же имеющую определенный удельный вес в общем словаре сравниваемых языков. Сопоставление, например, татар. *хахылдарга* «хохотать», др.-греч. **хахаеw** и рус. хохотать (ОЯ 1973, 39) с лезг. *хъуьруьн «смеяться»*, естественно, не может говорить о генетической общности приведенных слов, поскольку, во всех случаях здесь составляет идея звукоподражания. Тем не менее, можно не сомневаться в том, что лексема со значением «смеяться» существовала и в общелезгинскую эпоху, хотя мы пока не в состоянии реконструировать ее определенный общелезгинский архетип: ср., например, лезг. *хъуIруьн, хъуьрхъуьн* (куб.), *алхиш* (ахт., докуз.), таб. *ахIлхъоIз,* агул. *алхъаIс,* рут. *йаIхъиI гьыъын,* цах. *аIхъаIна гьаъас,* буд. *ирхъиI,* крыз. *хъуридж,* арч. *хурас,* удин. *ахччум песун* (Талибов 1980, с. 306).

Аналогичным образом в работе следует, по-видимому, подходить и к специальным и культурным терминам. С одной стороны, эта область лексики, действительно, наиболее часто подвержена заимствованию. В частности, в тематической группе, объединяющей названия одежды, лезгинские языки обнаруживают большое количество заимствований из азербайджанского и персидского языков, ср. лезг. *башлух* «башлык», *башмакь* «башмак», *бухча* «одежда умершего», *келегъа* «тонкий головной платок из натурального шелка», *санжах* «булавка», *чалма* «чалма», *чекме* «сапог», *шал* «шаль», *элжек* «перчатки», *яйлух* «носовой *платок»* и др., заимствованные из тюркских языков (Гайдаров 1966, с. 215)

или таб. *зарбаф, кьумаш, магьут, маьхмар, парча, чит* — виды тканей, *шарвар* «брюки» и др., заимствованные из персидского языка (Загиров 1981, с. 61).

К тому же, определенная часть культурной лексики может оказаться исконной. Значение этой части словаря сопоставляемых языков возрастает, особенно если учесть, что именно ее ингредиенты способны приводить исследование к важным выводам экстралингвистического порядка (например, о древней социальной и экономической структуре общества, его материальной и духовной культуре).

2. *Установление рядов сравниваемых единиц и их генетическое отождествление.*

Как отмечается в коллективном труде «Общее языкознание», «... знание исторической фонетики родственных языков представляет первейшее и самое необходимое условие для сравнения (ОЯ 1973, с. 40). Данное положение является достаточно очевидным, хотя, как показывает практика сравнительно-исторических исследований дагестанских языков, оно все еще нередко игнорируется.

Соответственно, принцип регулярности фонетических соответствий подменяется в таких случаях принципом фонетического сходства, содержание термина «соответствие» трактуется уже не как отношение двух единиц, восходящих к единой проформе, а как любое сопоставление двух или более сходных форм (Алексеев 1981).

Сопоставление лексических единиц предполагает не только материальную, фонетическую сторону их анализа, но и содержательную. Как правило, при сопоставлении лексических единиц, тождественных в плане семантики, эта сторона задачи сама собой отпадает. Естественно, что многие лексические единицы вступают в процессе развития языка в новые системные связи, меняют свое значение. Характеризуя состояние сравнительно-исторической лексикологии нахско-дагестанских языков в целом, М. Е. Алексеев справедливо отмечает недостаточную разработку в ней вопросов семантических изменений: к сравнению обычно привлекаются лишь тождественные по семантике лексемы (1981, с. 307). Ограничиться изучением таких слов значит сознательно сузить объяснительные возможности исследования.

В целом ряде случаев правомерность сопоставления подтверждают также сопоставления культурно-исторического и этнографического характера. Последнее обстоятельство тем более важно учитывать, поскольку, как свидетельствует практика этимологических исследований, и в современном дагестановедении «мы встречаемся со множеством ошибочных реконструкций, обязанных

неучету культурно-исторического фона функционирования лексики ... Так, характер отношений лингвистов-этимологов к свидетельствам истории культуры Дагестана можно определить как незнание основных результатов, достигнутых дагестановедами смежных специальностей» (Климов 1985).

В сферу компетенции сравнительной лексикологии входит и рассмотрение общих принципов системной организации лексического состава языков. Активно изучаемые в настоящее время на материале отдельных языков эти принципы требуют и своей диахронической интерпретации. Из большого перечня традиционно относящихся сюда проблем нашего материала особенно существенное значение приобретает историческое изучение функционирующих здесь именных классификаций. И хотя уже предшествующими исследователями отчетливо установлена направленность развития от многочисленных систем к их свертыванию и даже к полной утрате в части языков — удинском, лезгинском и агульском (ср. Кахадзе 1984), именно сравнительно-исторической лексикологии предстоит нарисовать исчерпывающую картину этого чрезвычайно длительного процесса. Другое не менее интересное направление работ составляет в этой связи выяснение удельного веса дескриптивной лексики в словарном фонде лезгинских языков.

Нетрудно увидеть, что изложенные здесь соображения представляют собой прежде всего в некотором роде программу исследований, выполнение которой представляется в настоящее время все более настоятельной задачей. Ее удовлетворительное решение потребует немало усилий как по систематизации, так и по анализу богатейшего словарного состава лезгинских языков. С выполнением этой задачи, думается, будут заложены основы построения сравнительно-исторической лексикологии дагестанских языков.

Большое значение в работах сравнительно-исторического характера имеет специфика материала, на который опирается исследование. Из-за отсутствия древних памятников письменности на рассматриваемых языках, подготовительных работ сравнительно-исторического характера, а для табасаранского, крызского, агульского, рутульского, цахурского языков и сколько-нибудь исчерпывающих лексику словарей, в настоящей работе широко используются данные диалектов и говоров рассматриваемых языков. Это представляется тем более оправданным, поскольку диалектные данные дают подчас более ценные сведения, чем сведения, добываемые из старых текстов.

В сравнительной лексикологии должен широко использоваться и фразеологический материал исследуемых языков, который в силу традиции его употребления и устойчивости лексического

состава сохранил в себе наряду с архаическими грамматическими формами и устаревшие слова.

В этой связи большую пользу в изысканиях по сравнительной лексикологии лезгинских языков могут принести работы А. Г. Гюльмагомедова (1978; 1980 и др.) по лезгинскому, А. Г. Караева (1969) по цахурскому, А.-К. С. Бламамедова (1984) и Ф. Н. Гусейновой (1984) по рутульскому языкам и школьные двуязычные фразеологические словари А. Г. Гюльмагомедова (1971; 1975) и В. М. Загирова (1977).

Глава II. ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

В словарном составе языков лезгинской группы обнаруживается значительный пласт заимствованной лексики, свидетельствующий об интенсивных контактах в прошлом лезгинского, табасаранского, агульского, рутульского, цахурского, крызского, будухского, удинского и арчинского языков с языками различных семей.

В научной литературе уделено значительное внимание контактированию с различными иносистемными языками отдельных языков лезгинской группы. В сравнительном плане вопросы контактирования практически не исследовались: единственным исключением является наша упомянутая выше монография (Загиров 1987), в которой ставятся теоретические вопросы выявления заимствованной лексики, обсуждаются проблемы поисков древнейших заимствований в дагестанских языках и т. п. В то же время влияние на лексику языков лезгинской группы таких источников, как арабский, персидский и тюркские языки, в этой работе освещено далеко не полно.

Между тем именно контакты с названными языками оставили наиболее существенный след в словаре рассматриваемых языков. Они получили отражение на всех уровнях лезгинских языков — в лексике, фразеологии, фонетике и грамматике, сыграли определенную роль в развитии словарного состава, в формировании диалектов и говоров языков лезгинской группы и отразились в материальной и духовной культуре народов. При этом слова восточного происхождения настолько органически вписались в их лексическую систему, что их определение представляет значительные трудности не только для учащихся школ, студентов вузов, но и для учителей школ и специалистов. В силу этого целесообразным представляется рассмотреть в первую очередь именно дан-

ную группу заимствований, уделив особое внимание таким вопросам, как фонетическое, морфологическое и семантическое освоение заимствований.

Персидские заимствования

Персидские заимствования в языках лезгинской группы подразделяются на группы: среднеперсидские (до VII в. н. э.) и на новоперсидские. Исторический контекст их проникновения в дагестанские языки неоднократно менялся. Так, известно, что «согласно договору 390 г. в целом Кавказская Албания, а также восточные области Грузии и Армении были присоединены к Ирану. Более трехсот лет Албания находилась под властью Сасанидов. В целях укрепления управления Албанией правители постепенно переселяли на захваченную территорию ираноязычные народы. По свидетельству Моисея Калантаковского, родственник иранского шаха Хосрова II Мехран с 30 тысячами семей переехал из Ирана в Албанию. В V веке Шеки (восточная точка Алазании) была основной резиденцией сасанидских мирзбанов» (Асланов 1977, 147).

Для относительной хронологизации персидских заимствований определенную помощь может оказать сопоставление их с азербайджанским лексиконом. При отсутствии в последнем соответствующих персизмов можно утверждать, что они проникли в лезгинские языки до начала широких лезгинско-тюркских контактов, поскольку в противном случае в лезгинских языках скорее имели бы тюркизмы. Ср. арч. *биринз,* агул. *бурунж* (<перс. *бэрнэндж)* «рис» при лезг., рут., таб. *дуьгуь* (< азерб. *дују)*.

В большинстве случаев все же можно признать довольно поздний характер персидских заимствований в лезгинских языках. Приведем некоторые из них.

Названия посуды

КУВШИНЧИК: лезг., таб., буд., *афтафа,* рут. *ахьтухьа,* цах. *астафа,* удин. *афтIафа* (перс. *афтафаг*).

МЕДНАЯ КРУЖКА: лезг., *жам,* таб. *джаьм,* рут. *джем,* цах., крыз., буд., удин., *джам* (перс. *джам).*

ПОЛОВНИК: лезг., таб., *абугердан,* агул., рут. *абугардан,* буд., крыз. *абгардан* (перс. *абгӓрдан).*

ТАЗ I: лезг., таб., агул. *таш,* рут., цах. *таст,* крыз. *тIаьс,* удин., арч. *тIаз* (перс. *тас).*

ТАЗ II: лезг., таб., агул. *леген,* рут., крыз., удин. *лаьгаьн,* цах. *легам,* буд. *лаган* (перс. *лӓгӓн* «таз, корыто»).

ЧАЙНИК: лезг., таб., агул. *чайдан,* рут. *чайдан,* цах., арч. *чей-дан* (перс. *чайдан).*

Предметы быта

ВЕСЫ: лезг., таб., агул. *терезар,* рут. *таразы,* цах. *терезликI,* буд. *таразу,* арч. *тараз* (перс. *тäразу).*

КРОВАТЬ, ПРЕСТОЛ: лезг., таб., агул. *тахт,* рут., цах. *тахт,* буд. *тахт,* арч. *тах* (перс. *тахт).*

ЛОПАТА: лезг. *ппер,* таб. *бер,* рут. *бар,* цах. *бел,* арч. *бэл,* буд. *бел, бар* (перс. *бил).*

НОЖ: лезг. *ништIар,* таб., агул. *наштар,* рут. *мишта́ьри,* цах. *ништIар* (и шило), удин. *ништIар* (перс. *нэштäр).*

РУБАНОК: лезг., таб., агул. *ранда,* рут., цах. *ранда,* буд. *ран-да,* арч. *ланда* (перс. *рäндэ).*

СЕКАЧ: лезг., таб., рут. *дегьре,* агул., цах. *дегьра,* буд., удин. *дагьра* (перс. *дähрэ).*

СВЕТИЛЬНИК: лезг., таб., агул., рут., крыз., удин. *чирагъ,* цах. *чирах,* арч. *чарах* (перс. *чираг).*

СВЕЧА: лезг. *шем,* агул. *шамъ,* таб. *шам,* рут., цах. *шам,* буд., удин. *шам* (перс. *шäм').*

ЦЕПЬ: таб. *зунжур,* агул. *синджил,* рут., крыз. *зинджир,* цах. *зинжир,* удин. *зинджил,* арч. *синжир* (перс. *синжир).*

Названия одежды, материй и различных изделий

БАРХАТ: лезг. *махпур,* таб. *маьхмар,* агул. *мехмер,* рут. *мах-мыр,* цах. *махмар,* буд. *мехмер,* удин. *махмур,* арч. *мухмур* (перс. *махмал).*

БРЮКИ: лезг. *шалвар,* таб. *шалвар,* агул. *шавлар,* цах. *шал-вар,* крыз., буд. *шалвар* (перс. *шалвäр).*

ЗАНАВЕС: лезг. *перде,* таб., рут. *перде,* агул. *пирдав,* цах. *перда,* буд. *парда,* удин. *паьрдаь, пардав* (перс. *пардэ).*

ЗНАМЯ: лезг. *пайдах,* таб., агул. *пайдагъ,* рут. *байдагъ,* цах. *пайдагъ,* крыз. *байдах,* буд. *байрагъ,* арч. *бэйрахъ* (перс. *бэйрäг).*

КОШЕЛЕК: лезг., таб. *кисе,* агул. *киса,* рут. *кисаь, кисе,* цах. *киса,* буд. *кисе,* удин. *кисаькI,* арч. *киса* (перс. *кифе).*

МЕШОК: лезг. *чувал,* таб. *чувал,* агул. *чувал,* рут. *чывал* (перс. *човал).*

ОТРЕЗ: лезг. *парча,* таб., агул., цах., арч. *парча,* рут. *парча,* буд. *парче,* удин. *парча* (перс. *пäрче).*

ПОДКЛАДКА: лезг., цах., удин. *астIар,* таб., рут. *астар* (перс. *äстар).*

ПОКРЫВАЛО, ПАЛАТКА, ШАТЕР: лезг. *чадура,* таб., цах., буд. *чадра,* агул., рут. *чадура* (перс. *чадор).*

ПЕРЕМЕТНАЯ СУМА: лезг. *хуржин,* таб. *хурджин,* агул. *хуржин,* рут. *хурджин,* цах. *хурджун,* буд. *хурдуьн* (перс. *хурджин).*

ПОЛОТЕНЦЕ: лезг., таб., рут., цах, крыз., буд. *дасмал,* агул. *тасмал,* удин. *даьсмаьл* (перс. *дастмал* «платок»; «салфетка»).

РУБАШКА: лезг. *перем,* агул. *баьргьаьм,* буд. *пирем* ! (перс. *барhан).*

СУМКА: лезг. *чанта,* таб., агул. *чанта,* крыз. *чанта,* рут. *чантый* (перс. *чӓнтэ).*

ШУБА: лезг. *кавал,* таб., агул., рут. *кавал,* цах. *кувал,* удин. *кIовал* (перс. *гӓвал).*

ШАРОВАРЫ (женские): лезг., рут. *вахчег,* таб. *хуччиг,* агул. *хважаг,* крыз. *ваьхчег,* буд. *ахчаг.*

Растительный мир

ДЕРЕВО: лезг. *ттар,* крыз., агул. *дар* (перс. *дар).*

ВИШНЯ: таб. *беъли,* агул. *багIлин,* буд. *баъали,* удин. *бали,* арч. *багIли* (перс. *бӓhле).*

ГРАНАТ: лезг. *анар,* таб. *нар,* агул., рут., цах., крыз., буд., арч. *нар* (перс. *нар).*

ХЛОПОК: лезг. *памбаг,* таб. *бамбаг,* агул. *помбаг,* рут. *бамбак,* цах. *баIмбаIк,* буд., крыз. *помбу,* удин. *помбакI,* арч. *пампи* (перс. *пӓмбе).*

КАПУСТА: лезг., таб. *келем,* агул. *калам, келем,* цах., *крыз.,* буд. *калам,* арч. *калам, кылам* (перс. *калам).*

ОГОРОД: лезг. *бустан,* агул., крыз. буд. *бустан,* таб. *бистан,* рут., цах. *быстан* (перс. *бостан).*

ПЛОД: лезг. *мейва,* таб., агул., рут., цах. *мейва,* крыз. *мейваь,* удин. *мейваь* (перс. *миве).*

РЕДЬКА: лезг., рут., цах., крыз., буд., удин. *турп,* таб., агул. *турф* (перс. *тороб).*

РИС: лезг. *пурунз,* агул. *бириндж,* рут. *бурунз,* цах. *биринз,* удин. *бириндз,* арч. *биринж* (перс. *бэрэндж).*

СВЕКЛА: лезг., таб., рут., цах., крыз., буд. *чугъундур,* агул. *чагъундур* (перс. *чогондор).*

ТУТ: лезг., агул., цах., крыз., буд., арч. *тут,* таб. *хатрут,* рут. *турт,* удин. *тут, хартут* (перс. *хартут* «крыжовник»).

ФИНИК: лезг., агул., рут., цах., крыз., буд., арч. *хурма,* таб. *хурмав* (перс. *хорма).*

Животный мир

КОБЫЛА: лезг., таб., *хвар,* агул. *хвар,* крыз. *хвар «собака»* (перс. *хӓр* «осел»).

БУЙВОЛ: лезг., агул. *гамиш,* таб. *гамуш,* рут. *джавмиш,* цах. *джамиш,* крыз. *гомиш,* буд., арч. *гомуш,* удин. *коьмуьш* (в рут. и цах. через азерб. *джамыш)* (перс. *гавмиш).*

БЕЛКА: лезг. *хаз* «мех», таб., рут. *хаз,* буд. *хаз,* крыз. *хиз* «бурдюк для хранения масла» (перс. *хäз).*

ВОЛК: лезг. *жанавур,* агул. *жанавур,* таб. *джанавар,* буд., крыз. *джанавар,* рут. *джаныват* (перс. *джäнгавäр).*

ДРАКОН: лезг. *аждагьан,* таб., агул., крыз., удин. *аждагьа,* рут. *аждагь,* цах. *аІджагьа,* буд. *аджагьа,* арч. *иждагьан* (перс. *аждаhак).*

ДИЧЬ: лезг., таб. *ничхир,* агул. *нахшар,* рут. *наьхчир,* цах. *наьхчир* (перс. *нäхджир* «охота, дичь»).

КОСУЛЯ: лезг. *жейран,* таб., рут., цах. *джейран,* буд., удин. *джейран,* арч. *жийран* (перс. *джейран).*

СОБАКА (охотничья): лезг., таб., агул., арч. *тула,* рут. *тыла,* цах. *тула,* крыз. *тулаь* (перс. *туле* «щенок»).

СЛОН: лезг., таб. *фил,* агул., цах. *фил,* буд., удин. *фыл,* арч. *пил* (прес. *фил).*

СОКОЛ: таб. *ппази,* агул. *пази* (перс. *баз).*

СОЛОВЕЙ: лезг., агул., рут., крыз., арч. *билбил,* таб. *бюлбюл,* цах. *булбул,* буд. *буьлбуьл,* удин. *буьлбуьл* (перс. *болбол)).*

ТИГР: лезг., таб., агул., буд. *пеленг,* рут. *пелленг,* цах. *пелян,* *пелеьаьнг,* удин. *паьланж* (перс. *палäнг).*

Названия частей тела

ТЕЛО, ДУША: лезг. *чан,* таб. *жан,* агул., рут., цах., буд. *джан,* арч. *жан* (перс. *джан).*

ГУБА: лезг. *пІуз,* цах. *пыз,* крыз. *пыз* «морда» (перс. *пуз* «морда»).

ЖИЛА: лезг., таб. *дамар,* крыз., буд. *дамар* (перс. *дäмар).*

КИШКА: лезг. *рад,* таб., рут. *руд,* агул. *руд, рур,* цах. *вур* (перс. *рудэ).*

УС: лезг. *сппел,* таб. *сумпил,* крыз. *сибел* (перс. *сэбил).*

ТУЛОВИЩЕ, СТАН: лезг., таб. *тан,* цах. *тан* (перс. *тан).*

ШЕЯ: лезг., таб., агул., рут., цах. *гардан,* крыз. *гаьрдан,* буд. *гардан,* удин. *каьрдаьн* (перс. *гäрдäн).*

Названия людей

БЕЗОБИДНЫЙ, БЕДНЯГА: лезг., таб. *бейнава,* рут. *байнава* (перс. *бинäва).*

БОРЕЦ, СИЛАЧ: лезг. *пагьливан,* таб. *пягьливан,* агул. *пагІливан,* рут. *палуван,* цах. *пегьливан,* удин. *пейливан,* арч. *погьлон* (перс. *пähлäван).*

БОЛЕЗНЕННЫЙ: лезг. *нахуш,* таб., агул. *нахуш,* рут., цах *нахуш,* буд. *нахуш* (перс. *нӓхош).*

ВЕСЕЛЫЙ: лезг., таб. *шад,* агул. *шадф,* рут. *шадды,* цах. *шадра,* буд. *шад* (перс. *шадман).*

ВОСТОРЖЕННЫЙ: лезг. *сархуш,* таб., агул. *сархуш,* рут., цах. *сархуш* (перс. *сӓрхош.).*

ВОЖДЬ: лезг., таб., рут. *регьебер,* цах. *paIxIбар* (перс. *рӓһбар).*

ВРАГ: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., буд., арч. *душман,* удин. *дуьшман* (перс. *дошман).*

ЛЮБОВНИК, ПРИЯТЕЛЬ: лезг., таб. *ашна,* рут., цах. *ашна* (перс. *ашна* «известный, знакомый»).

ГОСТЬ: лезг., агул. *мугьман,* рут., цах. *мигьман,* буд. *мемен* (перс. *мегьман).*

ДРУГ: лезг., таб., агул. *дуст,* крыз., буд. *дуст,* рут., цах. *дост;* арч. *дос* (перс. *дуст).*

КУПЕЦ: лезг. *савдагар,* таб. *севдигар,* агул. *сивдигар,* рут. *савдигар,* буд. *совдагэр* (перс. *соудагӓр).*

МАЛЬЧИК: лезг. *гада,* таб. (канд.) *гиди,* агул. *геда,* рут., цах., буд. *гада,* крыз. *гадаь* (перс. *гӓда).*

НЕГОДЯЙ, ПРЕДАТЕЛЬ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *намерд,* удин. *наьмаьрд* (перс. *намӓрд).*

НЕДОВОЛЬНЫЙ: лезг., таб., агул., буд. *наразм,* рут. *наразид,* цах. *наразийра* (перс. *нарази).*

НЕСЧАСТНЫЙ: лезг., таб., агул. *бедбахт,* рут., цах., буд. *бедбахт* (перс. бадбахт).

ПОМОЩНИК: лезг. *шакIурт.* таб. *шагурт,* агул. *шагирд, шавурт,* рут. *шагырт,* цах. *шыгирт,* буд. *шегирт,* арч. *шугурт* (перс. *шагерд).*

СЧАСТЛИВЕЦ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд., арч. *бахтавар* (перс. *бӓхтвӓр).*

Названия болезней и понятий, связанных со средствами лечения

БОЛЕЗНЬ: лезг. *азар,* таб. *аьзар,* агул., цах., крыз., буд., удин., арч. *азар,* рут. *аьзар* (перс. *азар).*

ЛЕКАРСТВО: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *дарман,* арч. *дуру* (перс дӓрман).

МОКРОТА: лезг., таб., агул., цах., *балгъан,* удин. *балгъам,* буд. *балгъант* (перс. бӓлгӓм).

Названия продуктов питания

ПРОСТОКВАША: лезг. *маст,* таб. *мас,* рут. *маст,* цах. *маст,* буд. *маст* (перс. *маст).*

САХАР: лезг., таб. *шекер,* агул. *шакIар,* рут. *шагар,* цах. *шакар, шекер,* крыз. *шаькаьр,* арч. *шакар* (перс. шакар).

ТВОРОГ: таб. *шур* «рассол», рут. *шур,* крыз. *шуур,* удин. *шор* (перс. шур).

УКСУС: лезг., агул., рут. *сирке,* цах. силка, крыз. *сиркаь,* буд. *сирка,* арч. *ссирка* (перс. *серке).*

Военные термины

БАРРИКАДА: лезг. *сенгер,* таб. *сенгер,* рут. *саьнгаьр,* цах. *сангар* (перс. *сäнгäр).*

КОЛЕСО, КАТУШКА: лезг., таб., агул. *чарх,* рут., цах. удин., буд., арч. *чарх* (перс. *чäрх).*

КОЛОКОЛ, ЗВОНОК: лезг., таб., буд. *зенг,* агул., арч. *занг,* рут., цах. *заьнг,* удин. *заьнк* (перс. *занг).*

НАГРУДНИК ЛОШАДИ: лезг. *сенебенд,* таб. *синабенд,* рут. *синабенд,* цах. *сенебенд* (перс. *синэбäнд).*

ПУШКА, МЯЧ: лезг., таб., агул., рут. *туп,* цах. *топ,* крыз., буд. *туп,* арч. *думп* (перс. *туп).*

РУЖЬЕ: лезг., таб. *туьфенг,* агул. *туфанг,* рут. *тухьванг, топанг,* крыз. *тфаьнг,* арч. *туманг.* (перс. *тофäнг).*

Названия строений и их частей

БАЗАР: лезг., таб., агул., рут. цах., крыз., буд., удин., арч. *базар* (перс. *базар).*

БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ: лезг. *майдан,* таб., агул., рут., цах., буд. *майдан,* крыз. *мейдан* (перс. *мэйдан).*

ВЕРСТАК: лезг. *дезге,* таб. *дезгегь,* цах. *дезга,* буд. *дезгаьгь,* удин. *даьзках* (перс. *дастгäh).*

ВОРОТА: рут. *дарваза,* цах., удин. *дарваза,* крыз. *даьрваьза,* удин., арч. *дувраз* (перс. *дарвäзэ).*

ГОРОД: лезг. *шегьер,* таб., агул. *шагьур,* рут. *шагьар,* цах. *шахIар,* крыз., буд., удин. *шаьгьаьр,* арч. *шагьру* (перс. *шähр).*

ГОСТИНАЯ: лезг., таб. *тавхана,* агул. *тавур,* рут. *тав,* крыз. *тов,* арч. *товхан* (перс. *табханэ).*

ЗАБОР, ОГРАДА: лезг. *пару,* таб., буд., удин *бару,* цах. *баруг,* крыз. *бари* (перс. *бару).*

КАМИН: таб., цах, *бухара,* агул. *бухарин,* рут. *бухайер,* удин. *бухари* (перс. *бухари).*

ОКНО: лезг., таб. *пенжер,* крыз. *паьжара,* буд. *пенеджере* (перс. *пäнджäрэ).*

ОСНОВАНИЕ: лезг., цах. *бине,* таб., агул. *бина,* арч. *бинап,* рут., цах. *бине,* крыз., удин. *бинав* (перс. *бэна, бāна).*

ПЛОТИНА: лезг., таб., агул., удин. *банд,* рут. *баьнд,* цах. *бенд,* крыз. *баьнд* (перс. *бāнд).*

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР: лезг. *карвансара,* агул., рут., цах. *карвансара* (перс. *кар(э)вансāра).*

ПЕЧЬ: лезг. *тӀанур,* таб. *терун,* цах. *тандур* (перс. *танур).*

СКЛАД: лезг., таб., агул., удин. *гьамбар,* рут., цах., крыз., буд., арч. *амбар* (перс. *āмбар).*

ТРУБА водопроводная глиняная: лезг., таб. *гунг,* крыз, *кунг* (перс. *гонг).*

ЦЕРКОВЬ: лезг. *килиса,* таб., цах. *килиса,* буд. *килисе,* арч. *килиси* (перс. *келисā).*

Разное

БОРЬБА: лезг. *женг,* таб. *женг,* агул. *жэнг,* цах. *жанг,* буд. *дженг* (перс. *джāнг).*

ДЕЛО, ЗАНЯТИЕ: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *кар* (перс. *кар).*

ЗРЕЛИЩЕ: лезг., агул., рут., цах. *тамаша,* арч. *тамаши,* буд. *тамаша* (перс. *тамāшā).*

КУПЛЕТ, СТРОФА: лезг., таб., рут., цах. *бенд,* буд. *бент* (перс. *банд).*

МУЧЕНИЕ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд *бизар* (перс. *биззар).*

НЕОЖИДАННЫЙ: лезг., таб., рут., цах. *бейхабар* (перс. *бихāбāр).*

НЕДЕЛЯ: лезг. *гьафте,* таб., агул. *гьаьфта,* цах. буд. *гьафта,* крыз. *хӀаьфтаь* (перс. *гьāфтэ).*

ОБИЖАТЬ: лезг., таб., агул., рут. *бейкеф* (перс. *бикеф).*

СТРУНА; ПРОВОЛОКА: лезг., таб., агул., цах., крыз. *сим,* рут. *син, сим.* (перс. *сим).*

СУД: лезг., таб., агул., рут., цах. диван (перс. *диван).*

ТОРГОВЛЯ, СДЕЛКА: лезг., агул., рут., цах. *савда,* таб. *севде,* буд. *совда* (перс. *сöуда).*

ХУДШИЙ: лезг., таб., рут., цах. *бешбетер,* агул. *бешбетар.*

ЦВЕТ: лезг., таб., агул., рут., цах. *ранг,* буд. *ренг,* арч. *ранг* (перс. *рāнг* «раскрашенный»).

Заимствования из татского языка

Еще одним иранским языком, с которым лезгинские языки в прошлом имели непосредственные, но ограниченные по масштабам и формам контакты, является **татский,** т. е. горско-еврейский язык.

В прошлом горские евреи были представлены почти на всей территории распространения языков лезгинской группы. «До недавнего времени горские евреи жили в лезгинских аулах Мамрач, Ханжалкала Магарамкентского района и в селении Араг Касумкентского (нынешнего Сулейман-Стальского. — В. З.) района ДАССР» (Гайдаров 1966, 186). Горские евреи были представлены также в сел. Екрах и Хили-Пенджик Табасаранского района и в некоторых селениях Агульского района, ср.: «...во многих агульских селениях проживали кроме агулов, лезгины, лакцы, даргинцы, табасаранцы, горские евреи и армяне, которые впоследствии слились с агулами. К числу таких селений можно отнести Тпиг, Гоа, Рича, Буркихан и некоторые другие. В селении Гоа, например, до недавнего прошлого жил целый тухум, состоящий из потомков горских евреев, почти целиком потерявших свои национальные черты» (Калоев 1962, 73). Таты соседствуют с лезгинами также в северо-восточном Азербайджане (Кубинском, Исмаилинском районах Азербайджана, в сел. Варташен Куткашенского района, в г. Кубе. (О контактах североазербайджанских татов см. Грюнберг 1963). Впоследствии горские евреи в основном были сосредоточены в гор. Дербенте, центре экономических, культурных и торговых связей народов Южного Дагестана.

По утверждению исследователей, «в прошлом татоязычных населенных пунктов, по-видимому, было больше. Кроме устных преданий, об этом свидетельствует и тот факт, что в ряде крупных населенных пунктов лезгин имеются кварталы под названием «чувуд мягьле» «еврейский квартал» (Гайдаров 1966, 186, см. также Ихилов 1955, 231).

В этой связи замечательный кавказовед прошлого П. К. Услар отмечал, что «Табасарань обитаема была идолопоклонниками и евреями. Последнее подтверждается тем, что и теперь еще живет там весьма много евреев» (1979, 49). Далее автор приводит и число татских и еврейских дворов в Северном и Южном Табасаране (919 дворов) и говорящих по-татски (3103 человек) (с. 55).

Непосредственное соседство татов с носителями лезгинских языков, а также постоянные их контакты в связи с мелкой торговлей и посредничеством горских евреев в населенных пунктах Южного Дагестана (почти в каждом районном центре и крупных аулах они держали мелкие лавки и духаны) не могли не сказаться на языках лезгинской группы.

В специальной литературе (Гайдаров 1966; Саадиев 1972, 50; 1977, 157) уже отмечалось о проникновении в собственно лезгинский и крызский языки татских слов. Предположительно к таким заимствованиям отнесены слова: мамела «мелкий товар, подлежащий продаже; товар, который носит с собой бродячий торговец»;

миш «очищенная от шерсти овчинка; кусочек овчинки»; дуьгуьр «особое покрывало, которым укрывают невесту во время свадебного процесса»; савда «торговля, торговая сделка»; куьмек «помощь; подмога», тдиде «мать», кисе кисет «кошелек»; кепкир «шумовка»; Манатил, Шабан, Салман, Ягьия и др. «имена собственные» и некоторые другие (Гайдаров 1966, 187). Элементами татского языка в крызском считают гьаьлов<тат. гьааьло «одежда»; тагар<тат. таьгаьр «град»; дагьар «камень»<тат. дагьар «скала» (Саадиев 1972, 50); в лезгинском и крызском — гаф «слово»<тат. гаф; пиала — лезг, сукIра, крыз. сукIраь, срв. тат. сукъра «расщелина глубокая»; пещера—лезг. дагьар, крыз. дагьар «камень», срв. тат. дагьар «каменъ»; камин — лезг. тав, крыз. тов «гостиная», срв. тат. тоу; ветер — лезг. гар, крыз. хьар «ветерок, слабый ветер», срв. тат. вар «ветерок, слабый ветер» (Саадиев 1977, 156).

На наш взгляд, предположительно татскими по происхождению являются следующие лексемы, представленные в разных языках лезгинской группы:

тат. хувар[1] «сестра»>таб. хувар (диал.) «женщина, женщины»;

тат. гуьрде «почка»>таб. гурдим «почка»;

буд. жужу «еж»>буд. джаджу «еж»;

тат. сичсули «крыса»>цах. сичIавул «куница»;

тат. джум «барбарис»>лезг. чумал, таб. чимил, крыз. джимел «кизил»;

тат. чин «серп»>буд. чин «серп»;

тат. шум «пахота»>таб. швум «стерня»;

тат. сумер «солома»>лезг. самар, таб. швумар «солома»;

тат. рушум «светлый, чистый»>таб. раши «светлый (о волосах)»;

тат. дар «дерево»>агул. дар, лезг. ттар «дерево»;

тат. руру «кишка»>цах. вур «кишка» (в большинстве лезгинских языков название кишки восходит к персидскому источнику).

Тюркизмы

Лексика лезгинских языков особенно заметно пополнялась заимствованиями из соседних тюркских языков, в частности из азербайджанского.

Дагестанско-тюркские языковые контакты имеют давние традиции. Как предполагают историки, начало исторических контактов народов Южного Дагестана и Азербайджана относится еще к X—XI векам, когда на территории Северного Азербайджана появились большие и компактные массы тюркоязычных племен[1].

---

[1] По некоторым сведениям, определенные изменения в экстралингвистической карте Азербайджана в связи с перерастанием количества тюрков произошли раньше, к III—IV вв. (Гукасян, 1986, 5).

В этот период происходят активные процессы тюркизации местных племен.

Очень давние и тесные связи имел с соседним азербайджанским языком лезгинский. Контакты лезгинского и азербайджанского языков, как справедливо отмечает Р. И. Гайдаров (1966, 192—198), внесший большой вклад в изучение тюркских заимствований в лезгинском языке, обусловлены наличием следующих факторов:

а) значительная общая граница;

б) нахождение ряда лезгинских сел в окружении азербайджанских (населенные пункты лезгин в Исмаилинском,Варташенском, Куткашенском и др. районах Азербайджана);

в) существоване смешанных азербайджанско-лезгинских и лезгинско-азербайджанских населенных пунктов;

г) совместная жизнь в городах и рабочих поселках (Дербент, Хачмас, Баку и др.);

д) традиционное сезонное пребывание большого числа лезгин на территории распространения азербайджанского языка.

Следует также отметить, что для лезгин, проживающих в Азербайджане, азербайджанский язык служит языком школы, образования, печати и радио, литературы и искусства, делопроизводства.

Все лезгинское население, проживающее на территории Азербайджана, двуязычно — оно свободно владеет родным (лезгинским) и азербайджанским языками.

Жители лезгинских селений, расположенных на границе Азербайджана, также издавна имели тесные связи с азербайджанцами. «Базой в их взаимоотношениях служил обмен продуктов животноводства на продукты сельского хозяйства и предметы легкой промышленности» (Гюльмагомедов, Талибов 1972, 158). Достаточно красноречивым является и следующее утверждение этнографа: «хновцы пользуются базаром чаще в Нухе, чем в Ахтах, до которых от них 50 км по трудной вьючной тропе. Азербайджанским языком в Хнове владеет 90—95% населения, лезгинским — около 30, а русским не более 20%. В паспортах у хновцев, хотя и записано, что они лезгины, однако при встрече с настоящими лезгинами они разговаривают, как правило, на азербайджанском языке. Хнов относится к Ахтынскому району, населенному почти сплошь лезгинами» (Лавров 1982, 140).

Контакты табасаранского и азербайджанского языков, нашедшие отражение в работах Магометова (1966; 1977), Эфендиева (1973; 1982; 1985) и наших статьях и публикациях (Загиров 1975; 1981; 1985), также объясняются наличием территориальных, социально-экономических и культурных связей носителей этих язы-

ков. Азербайджанский язык находит широкое распространение в населенных пунктах Табасаранского района. В северной его части расположено восемь крупных азербайджанских аулов (Марага, Хилипенджик, Дарваг, Зиль, Арак, Екрах), сам районный центр Табасаранского района аул Хучни — азербайджанское село.

Свободное владение и пользование азербайджанским языком, как и табасаранским, т. е. двуязычие отмечается более чем в 10 аулах Табасаранского района. Старшее поколение жителей района также владеет азербайджанским языком.

Особенно тесными были экономические и торговые связи между Табасараном и Дербентом, где также представлен азербайджанский язык. Дороги, соединяющие Северный Табасаран с прибрежной полосой Каспийского моря, в частности с ближайшим городом Дербентом, с которым он имел тесные экономические и торговые связи, пролегают через названные азербайджанские аулы. Табасаранское население Хивского района владеет лезгинским языком. Шоссейная дорога, соединяющая село Хив — центр Хивского района в южной части Табасарана — с городом Дербентом, пролегает через Касумкентский район, населенный лезгинами (Магометов 1977, 40), ср.: «Лингвистическая пестрота в Дагестане сочетается с полиглотностью населения, главным образом мужского. В распространении народных языков наблюдается там вертикальная зональность: горцы гораздо чаще знают языки населения, живущего ниже, нежели того, кто живет выше. Вторым (т. е. неродным) языком обычно является язык промышленного и культурного центра (города), к которому тяготеет данное горское население, и, кроме того, язык того соседнего народа, через чью территорию осуществляется связь с таким центром» (Лавров 1982, 148).

Характерно высказывание А. Дирра о влиянии азербайджанского языка на табасаранский: «Табасаранский язык представляет собою язык с несомненно дагестанской грамматикой, но его лексический материал значительно обеднел: табасаранский лексикон изобилует персидскими, турецко-татарскими и арабскими словами. Большинство этих иностранных слов проникло в табасаранский язык посредством татарского (азербайджанского) языка, влияние которого обнаруживается не только в словаре, но также в грамматике» (1905, 1).

Действительно, нужно отметить, что азербайджанских заимствований в табасаранском, как и в других лезгинских языках, носители которых находятся в контакте с азербайджанским населением прибрежной полосы Каспийского моря, значительно больше[1],

---

[1] По нашим подсчетам, число тюркизмов в табасаранском языке достигает 1000 слов.

чем и других дагестанских языках, не имеющих непосредственного контакта с азербайджанским (даргинский, лакский, аварский и другие не лезгинские дагестанские языки).

Особенно интенсивными были контакты с тюрками (азербайджанцами) у носителей рутульского и цахурского языков, непосредственно граничащих на юге с Северным Азербайджаном. По историко-этнографическим данным, цахурцы-рутульцы, совместно с крызцами-будухцами представляют собою этническую общность и имеют общую территорию. Цахурцы населяют не только западную часть Рутульского района Дагестана (верхнее течение реки Самур, т. н. ущелье Горный Магал), но и северо-восточную часть Закатальского и северную часть Кахского районов Азербайджана. Рутульцы также представлены в пяти селах Шекинского и Кахского районов Азербайджана.

Глубокие хозяйственно-экономические и культурные контакты рутульцев и цахурцев с тюрками-азербайджанцами оказывали определенное влияние на их быт и культуру. Оно находило непосредственное отражение и в их языках. Примечательно в этой связи следующее высказывание А. Н. Генко в работе о цахурском (цахском) алфавите: «Живя в среде тюрок Азербайджана, будучи связанным с тюрками разнообразными связями (экономическими, политическими, культурными, религиозными), цахуры с давних пор, с момента утраты политической и национальной независимости, стали непосредственно подпадать под тюркское влияние и в известной части утрачивали родной язык» (1934, 3). К сказанному надо добавить, что на территории Рутульского района в соседстве с крупным аулом Ихрек расположено азербайджанское село Нижний Катрух, до 1952 года в цахурских и рутульских школах велось обучение на азербайджанском языке, до 1963 года в селе Рутул на азербайджанском языке издавалась местная газета «Гызыл Чобан» и велось делопроизводство, и долгое время языком регионального общения был азербайджанский язык.

Подавляющее большинство взрослого населения цахурцев и рутульцев свободно владеет азербайджанским языком, т. е. двуязычно. Контакты рутульского и цахурского языков с азербайджанским, отраженные в обстоятельных трудах Г. Х. Ибрагимова (1978) и А. М. Асланова (1964), обусловлены также сезонным отходничеством рутульцев и цахурцев на заработки в Азербайджан. Все это не могло не способствовать интенсивному проникновению тюркоязычной лексики, словообразовательных средств и моделей в рутульский и цахурский языки.

Издавна контактировал с тюркским, как и некоторыми другими древними языками, удинский язык. В. Л. Гукасян, проводивший значительную работу по выявлению и анализу тюркизмов в удин-

ском языке, считает, что контакты азербайджанского и удинского языков, которые берут свое начало с раннего средневековья (XI—XII вв.), интенсифицировались и наладились процессом общенародного полного двуязычия удин (1973д, 57). Вследствие двуязычия все сферы удинского языка подверглись сильному влиянию азербайджанского языка. Как отметил еще А. М. Дирр, если из лексического состава удинского языка изъять тюркские и иранские заимствования, то в нем «слов не хватит на обозначение самых обыденных вещей» (1903, 11). По утверждению В. Л. Гукасяна, удины, усвоив азербайджанский язык, начали вносить различные изменения в свой родной язык, и уже в XIII—XIV вв. не только могли говорить по-азербайджански на уровне родного языка, но и мыслить на одинаковом уровне на основе обоих языков (1974д, 62). В подтверждение сказанному, можно заметить, что из 5836 слов, включенных в Удинско-азербайджанско-русский словарь (Гукасян 1974), 2 тыс., т. е. 1/3 оказались заимствованными из азербайджанского языка.

Древние населенные пункты носителей крызского языка (с. Крыз, Хапут, Джек, Алык, Ергюдж) расположены на территории Кубинского района Азербайджана. Трудно определить хронологию установления общественно-экономических связей носителей крызского языка с азербайджанским населением нынешнего Хачмасского, Исмаилинского и др. районов. Однако известно, что тесные контакты крызцев и азербайджанцев, усилившиеся особенно после установления Советской власти в Азербайджане, привели к тому, что для носителей крызского языка азербайджанский язык стал вторым языком культуры и просвещения.

По утверждению М. М. Саадиева, подвергшего подробному анализу азербайджанско-крызские языковые контакты, «азербайджанский язык для крызцев был и является в настоящее время вторым языком, средством письменного общения. На нем идет обучение в крызских школах, на нем ведутся все дела в культурно-просветительных и административных учреждениях» (1970 д, 208).

Древними представляются также контакты одноаульного будухского языка с азербайджанским. Сравнительно развитое земледелие, садоводство, огородничество и культура азербайджанцев не могли не повлиять на весь уклад жизни, духовное развитие будухцев, проживавших в горной части Кубинского района Азербайджана. Результатом многостороннего влияния новых социально-экономических факторов азербайджанской культуры и быта является обогащение лексики будухского языка заимствованиями из азербайджанского языка и вошедших через азербайджанский язык. Влияние азербайджанского языка на будухский настолько велико, что, по утверждению У. А. Мейлановой, «многие исконно

будухские слова молодежью не употребляются и сохранились лишь в речи представителей старшего поколения. Множество лексем основного словарного фонда совсем утрачены и восстановить их не представляется возможным» (1984, 200).

Значительное место занимают тюркские заимствования и в агульском языке (Дирр 1907; Шаумян 1941), хотя непосредственного соседства с носителями тюркских языков агулы не имеют. Однако в прошлом и «агульская территория, через которую проходили важные военно-стратегические пути, не раз подвергалась опустошительному нашествию иноземных захватчиков» (Калоев 1962, 73). Агулы испытали также ужасы нашествия татаро-монголов, а также турецких и иранских завоевателей.

Имели агулы контакты и с тюрками-азербайджанцами, которые, в первую очередь, объясняются отходничеством. «Ежегодно после окончания сельскохозяйственных работ почти все мужчины выезжали за пределы гор... Агулы уходили на бакинские нефтяные промыслы, в Кубу и Дербент, где работали на виноградных плантациях у крупных садоводов, а также в другие районы Кавказа и даже в центральную Россию» (Калоев 1962, 84). С тюркоязычной территорией агулы осуществляли и торговые связи, ср.: «Из Баку, например, они (агульские мелкие торговцы. — В. З.) приносили в агульские горы в мешках из козьих шкур мазут, служивший для освещения жилья горцев. Из агульских ущелий скупщики вывозили шерсть, ковры, скот, наживая большие барыши» (Калоев 1962, 85).

Известно, что для старшего поколения носителей агульского языка в зависимости от соседства языком межплеменного общения наряду с лезгинским и даргинским служил и азербайджанский. Кроме того, преподавание в начальных классах аула Буршаг велось на азербайджанском языке (Магометов 1970, 7).

Арчинский язык территориально также не граничит с тюркскими языками. Однако выявленный в его лексике богатый слой тюркизмов (см. Кибрик и др. 1977, 48—50) свидетельствует о том, что часть из них проникла в результате разносторонних связей с кумыкским языком, а другая — через аварский и лакский языки.

Таким образом, непосредственное соседство носителей языков лезгинской группы с тюркскими и длившиеся веками социально-экономические и торговые связи между ними послужили основной причиной не только интенсивного проникновения тюркоязычной лексики в лезгинские языки, но и распространения знания азербайджанского языка среди их носителей.

Наконец, следует отметить, что тюркские заимствования по языкам лезгинской группы и их диалектам распространены неравномерно. В языках или диалектах постоянного контактирования

с азербайджанским, где коренное население характеризуется развитым двуязычием, например, в удинском, крызском, будухском, цахурском, рутульском, кубинском диалекте лезгинского, северном (гъурна) диалекте табасаранского языка, процент употребления в речи носителей тюркских заимствований почти в 2—3 раза больше, чем в агульском и арчинском языках, южном диалекте табасаранского, яркинском и курахском диалектах лезгинского языка. Больше всего заимствований выявлено в районах, где имеются смешанные азербайджанско-лезгинские; азербайджанско-цахурские, азербайджанско-табасаранские населенные пункты, где функции азербайджанского языка как средства межнационального общения шире.

Наиболее тесные связи лезгинских языков с тюркским (азербайджанским), как было отмечено выше, следует отнести к первым годам установления Советской власти в Дагестане, когда азербайджанский язык выступал в качестве средства межнационального общения народностей Южного Дагестана, преподавание в первых советских школах, подготовка первых учительских кадров для лезгинских и табасаранских школ, издание книг и делопроизводство велось на азербайджанском языке. Этим периодом датируется и приток в языки лезгинской группы большого числа азербайджанских и усвоенных им в прошлом персидских и арабских слов, являющихся в основном терминами науки и культуры.

Характер значений тюркизмов, представленных в лезгинских языках, свидетельствует о том, что влияние азербайджанского языка на носителей лезгинских языков сказалось в сельском хозяйстве, жилищном строительстве, кулинарии и других видах материальной культуры.

Проникновение тюркизмов в лезгинские языки осуществлялось и осуществляется ныне устным путем. Следует отметить, что тюркоязычная традиция среди носителей лезгинских языков устойчива и в настоящее время тюркский (азербайджанский) язык является одним из основных источников заимствований в лезгинских языках.

Среди тюркских заимствований преобладают лексемы, обозначающие конкретные предметы и их признаки, животный и растительный мир, большое количество глагольных основ на -миш, -ламиш. Они охватывают самые разнообразные семантические пласты лексики лезгинских языков. Приведем некоторые из них.

Посуда

БЛЮДЦЕ: лезг. *бушкъаб,* таб., агул. *бушгъаб,* рут. *бышкъаб,* цах. *бошкъаб,* буд. *бишкъаб,* крыз. *бышкъаб,* удин. *бошкъав,* арч. *пошкъап* (азерб. *бошгаб).*

КАСТРЮЛЯ: лезг., цах. *къазан,* таб., крыз. *къаьзанча,* буд., удин. *къазанча,* арч. *хъазам* (азерб. *газан)*.

КРЫШКА: лезг., рут. *къалпагъ,* таб. *гъапагъ,* цах. *къапах,* буд., удин. *къапагъ* (азерб. *гапаг).*

МИСКА, СОСУД: лезг. рут., цах., буд., крыз. *къаб,* таб. *гъаб,* агул. *хъаб,* удин. *къав* (азерб. *габ).*

ПОСУДА: лезг. *къаб-къажах,* таб. *гъаб-гъажах,* агул. *гъаб-гъажагъ,* рут., цах., *къаб-къаджагъ* (азерб. *габ-гажаг).*

СКОВОРОДА: лезг. *ягълав,* таб. *ягълуча,* буд. *йагъулча.*

ЧАША (деревянная): лезг. *чанах,* таб., рут., буд. *чанахъ,* цах. *чанаьх* (азерб. *чанаг).*

ЧАШКА: лезг. *бади,* таб. *бадйа,* рут. *бадийе*, цах. *бадийе,* буд. *бадье* (азерб. *бадэ* «бокал, чарка»).

ЦЕДИЛО: лезг. *суьзег,* таб. *суьзен,* цах. *сюзгн,* буд. *сюзег* (азерб. *сызаган).*

Домашняя утварь

БУЛАВКА: лезг., таб., рут. *санжах,* цах., буд. *санджагъ,* крыз. *саджаягъ* (азерб. санжаг).

БРИТВА: лезг. *уьлгуьч,* таб. *уьлгюж,* рут. *уьлгуьж,* цах. *илгуж,* буд. *уьлгуьдж,* удин. *уьлкуьдж* (азерб. *улкуж).*

БОЧКА: лезг., таб., агул. *челег,* буд. *челлег* (азерб. *чэллек).*

ВЕРТЕЛ: лезг., таб., агул. *шиш,* рут., цах. буд. *шиш* (азерб. *шиш*)

ЗЕРКАЛО: лезг., таб., цах. *гузгуь,* удин. *кизки,* *куьзки* (азерб. *кузку).*

КРЮЧОК: лезг. *къармах,* таб. *гъармах,* рут. *къармух,* цах. *къырмах,* буд., удин. *къармагъ,* арч. *хъармах* (азерб. *гармаг).*

КОРОБКА: лезг., таб., агул. *кьути,* рут. *кьоти, кьуту,* цах. *кьуты,* буд. *кьутIи,* удин. *къути,* арч. *къути* (азерб. *гуту,* ср. араб. *куьтIuːI* «отрезанный»).

ЛЕЙКА: лезг. *къиф,* таб. *кьиф,* агул. *гъиф,* буд. *къиф* (азерб. гыф)

КОВЕР: лезг., таб., агул., удин. *халича,* рут. *халиче,* буд. *кьалча* (азерб. халча).

КОВЕР (безворсовый): лезг. *сумаг,* таб., агул., рут. *сумах,* буд. *сумаг* (азерб. *сумах).*

МАТРАЦ (войлочный): лезг., таб. *такалту,* агул. (бурш.) *такаргул,* рут. *такалтый* (азерб. *тэкалты).*

СУНДУК: лезг. *сандух,* таб., цах., крыз. *сундух,* агул., буд. *сундукь,* удин. *сандугъ* (азерб. *сандыг).*

ТРУБКА: лезг. *къалиян,* таб. *гъайлан,* агул. *кьалийан,* рут. *кьалийан,* цах. *кьайлаьн,* арч. *хъалин* «папироса» (азерб. гэлјан).

УТЮГ: таб., агул. *ути,* рут. *ъути,* цах. *утуь, иту,* буд., лезг., удин. *уьтуь,* арч. *уту* (азерб. *уту,* ср. перс. *оту).*
ЩИПЦЫ: лезг., таб. *маша,* цах. *маше,* крыз. *маьшаь,* удин. *ма- ша* (азерб. *маша).*

Названия одежды

БАШЛЫК: лезг. *башлух,* таб. *башлугъ,* агул., буд. *башлугъ,* рут., цах. *башлых* (азерб. *башлыг).*
БАШМАК: лезг., таб., агул., рут., цах. *башмакь,* арч. *башмаг* (азерб. *башмаг).*
БУРКА: лезг., таб., рут. *йапунжи,* буд. *йапунчи* (азерб. йапынжы).
БАХРОМА: лезг., таб. *сачах,* рут., цах. *сачах,* буд. *сачаг* (азерб. *сачаг).*
ГОЛЕНИЩЕ: лезг. *дулах,* таб., буд. *дулакъ,* цах. *до- лах,* арч. *дулакъ* «обертки для сапог» (азерб. *долаг* «обмотки, пор- тянки»).
ЗАПЛАТА: лезг. *пине,* таб. *пина,* буд. *пине* (азерб. *пинэ).*
ОДЕЯЛО: лезг. *йургъан,* рут. *йургъан,* буд. *йургъан* (азерб. jорган).
ОДЕЖДА: таб. *палтар,* рут. *палтар(в),* цах., удин., лезг. *пал- тал,* арч. *палтал* «постельные принадлежности» (азерб. *палтар).*
ОДЕЖДА (умершего): лезг., таб., буд. *бухча,* цах. *бухча* «одежда невесты», арч. *пахча* «женская нагрудная сумочка» (азерб. *богча* «узел, узелок»).
ПЛАТОК (носовой): лезг. *йайлух,* таб. *йагълухъ,* агул. йагъ- *лукь, ягълухъ,* рут. *йалык,* цах. *йалыгъ,* буд. *йойлугъ,* крыз. *йай- лух,* удин. *йаьйлугъ* (азерб. *йайлыг).*
ПЛАТОК (тонкий головной): лезг., таб. *келегъа,* агул. *келе- гъан,* рут. *калагъый,* цах. *калагъай,* арч. *чалагъай (азерб. ка- лагаjы).*
ПЕРЧАТКА: лезг., таб. *элгеж,* цах. *элжаг,* буд. *элджек,* крыз. *аьлджак,* удин. *аьлджаьг* (азерб. *элжэк).*
ПОЯС (женский): лезг. *камари,* таб. *камар,* рут. *кемер,* крыз. *каьмаьр,* арч. *камал* (азерб. *кэмэр).*
ПУГОВИЦА: лезг., таб. *дуьгме,* рут., буд., крыз. *дугма,* цах. *дуьгма* (азерб. *дуjмэ).*
САПОГ: лезг., таб., агул. *чекме,* цах. *чакма,* буд. *чакма,* крыз. *чаькмаь,* рут., арч. *чакма* (азерб. *чэкмэ).*
ЧАЛМА: лезг., таб., рут., цах., буд., арч. *чалма* (азерб. *чалма).*
ШАЛЬ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд., крыз., удин. *шал* (азерб. шал).
ШАПКА I: лезг. *бармак,* агул. *бармак,* рут. *бармак,*

ПАПАХА, ШАПКА: таб., цах. *папах,* удин. *папакъ* (азерб. *папаг*).

Растительный мир

АРБУЗ: лезг., рут., цах., буд., удин. *къарпуз,* таб. *гъарпуз* «тыкниъ», агул. *халпус,* крыз. *къаьрпыз,* арч. *хъарпуз* (азерб. *гарпыз*).

АЛЫЧА: лезг. *алуча,* таб., рут. *алче,* цах. *алче,* буд. *алче,* крыз. *аьлчаь,* удин. *алча* (азерб. *алча*).

БОБЫ: лезг. *нахут,* крыз. *нохутI,* таб., агул. *нахут,* рут., цах. *нахут,* буд. *нохут* (азерб. *нохут*).

ВИНОГРАД: лезг. уьзуьм, крыз. *уьзуьм* (азерб. *узум*).

ИНЖИР: лезг. инжир, таб., агул., рут. *инжир,* цах., буд., удин. *инжил,* крыз. *аьнджил* (азерб. *энжир*).

КУРАГА: лезг. *къайси,* таб. *гъяйси,* рут. *къайис,* буд. *къайси,* удин. *къайси* (азерб. *гайсы*).

КУСТ: таб. *куьл,* агул., буд., рут. *кул,* цах. *коьл* (азерб. *кул*).

КАМЫШ: лезг. *къамыш,* агул. *къаммиш,* рут. *къамыш,* цах. *къамыш,* буд. *къамиш,* удин. *къамыш,* арч. *камуш* (азерб *гамыш*).

КАРАГАЧ, ВЯЗ: лезг., таб., рут., цах. *къарагъаж,* агул. *къарагъаж,* буд. *къаригъадж* (азерб. *гараѓаж*).

КАШТАН: лезг., таб., рут., буд. *шабалут,* крыз. *шабаблинтI* (азерб. *шабалыд*).

МЕЛКИЙ ОРЕХ: лезг. *фундух,* рут., буд. *финдикь,* крыз. *финдык* (азерб. *фындыг*).

ОДУВАНЧИК: лезг., таб. *йаланчи,* рут. *йоланчи* (азерб. *јаланчи*).

ОГУРЕЦ: лезг. хияр, рут. *хийар,* цах. *хийар* (азерб. *хијар*).

ПЕРЕЦ: лезг. *истивут,* таб., агул. *иставут,* рут. *истивут,* цах. *истиот,* буд. *истиут,* арч. *истигIоти* (азерб. *истиот*).

ПОЛЫНЬ: лезг., таб., рут. *йавшан,* цах., буд. *йовшан* (азерб. *јовшан*).

РИС: лезг., таб., рут. *дуьгуь,* цах. *дуьгу* (азерб. *дују*).

РИС: (неочищенный): лезг., таб., буд., арч. *чалтук,* рут. *чалтух,* цах. *шалтук,* удин. *чалтык* (азерб. *чэлтик*).

РОЗА: лезг. *къизилгуьл,* таб. *гъизилгуьл,* рут., буд. *къизилгуьл,* крыз. *къызылгуьл* (азерб. *гызылкул*).

ТЫКВА: лезг., рут., цах. *къабах,* агул. *къавахъ,* буд. *къагъ,* крыз. *къабаьх,* удин. *къаьбаьх,* арч. *хъабахъ* (азерб. *габаг*).

ТАБАК: лезг. *туьтуьн,* таб. *туьтуьм,* рут. *тутум,* цах. *туьтуьн,* арч. *тутун* (азерб. *тутун*).

ЦВЕТОК: лезг. *гуьл,* таб. *гюл,* рут., цах., крыз. *гуьл,* буд. *гул* (азерб. *кул*).

ФАСОЛЬ: лезг., таб., рут., цах., буд., крыз. *пахла,* удин. *пахъла* (азерб. *пахла*).

Животный мир

БУЙВОЛ: лезг., таб. *кел,* рут., цах. *кал,* крыз. *кьал,* удин. *кэ*
(азерб. *кэл).*

БУЙВОЛ (молодой): лезг., таб. *келче,* цах., буд. *калче,* крыз
кьалъаь, удин. *кэлче* (азерб. *кэлчэ).*

БУГАЙ: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., удин., арч. *бугъ*
(азерб. *буіа).*

БУЙВОЛИЦА (яловая): лезг., рут., цах. *эркек* (азерб
еркэк).

ГУСЬ: лезг., агул., рут., цах., буд., крыз., удин, *къаз,* таб. *гъаз*
арч. *къаз* (азерб. *газ).*

ЖЕРЕБЁНОК: лезг. *тайча,* таб. *дайча,* рут. *дай,* цах. *дайче*
буд. *тIейче,* крыз. *тIайчаь* (азерб. *дајча).*

ЖЕРЕБЕЦ: таб. *айагъур,* рут. *айгъыр,* цах. *айгъур,* буд
айгъыр, удин. *гьайхыр,* арч. *айгъур* «сильная лошадь» (азерб
айгыр).

ЖУРАВЛЬ: лезг., таб., агул., рут., буд. *дурна* (азерб. *дурна).*

ЖИВОТНОЕ с белой отметиной: лезг., агул., рут., цах., буд
къашкъа, таб. *гъашкъа* (азерб. *гашга).*

ЗМЕЯ: лезг. *илан,* крыз. *илан* (азерб. *илан).*

ИНОХОДЕЦ: таб., рут., буд. *йургъа,* агул. *йургъав,* арч. *йур-
гъаньш* (азерб. *јорга).*

КАБАН: лезг., рут. *къабан,* арч. *хъабан* (азерб. *габан).*

КОГОТЬ: лезг. *къармах,* таб. *гъармах,* агул., цах., рут. *къар-
мых,* буд. *къармагъ,* арч. *хъармаъ (и крючок)* (азерб. *гармах).*

ЛЕВ: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., удин., арч. *аслан*
(азерб. *аслан).*

МУЛ: лезг., рут., цах., буд. *къатир,* таб., агул. *гъятир,* крыз
къьтир, удин. *къаътиър* (азерб. *гатир).*

ОСЛИК: лезг. *къудух,* таб. *гъудугъ,* рут., цах., буд. *къудугъ,*
удин. *къодугъ* (азерб. *годуг).*

ОЛЕНЬ: лезг. *марал,* таб., агул., рут., цах., буд., удин. *марал*
(азерб. *марал).*

ОТМЕТИНА: таб. *тIагъма,* агул. *тIамгъа,* рут., цах., удин. *дам-
гъа,* арч. *дамгъав (азерб. даміа).*

ПТИЦА: лезг., агул., рут., цах., буд., крыз., удин. *къуш,* таб
гъуш (азерб. *гуш).*

ПТИЦА семейства орлиных: лезг., таб., цах., буд., удин. *чала-
гъан* (азерб. *чалаган).*

РЫБА: лезг., таб., рут., цах., крыз., буд. *балугъ,* агул. *балик*
(азерб. *балыг).*

РАК: лезг., таб. *къирхайагъ,* рут. *къырхайагъ,* цах. *къырхаягъ*
буд. *къирхайагъ* (азерб. *гырхајаг).*

РОД ЗМЕИ: лезг., таб., *гуьрзе,* рут. *гуьрзи,* цах. *гуьрза,* крыз. *гурзаь,* удин. *куьрзаь* (азерб. *курзэ).*

СКОТИНА: лезг., агул., рут., цах., буд., крыз. *къарамал,* таб. *гарамал* (азерб. *гарамал).*

СТАДО: лезг. *суьруь,* таб., рут. *суьри,* цах. *сури,* буд. *суру* (азерб. *сури).*

СОКОЛ: лезг., рут., цах., буд. *лачин* (азерб. *лачын).*

ТАБУН: лезг., таб., буд., крыз. *илхи,* рут. *йаьлхы,* цах. *йулху,* *дилхи,* арч. *илхъи* (азерб. *илхы).*

ШАКАЛ: лезг., таб., агул. *чакъал,* рут., цах. *чакьал,* крыз. *ча-кькал,* арч. *жихъкъаьл* (азерб. *чаггал).*

Названия частей тела

БРОВЬ: лезг. *къаш,* таб., рут., цах., буд., крыз., удин. *къаш* (азерб. *гаш).*

БОРОДА: таб., рут., удин., арч. сакъал, цах. сакъкъал (азерб. *сакал).*

КРОВЬ: лезг., таб., рут. *къан* (азерб. *ган).*

ГОЛОВА: лезг., таб., агул. (усуг.) *келле,* рут. *каьлаь,* цах. *кал-ле* «голова мужская», буд. *калла,* удин. *каьллаь* (азерб. *кэллэ).*

ПЯТКА: лезг., таб., буд., крыз., удин. *дабан* (азерб. *дабан).*

ПОДБОРОДОК: лезг., таб., рут., цах., буд., крыз. *чене,* удин. *чьнаь* (азерб. *чэнэ).*

РОДИМОЕ ПЯТНО: лезг., таб. *хал,* цах. *хал,* удин. *хал* (азерб. *хал).*

УСЫ: цах. *бигъ,* буд. *быгъ,* удин. *бигъ, быгъ* (азерб. *быг).*

Названия людей

БРАТ: таб. *гъардаш,* рут., буд. *къардаш* (азерб. *гардаш).*

УПРЯМЕЦ: лезг., таб., агул. *башибузукь,* буд. *башипузукь* (азерб. *башыпозуг).*

ВОР: лезг., таб., рут. *угъри,* цах. *угъры,* удин. *огъри* (азерб. *огру).*

ГОСТЬ: лезг., *къунагъ,* таб. *гъунагъ,* рут., цах. *къунах,* удин. *къонагъ* (азерб. *гонаг).*

ГЕРОЙ: лезг. *игит,* таб., агул., рут., цах., арч. *игит,* буд. *игид.*

ГРАБИТЕЛЬ: лезг., агул., рут., *къучи,* таб. *гъучи,* цах. *къочий,* буд., арч. *къочи* (азерб. *гочу).*

ДЯДЯ: лезг., таб., рут., цах., буд. *дайи,* крыз. *дайси,* удин. *т1айы* (азерб. *дайы).*

ИСПОЛНИТЕЛЬ: лезг., таб., агул., рут., цах., арч. *чавуш,* буд. *човуш* (азерб. *човуш).*

ЖЕНА, СТАРУХА: лезг., таб., агул., рут. *къари,* крыз., *буд.* *къари,* цах. *къарий,* арч. *хъири* (азерб. *гары).*

ЗОЛОВКА: таб., рут., цах., буд. *балдуз,* удин. *балдыз* (азерб. *балдыз*).

ЗЯТЬ: лезг. *езне,* таб., агул., рут., буд. *йазна,* цах. *езна,* крыз. *йаьзнаь,* удин, *йезна* (азерб. *езне*)?

НАГЛЫЙ, ПЛУТ: лезг., агул., цах., арч., *биж,* таб., рут. *бич,* буд. *бидж,* удин. *бичI* (азерб. *бидж*).

ЛЕСНИК: лезг., таб. *мешебеги,* агул., рут., цах. *мешебег,* буд. *мешебеги* (азерб. *мешебеjи*).

ОХОТНИК: таб., рут., цах. *авчи,* крыз., буд. *овчи* (азерб. овчу).

СЕСТРА: лезг., таб., *бажи,* рут. *баджи,* цах. *баджи* (азерб. *бажы*).

СЛУГА: лезг., таб., *нуькер,* агул. *нукер,* рут., цах., буд., арч. *нукар,* крыз. *нуквар,* удин. *ноъкаьр* (азерб. *нокэр*).

СОСЕД: лезг., агул., крыз., буд. *къунши,* цах., удин. *къонши* (азерб. *гоншу*).

СЛУЖАНКА: лезг. *къаравуш,* таб. *гъаравуш,* агул., цах., крыз. *къараваш,* рут. *къаравыш,* удин. *къарабаш* (азерб. *гараваш*).

СТАРЕЙШИНА: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., буд., удин. *агъсакъал* (азерб. *агсаггал*).

СВОЯК: лезг., агул., таб. *бажанагъ,* рут., цах., буд. баджанагъ (азерб. *бажанаг*).

СТАРИК: лезг., таб. *къужа,* агул. *къужжа,* рут., цах. *къуджа,* удин. *къоджа,* арч. *хъужа* (азерб. *гожа*).

СОУЧАСТНИК: лезг. *уртах,* таб., буд. *уртахъ,* цах. *ортах,* удин. *ортахъ* (азерб. *ортаг*).

ТОВАРИЩ: лезг., таб., цах. *юлдаш,* агул. *илдеш,* рут., крыз. *йулдаш,* удин. *йолдаш* (азерб. *йолдаш*).

ЦЫГАН: лезг., рут., буд., удин. *къарачи,* таб. *гъарачи,* цах. *къарачу* (азерб. *гарачы*).

Названия болезней и лекарств

ГЕМОРРОЙ I: лезг. *кесме,* таб., агул., рут. *кесме,* арч. *касма.*

ГЕМОРРОЙ II: лезг. *бубасил,* таб., буд. *бабасил,* удин. *бабасыл* (азерб. *бабасил*).

ДИФТЕРИЯ: лезг. *бугъма,* таб., агул., рут., буд. *бугъма,* цах. *богъма* (азерб. *боғма*).

ЖЕЛТУХА: лезг., агул. *саралух,* таб., буд. *саралугъ,* рут. *сари гиймиш,* цах. *сары* (азерб. *сарылыг*).

МАЛЯРИЯ: лезг. *къиздирма,* таб. *гъиздирма,* рут., крыз. *къыздырма,* цах. *къыздирма,* удин. *кыздырма* (азерб. *гыздырма*).

НЕМОТА: лезг., таб., агул., цах., рут., буд., удин. *лал* (азерб. *лал*).

ЧЕСОТКА: таб., агул. *гъутур,* рут., цах., буд. *къутур,* крыз. *къутур,* удин. *къотур* (азерб. *готур*).

ЯД: лезг., таб., агул., рут., цах., буд., крыз., удин. *агъу* (азерб. *агу*).

Военные термины

ДРОБЬ: лезг. *къирме,* таб. *гъирма,* рут., агул. *къирма,* цах., удин. *къирма,* буд. *къирме* (азерб. *гырма*).

КРЕМНЕВКА: лезг., агул., рут., цах. *чахмах,* буд. *чахъмахъ,* удин. *чахмахъ,* арч. *чахма-туманг* (азерб. *чахмаг*).

ОРУЖИЕ: лезг., агул., буд., крыз. *йаракь,* таб. *йаракъ,* рут. *йарах,* удин. *йарахъ,* арч. *йарагъ* (азерб. *йараг*).

ПРИКЛАД: лезг. *къундах,* таб. *гъундагъ,* агул., цах. *къундагъ,* рут. *къандах,* удин. *къундагъ,* арч. *хъундагъ* (азерб. *гандаг*).

ПУЛЯ: лезг., таб. *гюлле,* агул. *гулла,* рут. *гуллаь,* цах. *гулле,* арч. *гулле* (азерб. *куллэ*).

РЕВОЛЬВЕР: лезг., таб., арч. *тапанча,* агул. *тупанча,* рут. *тепенджи,* цах. *тапандже,* буд. *тапанче* (азерб. *тапанча*).

СТВОЛ: лезг., таб., цах., буд. *луьле,* агул. лул, рут. *лула,* арч. *лула, лыьле* (азерб. *лулэ*).

Названия жилых и хозяйственных помещений

ВРЕМЯНКА: лезг. *дехме,* рут. *даьхма,* цах. *дахма* (азерб. *дахма*).

ВОРОТА: лезг., цах., буд. *къапу,* таб., агул. *къапу* (азерб. *гапы*).

ДОМ, ЮРТА: лезг., таб., агул., рут., цах. *юрд* (азерб. *урд*).

ЖИЛИЩЕ, КВАРТИРА: лезг., таб., рут., цах., буд. *ужагъ,* агул. *ужжагъ* (азерб. *ожаг*).

КРЫЛЬЦО: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *айван,* удин. *сейван* (азерб. *ейван*).

КОНЮШНЯ: лезг., таб. *тевле,* рут., цах. *тавлав* (азерб. *товлэ*).

КАРАУЛКА: лезг., агул., цах., буд. *къаравулхана,* таб. *гъаравулхана* (азерб. *гаровулхана*).

ЛАЧУГА, ЗЕМЛЯНКА: лезг., агул., рут., цах., буд., удин. *къазма,* крыз. *къаьзмаь* (азерб. *газма*).

НИША: таб., удин. *тахча,* рут., цах. *тахче* (азерб. *тахча*).

ПАЛАТКА: лезг., таб., агул. (тпиг.), буд., крыз. *алачух,* удин. *алачугъ* (азерб. *алачыг*).

СВОД, АРКА: лезг., таб., рут., цах. *тагъ* (азерб. *таґ*).

СТОЙЛО: таб., агул., удин. ахур, цах. *аьхуьр* (азерб. *ахур*).

Слова, объединяемые понятиями места и пространства

БУГОР, ХОЛМ: лезг., таб., агул., рут., цах. *тепе,* крыз. *таьмаь,* удин. *топа* (азерб. *топа*).

4*

ВИНОГРАДНИК: лезг. *уьзуьмлух,* таб., буд. *уьзуьм-лугъ* (азерб. *узумлук).*

ГОРА: лезг., таб., агул., рут., цах., буд., крыз. *дагъ* (азерб. *даƒ).*

ЗАПОВЕДНИК: лезг. *къурух,* таб. *гъуругъ,* агул. *гъурух,* рут. *къурух,* цах. *къорух,* буд. *къурулугъ,* крыз. *куругъ,* удин. *къорог* (азерб. *горуг).*

ЗИМНЕЕ ПАСТБИЩЕ: лезг. *къишлах,* рут. *къышлагъ,* цах. *къышлагъ,* буд. *къишлагъ* (азерб. *гышлыг).*

КОШАРА: лезг. *йатах,* таб., агул., рут. *йатагъ,* буд. *йатакъ,* крыз. *йаьтаьх* (азерб. *јатаг).*

ЛЕТНЕЕ ПАСТБИЩЕ: лезг., рут. *йалах,* таб. *йайлагъ,* цах. *ейлаьхъ,* крыз. *йейлах,* удин. *йаьйлагъ* (азерб. *айлаг).*

МЕЖА, ПРОМЕЖУТОК: лезг. *аралух,* таб., агул., рут., буд. *аралугъ,* цах. *аралых* (азерб. *аралыг).*

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА: лезг., агул. *къуза, гъуза,* рут., цах., буд. *къузай,* удин. *къузай* (азерб. *гузей).*

ССЫЛКА: лезг., таб. *суьргуьн,* рут. *суьргуь,* цах. *суьргун* (азерб. *суркун).*

ОКРАИНА: лезг., рут., цах., буд. *къирагъ,* таб. *гъирагъ,* цах. *къерагъ,* крыз. *кыраьх* (азерб. *гыраг).*

ПОЛЕ, СТЕПЬ: лезг., таб. *чуьл,* агул., рут., буд. *чул,* цах. *чол,* удин. *чоьл* (азерб. *чоьл).*

ПУСТОТА, ПУСТОШЬ: лезг. *бушлух,* таб., агул., рут., буд. *бушлугъ,* цах. *бошлух* (азерб. *бошлуг).*

ПЕСКИ: лезг., агул. *къумлух,* таб., рут., цах., буд. *къумлугъ* (азерб. *гумлуг).*

РОДНИК: лезг., агул. *булах,* таб. *булагъ,* рут., цах., крыз. *бы-лах* (азерб. *булаг).*

СТРАНА, КРАЙ: лезг., таб. *уьлке,* агул., буд., крыз., арч. *ул-ка,* цах. *оьлка* (азерб. *олке).*

САД: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *багъ* (азерб. *баг).*

САДИК: лезг., таб., агул., рут., буд., крыз., удин., арч. *бахча,* цах. *бахче* (азерб. *багча).*

СКЛОН: таб., рут., агул. *йамажи,* цах., буд. *йамадж.*

СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ: лезг., цах. *дузлах,* таб., буд. *дуз-лагъ,* рут. *дузлугъ* (азерб. *дузлаг).*

УГОДЬЕ, ПАСТБИЩЕ: лезг. *йуьруьш,* таб. *йуруш,* агул., буд. *йуруш,* рут., цах. *уьруш,* крыз. *йуьруьш,* удин. *оьруьш* (азерб. *оьруш).*

ЮЖНЫЙ СКЛОН: лезг., таб., агул. *гуьне,* цах. *гунай,* рут. *гуьнуьй,* крыз. *гунаьй* (азерб. *куней).*

Названия веществ, металлов и материалов

АСФАЛЬТ: лезг., агул., крыз., арч. *къир*, таб. *гъир* (азерб. *гыр*).

[illegible]: лезг., таб., агул. *агъ*, рут., цах. *агъ*, буд. *агъ* (азерб. *аг*).

ЗОЛОТО: лезг., агул., рут., цах. *къизил*, крыз., таб. *гъизил*, буд. *къызыл* (азерб. *гызыл*).

МАТЕРЧАТАЯ РЕЗИНА: лезг., крыз., удин. *къайиш*, таб. *гъайиш* (азерб. *гайыш*).

ИЗВЕСТЬ: лезг., таб. *киреж*, агул. *киряжж*, рут. *киредж*, цах. *кирэж*, удин. *кираьдж*, арч. *кираж* (азерб. *кирэж*).

СЛОЙ: лезг., таб. *къат*, агул. *къатт*, рут., цах. *къат*, крыз., буд. *къат*, арч. *хъат* (азерб. *гат*).

СЕРА: лезг., агул., рут. *гугурт*, цах. *кукурт*, крыз. *гугурт*, удин. *кукурд* (азерб. *кукурд*).

СВИНЕЦ: лезг. *къуркъушун*, таб. *гъургъушум*, агул. *къуркъушум*, рут. *къургъушен* (азерб. *гургушун*).

ОЛОВО: лезг. *къеле*, таб. *кьалаи*, агул. *кьал'и*, рут., цах. *къалай*, буд. *къала*, крыз. *къаьлаьй*, арч. *хъалай* (азерб. *галай*).

УГОЛЬ: лезг., таб. *куьмуьр*, удин. *коьмуьр* (азерб. *кэмур*).

Продукты питания

АЙРАН: таб., агул., рут. *айран*, цах. *аӀйран* (азерб. *ајран*).

АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ: лезг., таб., цах., буд. *ички* (азерб. *ички*).

ВИНО: лезг. *чехир*, таб., агул. *чаьхир*, рут., цах., буд. *чахыр*, арч. *чихир* (азерб. *чахыр*).

ГОЛУБЦЫ: лезг., таб., агул., рут., буд. *дулма*, цах., удин. *долма*, крыз. *дулма* (азерб. *долма*).

ЕДА: лезг. *ема*, таб. *йамак*, рут. *йимаг*, цах. *йемэк*, буд. *йемак* (азерб. *јемэк*).

ЖАРКОЕ: лезг., рут., цах. *къавурма*, таб. *гъарма*, буд. *къоьгьурма*, крыз. *къувурма*, удин. *къорма*, арч. *хъуйурма* (азерб. говурма).

ЗАКУСКА: лезг., таб., рут., цах., агул. буд. *майа* (азерб. *маја*).

ЖИР: лезг., таб., агул., рут. *йагълу*, буд. *йагъ* (азерб. *јаƣ*).

КЕФИР: лезг. *къатух*, рут., цах. *къатых* (азерб. *гатыг*).

КОЛБАСА: лезг., таб., рут. *дулдурма* (азерб. *долдурма*).

МОЛОКО (процеженное): лезг., таб., *суьзме*, рут., буд. *сузма*, цах. *сюзме*, удин. *суьзмав* (азерб. *сызма*).

МЯСО (для шашлыка): лезг., таб., рут., цах. *бастурма* (азерб. *басдырма*).

МОЛОЗИВО: лезг., таб., буд. *булама,* рут. цах. *былама* (азерб. *булама*).

МУЧНАЯ КАША: лезг. *хешил,* таб. *хаьшил,* агул., рут., цах., крыз., удин. *хашил,* буд. *хашул* (азерб. *хэшил*).

СЛАДОСТИ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *ширин* (азерб. *ширин*).

СМЕТАНА: лезг. *къаймах,* таб. *гъаймагъ,* рут. *къаймах* «сливки», крыз. *каьймаькь,* удин. *къаймагъ* «сливки» (азерб. *гаймаг*).

СУШЁНАЯ ТУША (барана): лезг. *къах,* таб. *гъах,* рут. *къахидж,* цах. *къах* (азерб. *гахаж*).

ТОВГА (суп): лезг. *давугъа,* таб., цах. *давгъа,* рут. *дугъа,* буд., крыз. *довгъа* (азерб. *довга*).

ТВОРОГ: таб. *шур* «рассол», рут. *шур,* крыз. *шуур,* удин. *шор* (азерб. *шор*).

ШАШЛЫК НА ВЕРТЕЛЕ: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *шиш* (азерб. *шиш*).

Из азербайджанского проникла в лезгинские языки также большая группа собственных (мужских и женских) личных имен, прилагательных, порядковые числительные, сложные глаголы, производные наречия, некоторые местоимения, полные и неполные повторы.

Особо следует отметить заимствование служебных слов и оборотов, которые играют большую роль в различных синтаксических конструкциях (О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка см. Эфендиев 1982, 100—110): а) союзы: гьелбетда «конечно», неинки «не только», яна «то есть»; б) частицы: агьан «если», бес «ведь, а», къуй «пусть»; лап «совсем», гьеле «пока», яна «то есть», «значит» и др.; в) послелоги: башкъа «кроме», саваи «кроме», ерина «вместо», ки «ведь», «же», артух «сверх» и др. (в табас. см. Загиров 1981, 57).

Некоторая часть заимствованных слов тюркского происхождения как самостоятельные единицы не употребляются, но они входят в состав сложных слов и устойчивых сочетаний, составляющих особую группу неосвоенных тюркизмов: (хуш гелди (азерб. хуш келдин) «с приездом»; сабах хейир (хейир)! (азерб. сабаус хайир) «доброе утро», «с добрым утром», геже хайир (азерб. геживиз хайир) «спокойной ночи!»; юлчи юлда герек «путник в пути должен находиться»; ере гирмиш «провались сквозь землю» и многие другие (о характеристике азербайджанских фразеологических калек в агульском языке см. Сулейманова 1982, 111—115). Например, «Многолетние наблюдения за речевым поведением носителей рутульского языка показали, что в различных языковых ситуациях, общаясь на родном языке, билингвы часто употребляют фразеологические единицы пословочно-поговорочного характера

азербайджанского языка» (Баламамедов 1984, 98). Употребление подобных фразеологических единиц можно проиллюстрировать следующими выражениями:

Чакъалсыз меше улмаз «Лес без шакала не бывает»;

Яшда улмаз башда улар «Не возрастом определяется ум, а головой».

Приведенные лексико-тематические группы тюркизмов свидетельствуют о следующих особенностях этой группы заимствований:

1. Большой количественный состав (около полутора тысяч слов в лезгинском, более 1000 слов в табасаранском, 1/3 части словаря в удинском и др.);

2. Преобладание в этих языках слов, обозначающих конкретные предметы, и слов, обозначающих признаки предметов;

3. Наличие в этих языках большого числа основ глагольной семантики;

4. Отсутствие стилистической обособленности;

5. Сохранение производными азербайджанизмами внутренней формы, которой они обладали в языке-источнике (-лу, -чи);

6. Сравнительно большая степень фонетической и лексико-грамматической усвоенности;

7. Большое семантическое разнообразие (одежда, предметы быта, домашняя утварь, посуда, растительный мир, животный мир, продукты питания и др.) (В лезг. яз. см. Гайдаров 1972, 154).

Степень влияния тюркского (азербайджанского) языка на лезгинские языки, распространенные как в Азербайджане, так и в Дагестане, была настолько сильной и разносторонней, что коснулась всех областей языка, начиная с лексики, кончая грамматикой. К результатам азербайджанского влияния можно отнести следующие явления:

В области лексики:

1. Появление или же развитие новых лексико-семантических и лексико-грамматических разрядов слов (например, личные собственные имена);

2. Изменение значения исконных или же заимствованных слов (например, лезг. син, куIнт, дагъ и др.) (Гайдаров 1972, 157);

3. Развитие и обогащение в языках лезгинской группы слов, противоположных по звучанию и семантике, т. е. таких разрядов, как омонимы, синонимы и антонимы (см. об этом в III главе);

4. Бесследная утеря исконных слов языков лезгинской группы, полная их замена азербайджанскими словами.

В области словообразования:

1. Заимствование и усвоение наиболее употребительных суффиксов -чи (азерб. -чы), -лугъ (азерб. -лыг), -суз (азерб. -сиз), -лу (азерб. -лу), глагольных суффиксов -ламиш (в табас. см. Эфендиев 1972, 180 — 184);

2. Утрата отдельных суффиксов (ср. суффикс абстрактных имен в удинском языке, генетически связывающий с лезгинским материалом, утерян бесследно и заменен азербайджанским -лугъ (четинлугъ «трудность» при лезг. четинвал) (Саадиев 1982, 137);

3. Появление новых словообразовательных моделей, способов (например, основосложение с суффиксацией в образованиях типа лезг. кIвалба-кIвал «каждодомно»);

4. Появление новых морфем (-жагъ в образованиях типа лезг. кикежагъ) и слов-морфем -хана (в лезг.) къайихана и т. д. (в лезг. яз. см. Гайдаров 1972, 156);

5. Использование при образовании порядковых числительных не специфических суффиксов, а причастных форм глагола сказать, которое не присоединяется к соответствующим количественным числительным.

В области грамматики:

1. Сокращение количества падежей в лезгинских и цахурских говорах Азербайджана, а также в удинском языке (Саадиев 1982, 137);

2. Случаи замены в некоторых говорах лезгинского языка исконных числительных числительными азербайджанского языка, ср.: «одной из особенностей речи жителей Лазы является то, что для нее характерно употребление количественных... числительных азербайджанского языка, особенно когда имеются в виду большие числа» (Гюльмагомедов 1965, II);

3. Утеря морфологических классов;

4. Заимствование грамматических флексий (-лар, -лер) для образования форм множественного числа;

5. Утрата отдельных грамматических аффиксов, слияние нескольких аффиксов в одном;

6. Развитие личного спряжения глагола в табасаранском языке (Магометов 1977, 43).

В области фонетики:

1. В языках лезгинской группы действует т. н. гармония гласных, характерная и для тюркских языков. Исследователи лезгинских языков П. К. Услар (1896; 1979), А. М. Дирр (1904; 1905), Л. И. Жирков (1941), А. А. Магометов (1965) и др. характеризовали данное явление как вторичное, т. е. вызванное влиянием

азербайджанского языка. Убедительным подтверждением тому служит следующее утверждение А. Г. Гюльмагомедова и Б. Б. Талибова: «Материал куткашенских говоров показывает, что гармония гласных проявляется с большей силой там, где лезгинский язык имел контакты с азербайджанским. В этих языках сингармонизм наблюдается и тогда, когда в говорах дагестанской территории и в литературном языке оно нарушается или отсутствует» (1972, 161). Данное высказывание, относящееся к лезгинскому языку, относится ко всем языкам лезгинской группы.

2. Появление гласных аь, оь, уь, о в куткашенских, камильских и др. говорах лезгинского языка, в цахурском, рутульском, удинском и др. языках лезгинской группы объясняется наряду с внутренним фактором (переход лабиализации с корневого согласного на смежный с ним гласный, ассимиляция гласных а, е билабиальными м, w) был и внешний (вместе с тем, где-то и решающий) фактор — тесный контакт с азербайджанским языком, точнее сильное влияние последнего (см. Гюльмагомедов, Талибов 1972, 160; Саадиев 1972, 135; Гукасян 1973а, 220; Гайдаров 1972, 155). Убедительным доказательством этому положению служат приведенные Саадиевым данные камильского говора лезгинского языка, где о, оь — результат утери лабиализации согласных, которые переходят в смежные гласные а, е (о←а: сох «коренной зуб» — в лит. яз. свах; оь←е: тIоьх «пятно» — в лит. яз. тIвех), о — возник из-за лабиализации конечного согласного: моргъ «полоса скошенной травы» — лит. маргъв, ппог «бок» — лит. яз. пипгв, о — результат регрессивной ассимиляции (возник под воздействием последующего согласного в: къов «крыша» — лит. къав, чIулов «черный» — лит. чIулав) (Саадиев 1972, 135).

3. Исчезновение отдельных исконных звуков (например, в лезг. яз. кькъ, цIцI и др.).

4. Ослабление некоторых наличествовавших в языках специфических законов и явлений лезгинских языков (например, ослабление законов ударения).

5. Возникновение новых звукосочетаний (в словах и слогах), новых типов фонемных и слоговых структур (в лезг. яз. см. Гайдаров 1982, 155).

Отрываясь от языка-источника, тюркские заимствования, употребляемые в языках лезгинской группы, начинают функционировать согласно внутренним законам этих языков, т. е. подчиняются законам словоизменения лезгинского языка, оформляются словообразовательными суффиксами лезгинских языков и т. п.

В основном тюркизмы, проникшие в лезгинские языки, по сравнению с их соответствиями в языке-источнике существенных семантических расхождений не обнаруживают. Тюркские заимство-

вания, как правило, подвергаются лишь фонетическим изменениям, при которых звуки, не характерные для фонетической системы лезгинских языков, заменяются близкими им по артикуляции.

Степень фонетического освоения различна и зависит от того, насколько заимствующее слово соответствует фонетической системе того или иного языка лезгинской группы. В этой связи заслуживает внимания следующее утверждение Н. С. Джидалаева, впервые специально исследовавшего тюркско-дагестанские языковые контакты: «Принципы установления звукосоответствий между контактирующими (контактировавшими) языками в наиболее общем виде заключаются в прослеживании определенной последовательности соответствий звуков между лексическими заимствованиями и их эквивалентами в источнике заимствования» (Джидалаев 1972, 14).

Система гласных азербайджанского и лезгинских языков в качественном и количественном отношении не совпадает. Существенные различия между гласными и согласными азербайджанского и лезгинского языков, наличие в лезгинских специфических смычно-гортанных, увулярных и аффрикат, не характерных для тюркских языков, способствовали изменению фонетической структуры заимствованного слова (О фонетической адаптации тюркских лексических проникновений в лезгинских языках см. в лезгинском Р. И. Гайдаров 1966, 226—233; 1972, 152—157; А. Г. Гюльмагомедов, Б. Б. Талибов 1972, 157 — 162; А. Г. Гюльмагомедов 1965; Ш. М. Саадиев 1972, 135 — 139; крызском Ш. М. Саадиев 1972д, 220 — 224; удинском В. Л. Гукасян 1973д, 123 — 137; цахурском А. М. Асланов 1964; табасаранском Загиров 1981, 57 — 60).

Наиболее характерными фонетическими процессами при заимствовании тюркизмов оказываются следующие:

1. Для лезгинских языков, за исключением цахурского и арчинского, не характерна фонема «о». В заимствованиях из азербайджанского языка «о» переходит в «у»:

азерб. *ожаг* — лезг. *ужагъ*, рут. *ужагъ*, таб. *ужагъ*, агул. *ужжагъ*, цах. *ужагъ*, буд. *ужагъ* «жилище, квартира»;

азерб. *долаг* — лезг. *дулах*, таб. *дулакъ*, агул. *дулакъ*, буд. *дулакъ* «обертки для сапог»; азерб. *долма* — лезг., таб., крыз. *дулма* «голубцы».

2. «о»>«а»: азерб. човуш — лезг., таб., агул., рут., цах., арч. чавуш «исполнитель» (исключение составляют языки шахдагской группы).

3. «ы»>«у» или «и»: азерб. йайлыг — лезг. йайлух, таб. йагълухъ, агул. йайлукь, йагълухъ, буд. йайлугъ, крыз. йайлух, удин. йаьйлугъ «носовой платок»; азерб. гарпыз — арч. хъарпуз «арбуз»; азерб. балыг — рут., цах., таб. балугъ; азерб. гары — лезг.,

таб., агул., рут., крыз., буд., къари, цах. къарий, арч. хъири «жена, старуха».

В рутульском и цахурском языках переход «ы» в «у» или «и» мотивирован вторичностью фонемы «ы» в этих языках. Стало быть, когда цахурский и рутульский языки осваивали тюркские лексемы с гласным «ы», где отмечен процесс «ы»>«у», «и», в самих рутульском и цахурском языках отсутствовала фонема «ы».

4. азербайджанское «э» заменяется «а» («аь»), реже «е», «ю»: азерб. нокэр — лезг., таб. нуькер, агул. нукер, рут., цах., буд., арч. нукар, крыз. нуквар, удин. ноъкаьр «слуга».

5. «э»>«и», в крыз. аь: аз. энжир — лезг. инжил, таб., агул., рут. инжир, цах., буд., удин. инджил, крыз. аьнджил «инжир».

6. «у»>«уь», в удин. «о», буд. «ы»: азерб. кул — лезг. гуьл, таб. гуьл, агул., рут., цах., крыз. гуьл, буд. гыл «цветок»; азерб. тутун— лезг. туьтуьн, арч. тутун, таб. туьтуьм, рут. тутум, цах. туьтуьн «табак»; азерб. ујуғ — удин. ойугъ «пугало», «чучело»; азерб. угур — удин. огъур «удача».

7. «оь»>«у», «уь» (за исключением удинского языка): азерб. оьруш — лезг. йуьруьш, таб. йуруш, агул., буд. йуруш, рут. уьруш, цах. уьруш, крыз. йуьруьш, удин. оьруш «угодье, пастбище».

8. «у»>«и» (в цах. «ы»): азерб. огру—лезг. угъри, таб. угъри, рут. угъри, цах. угъры, удин. огъри «вор»; азерб. гуту (из араб.) — лезг., таб., агул. кьути, рут. къуту, цах. кьуты, буд. кьути, удин. къути, арч. къути «коробка».

В работах исследователей удинского (Гукасян 1973д, 138 — 139) и крызского (Саадиев 1970д, 221) языков отмечены также специфические звукопереходы гласных фонем, характерные лишь рассматриваемым языкам. Таковыми являются для удинского «и»>«у», «уь» (азерб. диван — удин. дуван «суд», азерб. чиб — удин. джуьв «карман»), «ы»>«иъ» (азерб. гатыр — удин. къаьтыр «мул»), «а»>«аь», «аъ», «е», «ы», «у» (азерб. айыт — удин. аьйит «слово», азерб. ак — удин. аъхъ «течь», «река», азерб. архайын — удин. архейин «спокойно», азерб. манат — удин. манат «рубль», азерб. жаваб — удин. джугъаб «ответ»; для крызского: «аь»>«а», «уь»>«у» (азерб. каьлаьм (через. перс.) — крыз. калам «капуста»; азерб. куьт — крыз. кут «хлеб для собак»).

9. Смычный азербайджанский «г», отображаемый в графике лезгинских языков в виде «къ», иногда переходит в звонкий спирант «гъ»: азерб. бошгаб — лезг. бушкъаб, таб. бушгъаб, агул. бушгъаб, рут. бышкъаб, цах. бошкъав, буд. бишкъав, крыз. бышкъаб, удин. бошкъав, арч. пошхъап «блюдце».

10. Азербайджанский смычный «г» в конце слова переходит в глухой спирант «х» или фарингальный придыхательный «хъ»: азерб. чанаг — лезг. чанах, таб., агул. чаьнаьх, рут., буд. чанахъ,

цах. чанаьх «чаша (деревянная)»; азерб. гармаг — лезг. къар-мах, таб. гъармах, рут. къармух, цах. къырмах, буд., удин. къар-магъ, арч. хъармах «крючок».

11. Азербайджанский смычный «г» переходит в фарингальный абруптив «къ»: азерб. гуту — лезг., таб., агул. кьути, рут. кьоти, кьуту, цах. кьуты, буд. кьутIи, удин. къути, арч. къути «коробка»; азерб. бошмаг — лезг., таб., агул., рут., цах. башмакь, арч. баш-магъ «башмак».

12. В лезгинском и языках шахдагской группы азербайджан-ский «д» переходит в глухой смычный «т» или глухой непридыха-тельный «тI»: азерб. дајча — лезг. тайча, буд. тIейча, крыз. тIаьйчаь «жеребенок»; азерб. дајы — удин. тIайи «дядя (брат матери)».

Можно привести и ряд других звукопереходов, характерных лишь для отдельно взятых языков лезгинской группы. Особенно много таковых в удинском, будухском, крызском языках, которые издавна имеют более тесные контакты с тюркскими языками. В частности, можно привести отмеченные в работе Гукасяна (1973д, 139) специфические звукопереходы в удинском языке: «б»>«м» и «в» (азерб. бэчин — удин. маьчаьн «обезьяна», азерб. биби — удин. биви // буьвуь «тетя, невеста»); «в»>«ф», «й», «гъ» (азерб. автафа — удин. афтафа «кувшинчик», азерб. довшан — удин. тIойшан «заяц», азерб. саваб — удин. сугъаб «благое де-ло»); «х»>«къ» (азерб. пахла — удин. пакъла «фасоль»); «к»> «й» (азерб. ордэк — удин. оьрдаьй «утка»).

Предлагая указанные выше, а также другие звукопереходы («һ»>«х», «с»>«ц», «р»>«л»), В. Л. Гукасян приводит исключи-тельно слова персидского и арабского происхождения без всяких помет (с. 140).

То же самое можно отметить, говоря о предлагаемых для крыз-ского языка звукопереходах (Саадиев 1970д, 223) «гъ»>«хI», «гъ»>«гI», подтверждаемых лишь примерами, восходящими к пер-сидскому и арабскому источникам.

Специфическими можно считать также звукопереходы азерб. «ф»>рут. «хьв», таб. «в», арч. «м» (азерб. туфэнк (из перс. яз.) — рут. тухьванг, таб. (чув.) туванг, арч. туманг «ружьё». Процесс пе-рехода «ф»>«хьв» (рут.), «в» (таб.), «м» (арч.) обусловлен нети-пичностью «ф» для дагестанских языков, в т. ч. для мухадского диалекта рутульского языка, северного (гъурна) диалекта табаса-ранского языка. Процессы «ф»>«хьв», «ф»>«в»; «ф»>«п» имеют широкое распространение в дагестанских языках. Интересным представляется также и обратный процесс, когда рут. «хьв» после-довательно переходит в «ф».

Арабизмы

Среди заимствований в лезгинских языках большое место занимают арабизмы, оказавшие значительное влияние на развитие, обогащение и формирование их словарного состава.

Первые контакты арабов с носителями лезгинских языков датируются VII веком н. э., когда были совершены первые походы арабов в Дагестан (Магомедов 1959. 23—24). Расширение контактов и непосредственные взаимоотношения между ними начались только в связи с исламизацией горцев в X—XIII вв. (Шихсаидов 1960, 10—11). Этому способствовало также то обстоятельство, что походы арабов сопровождались массовым переселением арабоязычного населения на территорию Дагестана, ср.: «Дербент стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. К городу прилегает ряд укрепленных населенных пунктов с арабским населением, приглашенным арабским полководцем еще в VIII веке в целях укрепления позиций ислама и военных границ одного из важных участков северной части халифата» (Шихсаидов 1969, 149; см. также Генко 1941, 85—86). Данное утверждение подтверждается также топонимическими данными. Так, на территории нынешнего Дербентского района до сих пор функционирует населенный пункт под названием «Арабляр», что в переводе означает «арабы», а на территории Табасаранского, Хивского и других районов, населенных носителями лезгинских языков, зафиксировано имя Аьраб «араб».

В дальнейшем в связи с укреплением позиций ислама возрастает роль и значение арабского языка в жизни носителей лезгинских языков, как и других народов Дагестана. «Как известно, еще в X—XV вв. прослеживается как дальнейшая исламизация Дагестана, так и проникновение богатой культуры народов Ближнего Востока и Средней Азии, в частности арабского языка и арабоязычной литературы по самым различным отраслям средневековых наук. Арабский язык — один из международных языков — проникал с VII в. в дагестанскую среду во все растущих масштабах, став со временем для Дагестана (как и для других народов, принявших ислам) не только языком богослужения, но и науки, литературы, делопроизводства, частной и официальной переписки, хотя вопреки мнениям отдельных авторов, основным средством общения народов оставались местные языки» (Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982, 217).

В распространении и создании местными авторами оригинальной арабоязычной литературы в Дагестане особую роль играли сложившиеся к тому времени культурные центры: «...ряд дагестанских аулов, точнее определенная часть грамотных лиц в этих аулах, специализировалась на переписке арабских рукописей, со-

здании произведений высокого каллиграфического искусства» (Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982, 213).

Работа по воспроизведению копий рукописных книг, трактатов и учебников на арабском языке и популяризации арабоязычной литературы и арабского языка была присуща также переписчикам из аулов Южного Дагестана. О широком распространении знания арабского языка в этом регионе свидетельствуют и многочисленные надписи различных жанров на арабском языке, обнаруживаемые в целом ряде селений, ср.: «Верховье р. Самур, где проживают рутульцы, является самым богатым на Кавказе районом распространения надписей, сделанных на арабском языке старым, так называемым куфическим шрифтом, который вышел из употребления в XIII веке. Они представляют собой: эпитафии (Амсар, Хнов), религиозные изречения (Ихрек, Лучек, Рутул) и строительные надписи (Ихрек, Лучек, Амсар и Рутул). Есть сведения о находках куфических надписей в селениях Михрек и Шиназ. Надписи сообщают о распространении ислама среди рутульцев в X в., о том, что в X — XIII вв. были рутульцы, умевшие писать по-арабски» (Лавров 1962, 115). Несколько арабских надписей, относящихся к XI — XII вв., обнаружено в известном с XII века в качестве центра политической, общественной и культурной жизни «лезгин» ауле Цахур (см. Шихсаидов 1969, 140, 141), а также в селениях Тпиг, Буркихан, Буршаг, Кураг Агульского района (Калоев 1962, 73).

Среди общепризнанных и популярных в мусульманском мире авторов собственных произведений на арабском языке из Дагестана представлены и носители языков лезгинской группы Мирза Али Ахтынский и Гасан Эфенди Алкадарский.

Приведенный материал с очевидностью подтверждает, что носители лезгинских языков, как и другие народы Дагестана, проявляли большой интерес к арабоязычной литературе, за которым последовал в XVIII — XIX вв. интерес к пособиям для изучения арабского языка, «довольно интенсивный процесс усвоения арабского языка через изучение грамматических трактатов как в рамках учебного процесса, так и за его пределами» (Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982, 207).

Как отмечает академик И. Ю. Крачковский, «в первой половине XIX века в Дагестане закрепляется любопытное в языковом и литературном отношении явление. В живом употреблении, в быту существует большое количество местных разнообразных языков, не имеющих письменности и не получивших литературной обработки. Основным и часто единственным общепринятым письменным языком оказывается арабский в его литературной «классической» форме. На нем производится вся административно-деловая переписка, он поддерживается школьной традицией, на нем

создается местная письменность как в прозаической, так и в стихотворной форме» (1960, 574).

Распространению арабского языка в Дагестане, заимствованию арабизмов способствовало и то обстоятельство, что в азербайджанском и персидском языках, которые, как было отмечено выше, имели широкие контакты с лезгинскими языками, также наличествовало большое количество арабизмов, о чем свидетельствует их специфическая тюркская и персидская фонематическая обработка (наличие словообразовательных элементов -суз («без»), -чи (суффикс деятеля), -кар, -зада и др. Приток арабизмов, длившийся веками, прекратился лишь в начале XX века.

Известно, что арабский язык, выполнявший длительное время функции письменного языка горцев, являющийся языком их религии, оставался в то же время непонятным для широких народных масс, ср.: «...в 1926 г. грамотные рутульцы составляли только 1,2% населения, причем подавляющее большинство их умело механически прочитать молитву из Корана и кое-как расписаться по-арабски» (Лавров 1962, 148).

«Окончательно арабская литература на Кавказе замирает с распространением письменности на родных языках после Октябрьской революции, когда уже исчезает нужда в арабском языке как своеобразном средстве общения и его культурно-историческая роль в этом смысле оказывается сыгранной» (Крачковский 1960, 614).

В настоящее время арабский язык служит только отдельной незначительной части носителей лезгинских языков для соблюдения религиозных мусульманских обрядов, ср.: «... теперешнее пользование арабским языком повсеместно и почти поголовно является чисто культовым и характеризуется механическим заучиванием фраз и целых молитв при абсолютном непонимании их значения» (Гайдаров 1977, 123). Этим отчасти объясняется то, что к началу XX века, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, начинается процесс постепенного вытеснения некоторых арабизмов, в первую очередь тех из них, которые носили книжный характер или же не были понятны широким слоям населения, русскими заимствованиями и исконными словами.

Однако многие арабизмы, усвоенные в течение нескольких веков, занимают прочное место в лексике языков лезгинской группы. Наиболее существенный след оставили контакты арабского и письменных лезгинских языков (в лезгинском и табасаранском), где число зафиксированных арабизмов составляет 800 единиц, не считая собственных личных имен (Гайдаров 1966, 123; Загиров 1981, 36).

Арабизмы, представленные в лезгинских языках, в тематическом отношении обнаруживают большое разнообразие. Здесь

представлены обозначения абстрактных понятий, терминологи ислама, названия отдельных предметов и явлений природы, на звания животных, растений и частей их организмов и др. Таковы ми являются следующие:

Названия одежды, домашней утвари и отдельных предметов

ВЕЩЬ: лезг. *шей,* таб., агул. *шейъ,* рут., буд. *шай* (араб. *шайъ*).

ЗВЕНО В ЦЕПИ, КОЛЬЦО: лезг. *гьалкъа,* таб. *гьаьлкъа,* агул. *гьаьлкьа,* рут. *гьалкьаь,* цах., крыз. *гьалкьа,* удин. *гьалкъа* (араб. *халка*).

ИНСТРУМЕНТ: лезг., таб., агул., рут., арч. *алат,* цах. *аьлаьт,* буд. *гIалат* (араб. *'ала*).

КОРЗИНА: лезг., таб., рут. *зинбил,* цах. *замбил,* крыз., удин. *заьмбил,* буд. *зембил* (араб. *зинбил*).

ПОДНОС (медный): лезг. *межмя,* таб. *маьжмаьу,* агул. *мяжмяу,* цах. *маьжмаь,* буд. *меджмаьгьи,* удин. *меджмеи,* арч. *мужмуьгI* (араб. маджмугI, мн. *маджамигIу* «совокупность, сумма»).

КЛЕТКА: лезг., таб., агул. *кьефес,* рут. *кьафази,* цах. *кьаьфес,* крыз. *къаьфаьс,* буд. *къефес,* удин. *къаьфаьс* (араб. кафс).

КАРМАН: лезг. *жибин,* таб., рут., цах. *джиб,* агул. *жиб, жжиб,* буд. *джиб,* арч. *жип* (араб. *джайб*).

МЫЛО: лезг. *запун,* таб. *саьбун,* агул. *саIбун, сегIбун,* рут. *сабун,* цах. *сапIын,* крыз. *сагIбун,* буд. *сабун,* удин. *сапIун,* арч. *сапун, супун* (араб. *сабун*).

ПОСОХ, ТРОСТЬ: лезг. аса, таб. *гьаьсa,* агул. *аьсса, гIаса,* рут. *аIса,* цах. *аIса,* буд. *гIаса,* арч. *аса* (араб. *гIаса*).

ПИЛА: лезг., крыз., буд. *мишер,* рут. *мийшер, маIшер,* цах. маьшер (араб. *миншар*).

ПОЛОТНО, ХОЛСТ: лезг. *кетен,* таб. *кетен,* рут. *катан,* буд. *катан,* арч. *катан* (араб. *каттан*).

РОГОЖА: лезг. *гьасир,* таб. *гьаьсил,* рут. *гьаьсий,* буд. *гьасир,* удин. *гьаьсир* (араб. *хасир*).

СКАТЕРТЬ: лезг., таб., агул., цах., буд. *суфра,* рут. *сухьра, суфра,* крыз. *суьфраь,* арч. *ссупра* (араб. *суфра*).

ХАЛАТ, ПЛАЩ: лезг., буд. аба, таб. *гьаьба,* агул. *гIаба, аьба,* рут. *гь'аъба, аба,* цах. *хIаIба,* арч. *аба* (араб. *'аба'*).

ЧАСЫ: лезг. *сят,* таб. *сяаьт,* агул. *са гIат,* рут. *саIъ' аIт,* цах. *саьаьт,* крыз. *саьгIаьт,* буд. *саIат,* удин. *сагьад,* арч. *соа ат* (араб. са 'а).

Растительный мир

ДАР ПРИРОДЫ, БЛАГОДЕНСТВИЕ: лезг. *нямет,* таб., агул. *ниьмат,* рут. *наъмат,* арч. *наъмат* (араб. *нигІма*).

ЛЕН: лезг., цах. *канаб,* таб. *гиниб,* агул. *генеб,* рут. *ганаб,* буд. *генаб,* крыз. *гаьнаьб* (араб. *киннаб*).

РАСТЕНИЕ: лезг., таб., агул. *набатат* (араб. *набатат*).

РАСТЕНИЕ: (хлебное): таб. *маьгьсул,* лезг. *магьсул,* агул. *маьгьсул,* рут. *маьгьсул,* цах., буд. *махІсул* (араб. *махсул*).

РАССАДА: лезг., таб., рут., цах., *штил,* буд. *шитил* (араб. *шитл*).

АБРИКОС: лезг., агул. *машмаш,* рут., цах. *машмаш,* таб., буд. *мишмиш,* крыз. *мешмеш* (араб. *мишмиш*).

Животный мир

ЖИВОТНОЕ: лезг. *гьяйван,* таб. *гьаьйван* (и лошадь), агул. *гьайван,* рут. *иван,* цах. *хІаІйван,* буд. *хІайван,* крыз. *хІаьйван,* арч. *хІайван* (араб. *хайууан*).

КОМОЛЫЙ: лезг. *кабач,* таб. *габач,* агул. *кабач,* рут., цах., буд. *гебач* (араб. *кабш*).

НАСЕКОМОЕ: лезг. *гьашарат,* таб. *гьаьшарат,* агул. *гьаьшарат,* рут. *гІаьшарат,* цах. *хІаІшарат,* буд. *гьашарат,* крыз. *хІаьшарат* (араб. *хашара*).

ОБЕЗЬЯНА: лезг., таб., агул., удин. *маймун* (араб. *маймун*).

ОСЕЛ: лезг. лам, рут. *йимал, йумал,* цах. *аьмаьле,* буд. *лем,* крыз. *лем,* удин. *элем.*

ПАВЛИН: лезг. *тІавус,* таб., рут., арч. *тІавус,* агул. *тІаьвус,* цах. *тавус,* буд. *товус* (араб. *товус*).

СКОТИНА: лезг. *мал,* таб., агул., рут., цах., буд., крыз. *мал* (араб. *мал*).

СКОРПИОН: лезг., таб. *аькьраб,* агул. *аькьрав,* буд. *кІийитІар* (араб. *акраб*).

Части человеческого тела

ЛИЦО, ЛИК: лезг., таб., агул. *суфат,* рут., цах. *сифат,* буд. *сифет,* арч. *самат* (араб. *самат* «черты лица»).

ФИЗИОНОМИЯ, внешний вид: лезг., таб. *къамат,* рут., буд. *къамат* (араб. кама).

Названия людей

ЖИТЕЛИ одного села: лезг. *жемят,* таб. *жамааьт,* агул. *жж меаьт,* рут. *джаьмаьаьт,* цах. *джамаьгIаьт,* буд. *джамгIаьт,* кры *джамаьгIат,* арч. *жамат* (араб. *джамигIа(т).*

ВЗРОСЛЫЙ, ПОЖИЛОЙ: лезг. *агьил,* таб., цах. *агьли,* агу *агьлу,* крыз. *аьгьилаь,* удин. *агьил,* арч. *агьил:* люди одного тух ма (араб. *'ахл).*

ГЛУПЕЦ: лезг., таб., рут. *ахмакь,* агул. *аьгьмакь,* цах. *ахма* рут. *ахмагъ,* крыз. *аьхIмаькь* (араб. *ъахмак).*

ГУЛЯКА: лезг., буд. *луту,* таб., рут., крыз. *лути,* цах. *л тий,* арч. *лоти* (араб. *латтит).*

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО: лезг., рут. *гьаким,* таб., цах. *гьа ким,* агул. *гьеким,* крыз. *гIаьким* «врач», арч. *хIаким* (араб. хаким)

ЕВРЕЙ: лезг. *чавуд?,* таб., крыз. джугьуд, агул. *жугьутI,* ру *джавуд,* цах. *джуьхIютI,* буд. *чувуд,* арч. *жугьутI* (араб. *джуху* «неверие»).

ЛЕКАРЬ: лезг. *жерягь,* таб. *жярягь,* агул. *джаьраьгь,* рут. *джа рагь,* цах. *жераьгь,* буд. *джеррагь* (араб. *джаррах).*

НЕВЕЖДА: лезг., таб., буд., удин. *авам,* агул., рут., ца *аьвам,* крыз. *гIаьвам* (араб. *'ауам).*

НОСИЛЬЩИК: лезг., таб., буд., удин., агул., рут. *гъамба* крыз., арч. *хIамбал* (араб. *хаммал).*

ПЛЕННИК: лезг. *есир,* таб., рут., цах., удин. *йесир,* агул. *йиса* буд. *йасыр* (араб. *'асир).*

ПАЛАЧ: лезг., таб. *жаллатI,* агул. *жалатI,* рут., буд. *джаллад* цах., крыз. *джаллат,* арч. *жаллатI* (араб. *джаллад).*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: лезг., буд. *векил,* таб., агул., рут., цах. *ва кил,* крыз., удин. *ваькил,* арч. *викил* (араб. *вакил).*

РАБОЧИЙ: лезг., рут. *фагьле,* таб., агул. *фаьгьла,* цах. *фегьле* буд. *фагIла,* крыз. *фаьгIла,* удин. *фаьгълаь,* арч. *пагьла* «помощ ник каменщика» (араб. фа'ил).

СИРОТА: лезг. *етим,* таб. *йитим,* рут., цах., буд. *йетим,* удин *йетим,* арч. *йатим* (араб. *йатим).*

ЧЕЛОВЕК: лезг., таб., агул., рут., цах., буд., крыз., удин., арч *инсан* (араб. *'инсан).*

Термины родства

ДЯДЯ (по отцовской линии): лезг., таб., *ими,* цах. *эмиси,* буд. *эми,* буд. *аьми* (араб. *'амм).*

ПОТОМОК: лезг., таб., агул., рут. *велед* (араб. *ууалад).*

ПОТОМСТВО: лезг., таб., агул., рут. *эвлед,* цах. *эвлеуьд,* удин. *евлед,* крыз. *евлад,* арч. *авлад* (араб. *ъавлад* мн. от *валад).*

НАСЛЕДНИК: лезг., *варис,* таб., агул. *варис,* рут., цах. *варис,* буд. *варис* (араб. *ууарис).*

ТЕТЯ (по отцовской линии): лезг., таб., удин. *эме* (араб. *'имма).*

Названия продуктов питания

ХАЛВА: лезг. *гьалва,* удин., арч. *гьалва,* таб. *гьаьлва,* рут. *гьалла,* цах. *гьаьлва* (араб. *халууа).*

ПРОПИТАНИЕ: лезг. *ризкьи,* таб. *ризкь,* цах. *ризкь,* агул. *ризкь,* рут. *резкь* (араб. *ризк).*

СЛАДКАЯ ВОДА: лезг., таб., агул. *шуьрбет,* рут., буд. *щербет,* цах. *шарбат,* крыз. *шаьрбаьт,* арч. *ширват* (араб. *шарбат).*

ВАРЕНЬЕ: лезг., таб., агул., цах. *мураба,* рут. *мыраба, мираьбаьб* (араб. *мурабба).*

СУП, БУЛЬОН: лезг., таб., агул. *шурпа,* рут., буд. *шурпа,* цах. *шорпа,* крыз. *ширваь «похлебка» (араб. шурба).*

Названия строений и их частей

БАНЯ: лезг., рут., буд., удин. *гьамам,* таб. *гьаьмам,* агул. *гIамам,* цах. *гьаьмаьм,* крыз., арч. *хIамам* (араб. *хаммам).*

БАССЕЙН: лезг. *гьавиз,* таб. *гьаьвуз,* агул., рут. *гьаьвуз,* удин. *гьовуз,* арч. *хIовзи* (араб. *хауud).*

ГВОЗДЬ: лезг., буд. *мисмар,* таб. *масмар,* рут., цах. *мысмар,* крыз. *мысмар* (араб. *мисмар).*

ДВОР: лезг., буд. *гьайат,* таб., агул., цах. *гьаьйат,* рут. *хIайат* (араб. *хаййа).*

КАНАВА, РОВ: лезг., таб. *хандакI,* рут., цах. *къандах,* буд., арч. *хандакь,* удин. *кьандагъ* (араб. *хакдак).*

КВАРТАЛ: лезг., рут. *магьле,* таб., агул. *маьгьла,* цах. *махаьле,* буд. *махIла, магIал,* арч. *махIла* (араб. *махалла).*

КОРИДОР: лезг: *дегьлиз,* таб., агул. *тегьлиз* (араб. *дахлиз).*
МАГАЗИН: лезг. *туьквен,* таб., рут., буд. *тукан,* цах., крыз. *дукан,* крыз. *дуькаьн* (араб. *дуккан).*
РАЗВАЛИНЫ: лезг. *хараба,* таб., рут., цах. *хараба,* буд. *харапIа* (араб. *хараба).*
СТОЛИЦА: лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *меркез* (араб. *маркиз).*
ЭТАЖ: лезг., таб., буд. *мертэба,* агул. *мартаба* (араб. *мартаба).*

Слова, объединяемые понятиями места и пространства

ВСЕЛЕННАЯ: лезг. *дуьнья,* таб. *дюнья,* агул., рут. *дунйа,* цах., крыз., буд. *дуьнйа,* арч. *днийа* (араб. *дунйа).*

ОБИТАЛИЩЕ: лезг., таб., цах. *макан* (араб. *макан).*
РАССТОЯНИЕ: лезг. *мензил,* таб., агул., цах. *манзил,* рут. *мамзил,* буд. *мензил,* арч. *минзир* (араб. *манзил).*
СТОРОНА, НАПРАВЛЕНИЕ: лезг., таб., агул. *тереф,* рут., цах. *тераьф,* буд. *тереф* (араб. *тараф).*

СТРАНА: лезг., таб., агул., цах., арч. *вилайат,* рут. *вилайет,* крыз. *вилайаьт* (араб. *уилайа).*
УЕДИНЕННОЕ МЕСТО: лезг. *хелвет,* таб. *халават,* агул., буд. *халват,* цах. *хаьлват,* арч. *халбат* (араб. *халуua).*
ЧУЖБИНА: лезг., таб., агул., цах. *гъурабат,* буд. *къурбат* (араб. *гурба).*

ЮГ, ЮЖНАЯ СТОРОНА: лезг., агул., буд. *кьибле,* таб., цах. *кьибла,* рут. *кьебле,* крыз. *кьиблав,* арч. *кьилбу* (араб. *кибла).*

Названия веществ, полезных ископаемых и материалов

АЛМАЗ: лезг., таб., агул., рут., цах., удин. *алмаз,* буд., арч. алмас (араб. *'алмас).*
БАЛЬЗАМ: лезг., цах. *маьлгьаьм,* буд. *малхIам* (араб. *мархам).*
ВОДКА: лезг. *эрекь,* таб. *аьракьи,* агул. *гIеракьи,* цах. *эраькьи,* буд. *гьаракь,* крыз. *арагъ,* удин. *аьраькъи,* арч. *арахъий* (араб. *'арак).*
ДРАГОЦЕННОСТЬ: лезг., агул. *хазина,* таб., цах., буд., удин. *хизна,* арч. *ххазна* (араб. *хазина).*
ДУХИ, АРОМАТ: лезг. *атир,* таб. *аьтIир,* рут. *гьатир,* цах., буд. *этир,* арч. *'атри* (араб. *гьатр).*

ЖЕМЧУГ: лезг., таб., цах. *мержан,* агул. *мержан,* рут. *мард-жан,* буд. *мерджан,* арч. *маржан* (араб. *марджан).*

МАТЕРИЯ, АТЛАС: лезг., таб., агул., рут., буд. *атІлас,* цах. *кІилас,* крыз., удин. *атІлаз,* арч. *атІрас* (араб. *ъатлас).*

НЕФТЬ: лезг., таб., агул., рут., буд., цах., крыз. *нафт,* арч. *набт* (араб. *нафт).*

МАЛАХИТ: лезг., таб. *лали,* рут. *лаъли,* буд. *лале* (араб. *ла'ла').*

МРАМОР: лезг., таб., агул., рут., цах. *мармар,* буд. *мермер,* (араб. *мармар).*

САМОЦВЕТ: лезг. таб., агул. *джавагьир,* рут., цах., буд., крыз. *джавагьир,* арч. *жавгьар* (араб. *джууахир).*

Временные понятия

ВРЕМЯ, ЭПОХА: лезг. *вахт,* таб., агул., рут., цах., буд., удин. *вахт,* крыз. *ваьхт,* вахт (араб. *уакт).*

ВРЕМЯ, ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ: лезг., таб. *айам,* рут. *аьйам* «догадка, интуиция» (араб. *'аййам).*

ВРЕМЯ: лезг. *заман,* таб. *замана,* агул., рут., цах., буд. *заман* (араб. *заман).*

ВРЕМЯ ОТПУСКА, ОТСРОЧКА: лезг., таб. *муьгьлет,* агул. *мугьлат,* рут., цах. *мугьлет* (араб. *махала).*

ВТОРНИК: лезг. *саласа,* таб., агул. *талат,* рут. *саласад (йыгъ),* арч. *далат* (араб. *суласа').*

ВОСКРЕСЕНЬЕ: лезг. *гьаьд,* таб. *элгьет,* агул. *алгьад,* арч. *алхат* (араб. *'ахад).*

ВРЕМЯ, ОЧЕРЕДЬ: лезг., таб., агул., рут., цах. *нубат,* крыз. *нуба* (араб. *науба).*

КОНЕЦ, В КОНЦЕ, КОНЧИНА: лезг. *эхир,* таб. *аьхир,* агул., арч. *ахир,* рут., цах., удин. *ахыр,* буд. *аьхир* (араб. *'ахар).*

V

НАЧАЛО, В НАЧАЛЕ: лезг., таб., рут., цах., буд. *эвел,* агул. *[illegible], эвел,* арч. *авал* (араб. *'ауал).*

ПРОМЕЖУТОК: лезг., таб., рут., цах. *муддат,* буд. *муьддет* (араб. *мудда).*

ПЯТНИЦА: лезг. *жуьмя,* таб. *жвуми,* агул. *жуьмгІа,* рут. *[illegible]джумад-йигъ, уьрджуман-йигъ,* буд. *джуьмгІи* (араб. *джум'а).*

МИНУТА: лезг. *декьикье,* таб., агул. *дакьикьа,* рут. *тІакьикьа,* цах. *даькьикьа,* буд. *дакьикье* (араб. *дакика).*

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ: лезг., таб. *мажал,* агул. *мажжал,* буд. *маджал,* удин. *маджал* (араб. *маджал*).

СРЕДА: лезг. *арбе,* таб. *гьербе,* агул. *гIарбагI,* рут. *гьарб...* цах. *арайин йигъ* (араб. *'арба'а'*).

ЧЕТВЕРГ: лезг. *хемис,* таб., агул., рут. *хамис,* цах. *хас?* (араб. *хамис*).

Кроме приведенных лексико-тематических групп, из арабского языка в лезгинские заимствованы многочисленные религиозно-мистические термины, названия, обозначающие абстрактные понятия, слова, выражающие физическое и душевное состояние, моральные качества людей, отвлеченные понятия из области науки, культуры и искусства, слова, обозначающие признаки предметов и действий (прилагательные и наречия), а также личные собственные имена (мужские и женские) и др. (см. Гайдаров 1966, 205—213; Загиров 1981, 34—49; Ибрагимов 1978, 124—125; Кибрик и др. 1977, 44—47; Забитов 1983 и др.).

Из арабского языка заимствованы также служебные слова (ва (араб. уа) «и», амма (араб. 'амма) «но, однако», гьятта (араб. хатта) «даже, вплоть до», я... я (араб. йа) «либо...либо», я! «о!»), а также наиболее употребительные в речи носителей лезгинских языков слова, словосочетания и выражения: биллагь «ей богу», валлагь (араб. уаллах) «ей богу, клянусь богом», баркаллагь (араб. баракаллах) «молодец, слава», иншаллагь (араб. инша'ллах) «если будет угодно богу», салам «привет, приветствие», салам алейкум (араб. салам 'алайкум) «здравствуйте, привет», алейкум салам (араб. 'алейкум ас-салам) «здравствуйте (ответное приветствие»), бисмиллагь «во имя бога, с богом» (слово, с которым верующие приступают к еде или к какому-либо другому действию) и др.

Многие лексемы арабского происхождения, представленные в лезгинских языках собственными (мужскими и женскими) именами, употребляются также и в нарицательном значении для обозначения определенных понятий, явлений, ср.:

лезг. Мевлид, Мавлуд, таб. Мевлюд и др., собств. имя — мавлуд (араб. маулид) «коллективное молебствование»;

лезг. Малла, таб. Малла, агул. Малла и др., собств. имя — малла (араб. мулла) «мулла»;

лезг. Имам, таб. Имам и др., собств. имя—имам (араб, 'имам) «высший духовный сан» и др.

Собственными именами в языках лезгинской группы восприняты также названия месяцев и дней недели:

лезг., таб., рут., цах. и др. Рамазан, собств. имя — рамазан (араб. рамадан) «месяц поста мусульман»;

лезг. Хемиса, таб. Хамис, собств. женское имя — хемис, хамис (араб. хамис) «четверг» и др.

Сопоставительный анализ семантики арабских заимствований, употребляемых в лезгинских языках, показывает, что, вступив во взаимосвязь с исконными словами, значительная часть арабизмов по сравнению с их соответствиями в языке-источнике подвергается семантическим, фонетическим и морфологическим преобразованиям, ср.: «С точки зрения освоения для арабизмов в лезгинском языке характерна сравнительно большая фонетическая и лексико-семантическая ассимилированность, которая объясняется не только давностью проникновения арабизмов, но и особенностями арабско-лезгинских языковых контактов, а в наше время, как это ни парадоксально — значительным ослаблением указанных связей» (Гайдаров 1977, 123).

При освоении арабских слов лезгинскими языками происходят значительные преобразования в их семантике, которые, в основном, являются результатом метафорического или метонимического употребления арабской лексемы на новой почве (в лезг. см. Забитов 1983, 10). Конечно, следовало бы учитывать и те изменения, которые произошли в самом арабском языке со времени контактирования его с дагестанскими языками, в той мере, в какой они зафиксированы современными словарями.

Некоторые арабизмы, являющиеся в основном религиозно-мистическими терминами, употребляются в своем исконном значении. В этой группе мы находим также несколько имен — названий людей, животных и конкретных предметов, ср.:

араб. хаммал «носильщик» — лезг., таб., агул., рут., удин. гьамбал, крыз., арч. хIамбал «носильщик»;

араб. маймун «обезьяна» — лезг. маймун, таб. маймун, агул. маймун, буд. маймун, удин. маймун «обезьяна».

Отдельные арабизмы могут подвергаться смысловой или стилистической дифференциации и существовать в лезгинских языках в качестве слов-синонимов, которые выражают одинаковые поня-

тия при разных оттенках употребления, а некоторые из них — расширять свое значение на почве лезгинских языков, приобретая наряду с исходным одно или несколько новых значений. Эти случаи семантического изменения арабизмов при их усвоении все же не являются основными. Из семантических изменений наиболее характерными являются следующие:

1. Многие многозначные арабские лексемы обычно заимствуются не в полном объеме смысловой структуры, т. е. происходит сужение значения слова в результате перехода его из обращения в широкой общественной среде в среду более узкую (Булаховский 1953, 76). Как правило, язык усваивает одно или несколько из прежних значений, т. е. именно то значение, в котором испытывает определенную потребность в данный момент. Подобный семантический сдвиг характерен для большинства арабских заимствований. Ниже мы приводим примеры на сужение значения арабских лексем (даны по словарю Х. И. Баранова) в языках лезгинской группы:

араб. уасиййа 1. завещание, завет; 2. воля, распоряжение, приказ — лезг. васият, таб. васият, агул. васият, удин. ваьсийаь и др. «завет, завещание»;

араб. джаллад 1. палач, наемный убийца; 2. торговец кожами — лезг. жаллатI, таб. жаллатI, агул. жалатI, рут., буд. джаллад, цах., крыз. джаллат, арч. жаллатI «палач, наемный убийца»;

араб. халкI 1. творение, создание; 2. люди, народ; 3. тварь; 4. телосложение — лезг., таб., агул. халкь, рут., цах., буд., крыз. халкь «народ»;

араб. ‘акраб 1. скорпион; 2. часовая стрелка — лезг. аькьраб, таб. аькьраб, агул. аькьрав «скорпион»;

араб. кибла 1. сторона, к которой обращается мусульманин во время молитвы; 2. ниша; 3. юг, южная сторона; 4. притягательный центр — лезг., агул., буд. кьибле, цах. кьибла, рут. кьибле, крыз. къиблаь, арч. кьилбу «юг, южная сторона».

2. Для большого количества арабизмов в лезгинских языках по сравнению с их соответствиями в языке-источнике свойственно полное изменение значения слова, т. е. утрата прежнего значения и функционирование слова в другом, новом значении:

араб. ххамис «пятый» — лезг. хемис, таб. хамис, агул. хамис, рут. хамис, цах. хас «четверг»;

араб. мартаба 1. степень, ступень; 2. мат. разряд; 3. достоинство; 4. положение, место; 5. матрац; 6. скамья — лезг. мертеба, таб., буд, мертеба, агул. мартаба «этаж».

Аналогичные семантические изменения арабских заимствова-

ний отмечены и в других дагестанских языках (см. Хайдаков 1961, 62—63; Мусаев 1978, 17—19).

Некоторые арабские заимствования подверглись архаизации, причиной которой является либо исчезновение обозначаемых ими реалий, либо вытеснение их синонимическими словами русского и исконного происхождения. Вытеснены также те из арабизмов, которые носили книжный оттенок и не были знакомы широким слоям населения. Таковыми являются следующие арабские слова, имевшие к началу XX века широкое распространение:

маариф (араб. ма'ариф) — образование; къадим (араб. кадим)—древний; такъат (араб. такат) — гуж «сила»; имтигьаьн (араб. 'имтихан) — экзамен; танкьид (араб. танкид) — критика; шагьадатнама (араб. шахадан) — свидетельство; сиясат (араб. сийаса) — политика; медреса, мадраса (араб. мадраса) — школа; харж (араб. хардж) — налог, расход, трата и др.

Подавляющее большинство арабизмов в процессе усвоения лезгинскими языками прежде всего меняет свой фонетический облик и произносится по нормам языков лезгинской группы. Звуковые изменения лексем арабского происхождения характеризуются выпадением и заменой арабских звуков, не совпадающих с лезгинскими, чуждых лезгинским языкам, похожими или более или менее близкими по звучанию фонемами или дополнительными наращениями. Из фонетических процессов, характерных для слов арабского происхождения, можно отметить следующие:

1. Фонетические явления в области вокализма:

а) Для многих арабизмов, которые имеют несвойственные для лезгинских языков стечения согласных кр, фс, хм, нф, лм, зн, характерно наращение гласных звуков, т. е. вставка гласных внутри слова — эпентеза:

араб. кафс — лезг., таб., агул. къефес, рут. къафази, цах. кьаьфес, крыз, къаьфаьс, буд. къефес, удин. къаьфаьс «клетушка»;

араб. 'атр — лезг. атир, таб. аьтIир, рут. гьатир, цах., буд. этир, арч. 'атри «духи, аромат»;

араб. фикр — лезг. фикир, таб. фикир, агул. фикир, удин. фикир, буд. фикир «мысль, рассуждение; мнение, суждение».

б) выпадение серединных звуков в словах, т. е. синкопа:

араб. хайууан — лезг. гьайван, таб. гьаьйван, рут. хиван, иван, цах. хIаIйван, буд. хIайван, крыз. хIаьйван, арч. хIаван «животное (таб. и «лошадь»)».

в) арабские лексемы в лезгинских языках утрачивают характерную для гласных фонем долготу, с помощью которой определяется и место ударения (Юшманов 1938, 82):

араб. шараб — лезг. шараб, таб. шараб, агул. шараб «сладкая вода»;

араб. ххата — лезг. хата, таб. хатIа, агул. хатIа, рут. хатагь, удин. хата, буд. хата «ошибка, промах».

г) арабская фонема заднего образования «а» переходит в языках лезгинской группы в «е(э)», что, вероятно, свидетельствует об азербайджанском посредстве, где а>э:

араб. бадан — лезг. беден, таб. беден, агул. беден, рут. беден, буд. андам «тело»;

араб. уалад — лезг. велед, таб. велед, агул. велед, рут. велед «потомок».

В области согласных

В некоторых арабских заимствованиях при адаптации происходит замещение нехарактерных для лезгинских языков согласных (почти всех эмфатических звуков арабского языка) звуками лезгинских языков. Арабские эмфатические согласные с, т, з, согласный к замещается абруптивным кь или фрикативным гъ, эмфатический д (дадун) замещается з:

с>с: араб. сабун — лезг. запун, таб. саьбун, агул. саIбун, сегIбун, рут. сабын, цах. сапIын, крыз. саIбун, буд. сабун, удин. сапIун, арч. сапун, супун «мыло»;

араб. сура — лезг. суьрет, таб. сурат, агул. сурат, буд. сурет «портрет, экземпляр»;

т>т: араб. тараф — лезг. тереф, таб. тереф, агул. тереф, рут. тераьф, цах. тераьф, буд. тараф «сторона, направление».

т>тI: араб. тауус — лезг. тIавус, таб. тIавус, агул. тIавус, буд. товус «павлин».

з>з: араб. низам — лезг. низам, таб. низам, агул. низам, буд. низам «порядок, установленная цена».

к>кь, гъ: араб. ‘арак — лезг. эрекь, таб. аьракьи, агул. гIерекьи, цах. эраькьи, буд. гьаракь, крыз. арагъ, удин. аьраькъи, арч. арахъий «водка»;

араб. 'ахмак — лезг. ахмакь, таб. ахмакь, агул. ахмакь, рут. ахмакь, буд. ахмахъ, удин. ухмагъ «глупец».

В некоторых случаях на месте араб. «к» имеем в лезгинских языках «къ»: араб. кама — лезг. къамат, таб. къамат, рут. къамат, буд. къамат «физиономия, внешний вид». Как полагают некоторые исследователи (Джидалаев 1985, 12), это свидетельствует об азербайджанском посредстве, хотя, конечно, этот критерий также нельзя абсолютизировать.

Арабский глубокозадненёбный звонкий спирант «г» переходит в анлауте и в инлауте в восточнолезгинских языках в увулярный звонкий спирант «гъ» (в лезг. см. Забитов 1983д, 144): араб. галб — лезг. гъалиб, таб. гъалиб, агул. гъалиб «победа».

Арабский эмфатический «д» (дадун) замещается в языках лезгинской группы переднеязычным звонким спирантом «з»: араб. арида — лезг. арза, таб. аьрза, агул. аьрза, рут. аьрза, буд. гIарза, удин. аьрзаь «жалоба, заявление»; араб. дарар — лезг., таб., агул. зарар, удин. заьраьр, буд. зерар «вред, ущерб».

В отдельных словах зафиксированы случаи замещения арабских межзубных фрикативных звуков «с», «з» фонемами лезгинских языков «с», «т», «з»:

с>с, т: араб. саласа' — лезг. саласа, таб. талат, агул. талат, рут. саласад (йыгъ), арч. далат «вторник».

з>з: раб. заман — лезг. заман, таб. замана, агул. заман, рут., цах., буд. заман «время»;

Арабский х в лезгинских языках передается ларингальным спирантом гь (в лезгинском см. Забитов 1983, 18) или его фарингализованным вариантом хI:

араб. махсул — лезг. магьсул, таб. маьгьсул, агул. маьгьсул, рут. магьсул, цах. махIсул, буд. махIсул «растение (хлебное)».

араб. хаким — лезг. гьаким, таб. гьаьким, агул. гьеким, рут. гьаким, цах. гьаьким, крыз. гIаьким, арч. хIаким «должностное лицо».

В области консонантизма можно отметить также такой фонетический процесс, как выпадение шумного согласного гI (айн):

араб. гIилм — лезг. илим, таб. илим, агул. илим, буд. гIилим,

элим, рут. ъ'ыIлим «наука»; араб. са'а — лезг. сят, таб. сааьт, агул. са'гIат, рут. саIъ'аIт, цах. саьаьт, крыз. сагIаьт, буд. саIат, удин. сагьад, арч. сса'тт «час; часы».

Некоторые арабские лексемы женского рода в лезгинских языках в произношении, как и в других дагестанских языках, например, даргинском (Мусаев 1978, 15) сохраняют звук т (та — мартуба). Этот звук в самих арабских словах не произносится, хотя на письме в их начальной форме и обозначается:

Произношение в языках лезгинской группы	Арабское произношение	Арабское правописание
хесет, хасапят «особенности, характер, привычка»	хасса	хасст
махлукьат, мухликьат «народ, человечество»	махлука	махлукат
гъурабат, къурбат «чужбина»	гурба	гурбат

С сохранением т (та—мартуба) произносится в лезгинских языках большинство собственных женских имен арабского происхождения:

Муслимат	Муслима	Муслимат
Гьялимат	'алима	'алимат
Муминат	Му'мина	Му'минат

В некоторых арабских лексемах, заимствованных лезгинскими языками, т не произносится, как и в арабском:

араб. дакика — лезг. декьикьа, таб. дакьикьа, агул. дакьикьа, рут. тIакьикьа, цах. даькьикьа, буд. декьикьа «минута»;

араб. мартаба — лезг. мертеба, таб., буд. мертеба, агул. мартаба «этаж» и др.

В ряде слов арабского происхождения в отдельных языках лезгинской группы происходит переход звонких «б» и «д» в глухие смычные непридыхательные «п», «пп» и «т», «тт» (в лезгинском см. Забитов 1983, 18);

араб. шурба — лезг. шурпа, таб. шурпа, агул. шурпа, рут. шурпа, буд. шурпа, цах. шорпа, ширваь «суп, похлёбка»;

араб. бахил — лезг. ппехил, рут. пехилди, буд. пахыр «завистливый»;

араб. тасдик — лезг. тастикь, буд. тестикь, рут. тестикь «под-

тверждение»; араб. дарс — лезг. ттарс «урок»; араб. дакика—рут. Пакьикьа «минута» и др.

В отдельных языках (арчинском, рутульском) не характерный для них «ф» в арабизмах переходит в «п», «хьв»:

араб. суфра — арч. ссупра «скатерть»; араб. фа’ил — арч. пагла «рабочий»; араб. зарифа — рут. зарахьват «шутка»; араб. уазифа — рут. вазихьва «должность» и др.

Имеются, конечно, и некоторые другие фонетические процессы, характерные лишь для отдельных языков лезгинской группы и отмеченные в незначительном числе заимствований или же нерегулярностью употребления (о некоторых из них в лезгинском языке см. Забитов 1983, 14—20). Как правило, такие процессы объясняются неточностью усвоения заимствованного слова, его опосредованностью (через посредство азербайджанского или персидского языков) и распространением слова в искаженном виде.

При адаптации заимствованных арабских лексем в языках лезгинской группы наблюдаются также случаи метатезы, т. е. перестановки звуков и слогов внутри слова, ассимиляция, диссимиляция и другие фонетические процессы.

Арабские заимствования, подчиняясь нормам лезгинских языков, подверглись и определенным морфологическим изменениям. К ним прежде всего относятся изменения в окончаниях, а также в грамматическом роде и числе.

Категория грамматического рода арабского языка при заимствовании слов лезгинскими языками игнорируется, поскольку в них эта категория отсутствует, а некоторые из них (лезгинский, агульский, удинский) утратили и категорию грамматического класса, заменяющей в определенном смысле категорию рода (в лезгинском языке см. Гайдаров 1966, 241; Забитов 1983, 21). Такие арабские лексемы женского рода, как рахма «милосердие, сострадание, милость» (лезг. регьмет, таб. раьгьмат, буд. рахӀмат и др. «прощение, помилование»), хуриййа «свобода» (лезг. гьуьрият, таб. гьюрият, буд. хӀуьрйат и др. «свобода»), и мужского рода, как ъасар «след, отпечаток, знак...» (лезг. эсер, таб. эсер и др. «произведение; влияние»), фикр «мысль» (лезг. фикир, таб. фикир, агул. фикир, буд. фикир и др. «мысль, размышление»), проникшие в форме именительного падежа единственного числа, в лезгинских языках, имеющих классы, относятся к классу неразумных (в табасаранском см. Загиров 1981, 46).

Отдельные арабские лексемы проникают в лезгинские языки в форме единственного и множественного числа как самостоя-

тельные единицы, где эти арабизмы воспринимаются в единственном числе:

араб. ууалад — лезг. велед, таб. велед, агул. велед, рут. велед. «потомок», но араб. мн. ъаууладъ — лезг. эвлед, таб. эвлед, агул. эвлед, рут. эвлед, цах. эвлеуьд, удин. евлед, крыз. евлад, арч. авлад «потомство»;

араб. хал — лезг. гьал, агул. гьал, таб. гьаьл, рут. гьал, буд. гьал «состояние, положение», но араб. мн. ъахууал — лезг. агьвал, таб. аьгьвал, агул. аьгьвал «экономическое состояние хозяйства»;

араб. факир — лезг. фагъир, таб. фагъир, буд. фегъир, удин. фагъир «бедный, вызывающий сострадание», но араб. мн. фукараъу — лезг. фукъара, таб. фугъара «беднейшее крестьянство, трудовой народ» и др.

Арабские масдары при переходе в языки лезгинской группы стали восприниматься как имена существительные:

араб. захма — лезг. зегьмет, таб. зегьмет, буд. зегьмет «труд»;

араб. хатр — лезг. хатир, таб. хатир, агул. хатир, буд. хатыр «уважение» и др.

Некоторые арабские причастия и прилагательные в языках лезгинской группы также передаются формой имен существительных:

араб. са'ил — лезг. саил, таб., агул. саил «нуждающийся, тот, кто просит»;

араб. 'асир — лезг. есир, таб., рут., цах., удин. йисир, агул. йисир, буд. йасыр «пленник» и др.

Арчинский язык, находясь под ощутимым воздействием аварского языка (в более ранние периоды своего развития и лакского), заметно выделяется среди других представителей лезгинской группы по характеру внешних контактов. Последние были и продолжают оставаться настолько действенными, что вызвали оживленную дискуссию о его генетической принадлежности. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим только, что принадлежность арчинского языка к группе лезгинских в настоящее время можно считать установленной, ср.: «...арчинский — по происхождению — язык лезгинской группы. Он, видимо, одним из первых выделился из этих языков, по причинам неизвестным нам, рано отделился от них и территориально» (Кахадзе 1979, 527; см.

также Гигинейшвили 1977, 151; Бокарев 1981, 135 — 138; Алексеев 1984, 91 и др.).

Специальному рассмотрению аварские и лакские заимствования, включая кальки и полукальки, были подвергнуты в работах Д. Самедова (1975, 28; Кибрик и др. 1977, т. 1, 52—54), а также в упомянутой выше работе Е. А. Бокарева (1981, 135 — 138). Обнаружение таких заимствований представляет особые трудности в силу того, что они порой практически не отличимы от слов, входящих в общедагестанский лексический фонд, ср. замечание об особой осторожности, с которой надо подходить к материалам арчинского языка при общедагестанских сопоставлениях, в рецензии на книгу Б. К. Гигинейшвили «Сравнительная фонетика дагестанских языков» (Алексеев 1979, 140 — 141). С другой стороны, некоторые предполагаемые заимствования в неменьшей степени могут считаться исконными словами, ср. арч. ссам «желчь» при ав. ццим, лак. сси и др. (Бокарев 1981, 136 — 137). По нашему мнению, решающими в вопросах определения генезиса арчинских лексем должны быть критерии фонетического характера, а также наличие более или менее показательных корреспонденций в родственных лезгинских языках. Учитывая эти факторы, мы можем считать словами лакского происхождения следующие единицы: аIри «войско, армия» (<лак. аьрал), аIнт «крепкий, насыщенный» (<лак. аьнт-сса), бей элълъас «начинать» (<лак. бай-бишин, тж. ав. бай-бихьизс), бутIи «часть, доля» (<лак. бутIа, тж. ав. бутIа), гьаIтэра «река» (<лак. аьтара), эIммус «плакать» (<лак. аь-тIун), баIкIи «куча, груда» (<лак. бакIу), бат хес «исчезнуть» (<лак. бат хьун; слово, видимо, тюркского происхождения), бурк «молот, кувалда» (<лак. бург), бурккан-абас «заботиться» (<лак. буруган «смотреть, заботиться»), цIомо «сычуг» (<лак. цIомо), чаг «чугунный котел» (<лак. чаг), чIер «каменное ограждение» (<лак. чIира), чIет «пробка» (<лак. чIутI), чIеIй «светло-желтый (<лак. чIяй-), дарцIан «бровь» (<лак. ттацIани), диликI «печень» (<лак, ттиликI), дарцI «столб» (<лак. ттарцI) дали «палка, дубина» (<лак. ттала), дай «глиняный материал» (<лак. ттяй «краска для гончарных изделий), дачI «жало» (<лак. дачIу), диIч(а)- «толстый» (<лак. дуч-), гвацци «кобыла» (<лак. ккацца), гвачи «собака» (<лак. ккаччи), генук «яйцо» (<лак. ккунук), ису «сова» (<лак. ису), лакес «испортиться» (<лак. лиян), матIи «сучок» (<лак. матIи), марлъ «кнут» (<лак. мархь), мархху «корень» (<лак. мархха) и др.

Лексемы аварского происхождения: акIи «штраф» (<ав. гIакIа), тж. лак. аьчIа<*аькIа), бабкьIв «кишка» (<ав. бакь), бецесленой» (<ав. бецц-аб), би «кровь» (<ав. би), болI «народ» (<ав. бо в местн. пад.), буцIи «крупный рогатый скот» (<ав. бо-

цIи), болъэжа «кольцо» (<ав. баргьич), бекI «пуговица» (<ав. бекI), цIогьор «вор» (<ав. цIогьор), цIука «трус» (<ав. цIукIа) цIун-ас «хранить» (<ав. цIунизе), цIоб «милосердие» (<ав. цIоб) цIаха «палас» (<ав. цIаха, тж. лак. цIихъа «половик»), чугэ-бо «мыть» (<ав. чучазе), чухI- «густой» (<ав. чухI-), чили «загон для овец» (<ав. чали «изгородь, плетень, загон»), чакI-бос «течь» (<ав. чваххизе), чор «пойло для собак», чорок «грязнуля» (<ав чури «пойло, помои», чорок «грязный»), чIаIпIаIтI «сера» (<ав чIабатI, тж. лак. чIаматIи), чIагу «живой» (<ав. чIаго), чIорбу «лук» (<ав. чIорбутI), чIуIгь- «гордый» (<ав. чIухIизе «гордиться»), дад «большой глиняный кувшин» (<ав. дад), гел «кружка» (<ав. гел), гоIроI «ком, шар» (<ав. горо), гереги «ствол срубленного дерева» (<ав, гереги), гали «шаг» (<ав, гали), гьац «слабый» (<ав. гьац-), гьад «липа» (<ав. гьад), гьиба «хороший» (<ав. гьайба(т) и др.

В ряде случаев можно говорить об этимологических дублетах, ср. куц «способ» — кус «привычка», цIихди «тайком» — цIогьор «вор» и т. п.

Как видим, аварские и лакские заимствования в арчинском языке довольно многочисленны. Вместе с тем, предстоит еще серьезная работа по их выявлению, а также описанию закономерностей их освоения и хронологизации.

В последнее время была высказана гипотеза о наличии определенных контактов между отдельными представителями лезгинских языков (см. Алексеев 1984, 93). Следы подобных контактов можно усматривать в эксклюзивных соответствиях типа лезг. кур —рут. гыр «чашка, миска», лезг. бацIи «козленок» — рут. бацIи «мелкое животное»; лезг. ппикI — крыз. бикI «деревянная бочка», лезг. цагъам «ежевика» — крыз. заьгъаьмай «крыжовник», лезг. чIаха-чIах — крыз. чIихчIихи «хрящ», лезг. шаркIунтI — крыз. шакIвай «ослик», лезг. шукIва — крыз. шакIал «клещ» и т. п. Все же достаточных оснований для подобных выводов у нас пока нет.

Глава III. СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИСТОРИИ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Системные отношения в лексике многообразны и пронизывают словарный состав в самых различных измерениях. В своей известной статье о структурной организации лексики Л. Ельмслев (1962, 119) писал, что слова (вокабулы) «имеют ту особенность, что они чрезвычайно многочисленны, точнее, что их количество в принципе неограниченно и не может быть точно подсчитано. Кроме того,

словарь неустойчив и постоянно изменяется; в любом состоянии языка появляются новые слова, произвольно создаваемые в соответствии с потребностями, а также выходят из употребления и исчезают старые слова. Поэтому при первом рассмотрении словарь представляется отрицанием понятия состояния, устойчивости, синхронии, структуры». Тем не менее на материале терминов родства датский ученый показал, что структурные принципы приложимы и к лексике.

В современном языкознании понятие системности связывается с различными явлениями. В частности, в этом аспекте необходимо указать на используемый в лексикографических работах принцип классификации словарного состава по лексикотематическим группам: названия частей тела, животных, растений, домашней утвари и т. п., хотя в литературе этот принцип не раз подвергался критике вследствие его опоры на экстралингвистические признаки (см., например, Шур 1974, 29 и сл.). В этом смысле понятие «семантического поля» может считаться противопоставленным понятию «лексико-тематическая группа» как собственно лингвистическое экстралингвистическому.

Типичным приемом выявления системных отношений внутри семантического поля является компонентный анализ, который, как представляется, все же дает хорошие результаты лишь в ограниченных областях лексики (не случайно подавляющее число работ по компонентному анализу основывается на материале терминов родства).

Системность лексического состава во многом связана и с такими традиционными понятиями как синонимия, антонимия, омонимия и полисемия, хотя последний термин характеризует системные отношения не в пределах всего словаря или хотя бы группы слов, а в рамках одного отдельно взятого слова. Все же при установлении значений многозначного слова широко пользуются именно связями данной лексической единицы с другими лексемами. Например, многозначность лезгинского слова *таза* фиксируется благодаря наличию у каждого из его значений своей пары синонима и антонима, ср. чагъа «недавно родившийся» (ант. сейке), «свежеиспеченный, мягкий» (ант. хъукъвай, баят), михьи «чистый, прохладный» (ант. ктIай), цIийи «только что проложенный (след)» (ант. куьгьне), хъуцIу «молодой (о раст.)» (ант. ахъахай), жегьил «молодой (о чел.)» (ант. кьуьзуь), см. Гюльмагомедов 1982, III.

Принципы системной организации лексики находятся и в центре внимания контенсивной типологии. Вместе с тем, проявление этих принципов усматривается здесь не в семантических, а в лексико-грамматических категориях. В связи с этим весьма характер-

но следующее высказывание Г. А. Климова: «Имеются все основания полагать, что транзитивность~интранзитивность является одной из тех коррелирующих категорий, в которых здесь (в языках эргативного строя. — В. З.) выражаются принципы системной организации лексики» (1973, 69).

В этом же ключе дается толкование системы именных классов. Так, противопоставление классов человека и вещи в дагестанских языках может быть квалифицировано как проявление одного из ведущих принципов структурной организации лексики, а именно противопоставление активного и инактивного начал.

Говоря о лексико-грамматических классах, нельзя не упомянуть такие традиционно выделяемые группы слов как части речи. В работах по современным лезгинским языкам выделяют такие части речи, как существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частица, союз. В то же время, судя по отдельным фактам, можно заключить, что некоторые части речи сформировались позднее. Например, качественные прилагательные лезгинских языков восходят к глаголу (Климов, Алексеев 1980, 274; Алексеев 1985, 62—63), наречия и послелоги оказываются застывшими формами имен. По словам Г. В. Топуриа, в иберийско-кавказских языках»... для образования обстоятельственных наречий времени, места и образа действия и сегодня используются ныне действующие живые форманты эргатива. Это особенно касается наречий времени, в частности тех наречий, которые обозначают определенный отрезок времени — часть дня, года ...как — «сегодня», «вчера», «днем», «ночью», «утром», «вечером», «поздно», «в этом году», «в прошлом году», «зимой», «летом» и т. д. (1984, 105). На материале лезгинского и будухского языков образование некоторых наречий и послелогов от падежных форм существительного прослеживается у У. А. Мейлановой (1983, 207—212). Частицы и союзы также могут восходить к другим частям речи. Каждая из этих групп в зависимости от представленных в языке категорий может быть подразделена на более мелкие лексические группировки. В частности, практически во всех дагестанских языках могут быть выделены, помимо транзитивных и интразитивных, аффективные, лабильные и некоторые другие группы глаголов.

Для имени дагестанских языков характерно наличие категории класса, что опять же дает возможность говорить о принципах структурной организации именного словаря.

Значительным структурирующим фактором в лексике является система словообразовательных средств языка. Тот или иной аффикс, обладая тем или иным значением, как бы объединяет семантически и грамматически все слова, содержащие этот аффикс.

Л. Ельмслев в приведенной в начале главы цитате противопоставлял синхронию и диахронию как системное и бессистемное. Думается, что это далеко не так. Как и на других языковых уровнях, лексические изменения в значительной степени обусловлены факторами структурного порядка. Примеры такой обусловленности можно найти в рассмотренном в первых главах материале. Тем не менее, представляется целесообразным остановиться на некоторых из перечисленных здесь структурирующих факторах специально. Рассмотрение всей совокупности этих факторов в рамках одной работы практически невозможно, поэтому мы решили ограничиться следующими вопросами: история лексических классов субстантивов; словообразование; синонимия, антонимия, полисемия и омонимия.

I. Лексические классы лезгинских языков в истории

Категория класса является одной из ведущих категорий лезгинских языков. Даже в тех языках, где эта категория ныне не представлена, она оставила заметный след в грамматической структуре глагола и имени, как это показано в специальных исследованиях (см., например, Гаджиев 1958; Джейранишвили 1956; Кахадзе 1984; Магометов 1962; Мейланова 1962; Шаумян 1936 и др.). Многоплановость данной категории проявляется прежде всего в том, что она как бы «раздваивается», функционируя, с одной стороны, в сфере формальной морфологии как грамматическая категория согласуемых частей речи — глаголов, прилагательных, местоимений, числительных и, с другой стороны, в сфере лексической в качестве наиболее фундаментального признака категоризации именной лексики.

Естественно, оба названных аспекта могут быть рассмотрены независимо друг от друга, однако между ними наблюдается и существенная корреляция. Как показал в специальной монографии, посвященной категории класса в дагестанских языках, С. М. Хайдаков (1980), принципы именной классификации целиком и полностью базируются на тех возможностях, которые предоставляют для этого части речи, отражающие категорию класса. Одним из наиболее существенных выводов этой книги можно считать положение, согласно которому в пределах одного языка устанавливается не одна классная система, а несколько подсистем, для которых характерны свои принципы и оппозиции. Так, в арчинском языке выделено три системы: шестичленная, пятичленная и четырехчленная (Хайдаков 1980, 135).

В нашей работе мы ориентируемся прежде всего на лексический аспект рассматриваемой категории. Надо сказать, что в этом

отношении категория класса может вести себя не только как способ системной организации лексики, но и как типичное средство обогащения словарного состава: мы имеем в виду функционирование классных экспонентов в качестве словообразовательных аффиксов (см. ниже о словообразовании).

Не останавливаясь на той роли, которую играла и продолжает играть категория класса в процессе развития лексической системы лезгинских языков, рассмотрим вопрос, каков был ее первоначальный облик в исследуемых языках. Ответ на этот вопрос представляется довольно сложным, поскольку неоднозначны уже сами принципы выделения классов в современных лезгинских языках, когда порою формальные особенности в согласовании признаются окончательным признаком лексического класса.

Мы считаем, что в языках лезгинской группы, наиболее полно сохранивших систему классных противопоставлений, т. е. в рутульском, цахурском, арчинском, крызском и будухском, представлено по четыре лексических класса. Так как основные категориальные признаки противопоставляемых классов в этих языках совпадают, мы вслед за О. И. Кахадзе (1984, 150—151) считаем возможным рассматривать четырехклассную систему в качестве исходной, общелезгинской.

Различные исследователи по-разному пытались определить те внутренние стимулы, которые регулируют классную соотнесенность того или иного имени в лезгинских языках, а также в родственных дагестанских и нахских языках. Л. И. Жирков пытался выявить сущностные характеристики классной системы дагестанских языков путем сопоставления ее со сходными структурами: согласовательными классами африканских языков и с категорией рода индоевропейских языков (1961). В результате исследователь пришел к выводу, что «безоговорочно сопоставлять системы грамматических классов в дагестанских языках и языках банту было бы неправильно. Да и самые принципы классификации всех вещей и явлений, составляющих вместе всю окружающую человека природу, в обоих этих сравниваемых группах языков различны...» (Жирков 1961, 198).

Сопоставление принципа классного согласования в дагестанских языках с классными системами африканских языков проводилось также С. М. Хайдаковым. В своей статье С. М. Хайдаков (1977) показывает, что зарождение классной системы связано с дифференциацией в системе местоимений, которые впоследствии, примыкая к глаголу и другим согласуемым частям речи, приобрели характер классных экспонентов. Этот вывод, как нам представляется, особенно важен в связи с необходимостью данной категории в онтологическом аспекте.

Несколько иной подход к решению данной проблемы предложил Ю. Д. Дешериев. Согласно его концепции, именная классификация — это «результат трансформации лингвистического отражения многократного смешения родов и пережиточного сохранения в языках определенных элементов родовой (тотемной) организации общества при полном исчезновении древнейших типов языков и племен как целостных структур» (1977, 32). Думается, что два эти подхода не только не противоречат, но в какой-то степени и дополняют друг друга.

Если становление категории класса связано с глубокой древностью, то отсутствие в отдельных ее современных проявлениях четких демаркационных линий является неизбежным фактом. Трудно ожидать, что на протяжении столь длительного времени исходные принципы системной организации лексики сохранят свою силу на первоначальном уровне. Тем не менее нельзя не констатировать, что основные характеристики общелезгинской классной системы, видимо, находят свое непосредственное отражение в классных системах современных языков. Это обстоятельство, как мы полагаем, обязано наличию в языке так называемого семасиологического принципа, сущность которого вскрывает Ю. Д. Дешериев: «Сущность семасиологического принципа состоит в том, что каждое новое имя существительное включается в тот грамматический класс, к которому относятся имена существительные, близкие ему по значению, по родовой, видовой, типовой классификации» (1955, 72).

Следуя этому принципу, Б. Б. Талибов определяет для III и IV классов в цахурском языке характерные для них лексико-тематические группы существительных. Третий класс включает следующие лексико-тематические группы: 1) названия млекопитающих, птиц, насекомых и др.; 2) названия домашней утвари; 3) названия злаков, фруктов, овощей и других растений; 4) названия инструментов, орудий труда (за некоторыми исключениями); 5) названия частей и органов тела; 6) названия продуктов питания и блюд; 7) названия планет и светил. В свою очередь четвертый класс объединяет имена, относящиеся к следующим лексико-тематическим группам: 1) названия животных и мифологических существ; 2) названия органов и частей тела; 3) названия домашней утвари; 4) названия металлов; 5) названия ягод; 6) названия продуктов животноводства (Талибов 1961, 217—218).

Как видим, при наблюдаемой диффузности в отдельных лексико-тематических группах (части тела, домашняя утварь) имеются такие группы существительных, которые определенно соотносятся с тем или иным именным классом. Это, как мы полагаем, не случайно.

Вопреки мнению представителей контенсивной типологии, в чьих работах признаки активного строя усматриваются лишь в виде реликтов, в статье А. И. Курбанова и Г. П. Мельникова (1964) признак активности (пассивности) считается ведущим уже для современной системы лексических классов цахурского языка. Авторы предложили следующую схему классификации лексических классов:

	Разумность	Активность
I класс	+	+
II класс	+	−
III класс	−	+
IV класс	−	−

По нашему мнению, данная схема слишком абстрактна, чтобы из нее можно было вывести какие-либо конкретные следствия. Более того, она никоим образом не может объяснить, как получается, что слова с близкой или тождественной семантикой в одном и том же языке имеют различную классную принадлежность. Все же можно считать, что данная схема в какой-то мере отражает реальное положение. Дело в том, что процесс редукции четырехклассной системы происходит в различных языках неодинаковым путем. Если в табасаранском утратился признак «активность / пассивность», а ведущим стал признак «разумности / неразумности», то в крызском и будухском языках наблюдается тенденция к слиянию в одну группу I и IV классов и в другую группу II и III классов. Эта тенденция находит обоснование в законе нейтрализации наиболее контрастных членов оппозиции, какими являются, с одной стороны, I (+ +) и IV (− −) классы, и, с другой стороны, II (+ −) и III (− +) классы.

Рассматривая многообразие классных экспонентов, представленных в современных лезгинских языках, О. И. Кахадзе приходит к следующему выводу: «Эти лингвистические серии классных показателей, выявленные в лезгинских языках, являются результатом тех фонетических изменений, которые в определенных условиях проявляются в формантах грамматического класса и, с другой стороны, той тенденции, которая выражается в обобщении-унификации классных показателей (IV, III, II) и форм грамматического класса и что в конце концов приводит нас в этих языках, наряду с другими изменениями, к обособлению категории грамматического класса» (1984, 150).

Попытку вскрыть проблему распределения имен на III и IV классы несколько иным путем, а именно с помощью комбинации

признаков разного характера, осуществил в исследовании лекси-ки арчинского языка Д. С. Самедов (1975, 19—21). По его мнению, в оппозиции неодушевленных имен играют роль следующие признаки: 1. производность (названия детенышей, семантически производные от названий взрослых животных, в отличие от последних, входят в IV кл., ср. *хоьн* «корова» — III кл., *биш* «теленок» — IV кл. и т. п.); 2. признак величины (ср. *чIут* «большой кувшин» — III кл., *чIут* «маленький кувшин» — IV кл.); 3. семантическая аналогия (поскольку *тIекьон* «игла» попадает в III кл., то туда же относится и *ишприц* «шприц». Как видим, данный критерий действует только на заимствуемом материале); 4. характер значения (к IV классу относятся абстрактные имена типа *мукул* «красота», *ккьигътIи* «крик», *асмул* «взвешивание» и т. п.).

Не менее важной, по материалам Д. С. Самедова, является связь классной принадлежности слова с его фонетическим оформлением: большинство слов, начинающихся с *б-* или *м-*, попадают в арчинском языке в III класс, показателем которого является *б-*. Это же утверждается о словах с исходом на *-м* и *-у*.

Последний вывод может играть решающую роль при оценке гипотезы окаменелых классных показателей в составе именной основы. Эта гипотеза, подвергнутая недавно острой критике (см. Алексеев 1985, 60—62), содержит, как полагают, ряд существенных недостатков. Во-первых, начальные элементы некоторых имен, считающиеся окаменелыми классными показателями, соответствуют друг другу фонетически, т. е. могут считаться частью корня; во-вторых, большинству такого рода элементов нельзя приписать никакой семантической нагрузки: редкие исключения составляют, с одной стороны, термины родства, например, лезг. *руш*, таб. *риш*, агул. *руш*, рут. *рыш*, цах. *йыш*, крыз. *риш*, буд. *риж*, арч. *дош-дур* «девочка, дочь», где наличие в основе окаменелого показателя II класса *р-* увязывалось с отглагольным происхождением основы (Иллич-Свитыч 1965, 335; Талибов 1969, 83); в-третьих, наличие определенной корреляции между анлаутом имени и его классной принадлежностью может быть объяснена тенденцией включения имени в тот класс, экспонентом которого является звук, наиболее близкий к начальному звуку данного слова. Не лишне будет указать также на критику концепции окаменелых классных показателей на материале числительных в статье К. Ш. Микаилова (1969, 145).

В дагестановедении отмечен еще один тип классного показателя, функционирующего в составе именных слов, — экспоненты, указывающие на принадлежность, ср. дарг. *в-яхI* «лицо (мужчины)», *р-яхI* «лицо (женщины)», *б-яхI* «морда (животного)». Считается, что подобные имена являются довольно глубоким ар-

хаизмом (см., например, Климов 1971, 75; Хайдаков 1980, 220). В то же время попытки выявить показатели такого рода, хотя и в окаменелом виде, в лезг. *ру-фун* «живот», *ре-гъуь* «вымя» и нек. др. (Алексеев 1985, 62) представляются пока как предварительные гипотезы. Как мы полагаем, поиски в этом направлении следует продолжать, поскольку архаичность данного явления подкрепляется еще и топологически: имена, обозначающие части тела, с классным показателем в притяжательной функции трактуются в том аспекте «как пережиток широкого класса имен неотчуждаемой принадлежности, включающей предположительно не только названия частей тела человека и животного, но и некоторые термины родства, а также названия объектов и понятий, тесно связанных с человеком» (Климов, Алексеев 1980, 278).

Итак, общелезгинское состояние характеризовалось противопоставлением четырех именных классов: класса названий мужчин, класса названий женщин, класса названий животных и некоторых неодушевленных предметов и класса неодушевленных предметов и явлений. В работе М. Е. Алексеева (1985, 127—130) был предложен список лексем, входивших, по его мнению, в III или в IV классы. Анализируя этот список, автор пришел к выводу, что в третий класс включались помимо названий животных слова, обозначающие растения, небесные тела, некоторые названия частей тела и др. В четвертый класс входили названия веществ, отрезков времени, имена абстрактного содержания, названия строений, их частей, предметов домашнего обихода и инструментов, названия некоторых частей тела и др. Легко видеть, что и в этой системе не все мотивировано: названия частей тела, например, распадаются на две группы в зависимости от классной принадлежности. Среди имен III класса встречаем названия груди, бороды, глаза, уха, языка, носа, бока, колена, сухожилия; в IV классе — «зуб», «рот», «лопатка», «сердце», «поясница», «рука». Похоже, что первая группа — это имена, начинающиеся или кончающиеся на *-м* или *-б*, в то время как во вторую входят все другие существительные данной лексико-семантической группы. Это, в свою очередь, означает, что семантика имени в данном случае не играет роли. Для слов прочих лексико-семантических групп фонетический принцип также имеет определенное значение, хотя здесь он не столь ярко выражен.

Выяснив таким образом, какова была исходная система именных классов в общелезгинском языке-основе, мы можем теперь более наглядно представить, какими путями шло ее развитие в отдельных лезгинских языках и каким образом оно отражалось на лексической системе языка в целом.

В целом общая тенденция в изменении категории именных

классов в лезгинских языках может быть определена как постепенная нейтрализация классных противопоставлений. Как отмечают У. А. Мейланова и Б. Б. Талибов (1977, 45), «на современном этапе развития лезгинских языков в классных языках идет заметный процесс разрушения этой системы... Тенденция ослабления с последующей деградацией категории грамматических классов в языке вполне естественна, так как развитие отвлеченного мышления и последующего языкового абстрагирования, как справедливо отмечается в специальной литературе, ведет к постепенному исчезновению конкретных грамматических категорий, в частности, и категории грамматических классов».

Соглашаясь с предложенной интерпретацией, мы должны отметить, что не во всех языках затухание данной категории идет столь стремительно. Показательно в этом отношении следующее высказывание О. И. Кахадзе: «В арчинском засвидетельствовано 13 серий классных показателей. В отличие от других лезгинских языков для них характерно то, что здесь встречается совпадение различных форм класса и классных показателей, можно сказать, только в фонетическом потоке и еще не проявилась тенденция к унификации форм грамматического класса и классных показателей (1984, 148). При этом нельзя забывать сильного влияния языков с иной грамматической структурой: в этом, например, можно видеть причину исчезновения классов в удинском языке и тенденцию к их нейтрализации в крызском и будухском языках. В то же время рутульская, цахурская и арчинская системы в настоящее время довольно стабильны и не проявляют подобных тенденций.

Иноязычное влияние на классную систему языка проявляется прежде всего в том, что в языковую структуру проникает большое количество заимствованных имен, которые должны быть тем или иным образом расклассифицированы. В то же время языковое сознание не успевает обработать такое количество вновь вводимого в языковую действительность материала, в результате чего либо появляются диалектные колебания в классной соотнесенности того или иного имени, либо новейшие заимствования вообще оказываются вне классной оппозиции, см. об этом Асланов 1977. Все же мы склонны считать подобные факты не столько свидетельством разрушения классной системы, сколько отражением неосвоенности новых заимствований.

2. Словообразование лезгинских языков в историческом аспекте

Общность словарного состава лезгинских языков дает знать о себе и в сфере словообразования.

В синхронном аспекте система словообразования лезгинских языков не раз становилась предметом специального изучения. Среди работ по словообразованию в лезгинском языке особо следует остановиться на монографии Р. И. Гайдарова по лексике лезгинского языка (1966), в которой дана синхронная характеристика следующих суффиксов: *-а, -ай, -аг, -ак/ -ек/ -ик, -акь/ -(е)кь, -акI, -укI, -ел/ -ил/ -ул, -ан, -ен, -ац/ -ец/ -уц/ -уьц, -ацI/ -анцI/ -ицI/ -уцI/ -унцI/ -цI.*

Образование различных частей речи в табасаранском языке рассматривалось в нашей работе (1981). Так, среди именных суффиксов в этой работе выделены: *-ал, -ин, -вал, -шин, -бях, -бякь, -аьх (-ях), -рюх, -ац, -яц), -накъ, -акъ, -жви, -чи, -бан, -хъан.*

Деривация в агульском языке до сих пор не была объектом специального исследования. Так, у Л. А. Магометова (1970) мы находим сравнительно небольшой раздел, посвященный именному словообразованию, где выделены следующие суффиксы: *-вал/ -вел, -хъан, -чи, -кар, -ач, -ехв, -ликI, -т, -шуй.*

В определенной степени изучено и словообразование других лезгинских языков — рутульского (см. Ибрагимов 1978); арчинского (Кибрик и др. 1977, т. I, 90—114), удинского (Гукасян 1974, 262) и др. Однако уже из приведенного материала очевидно, что словообразовательные средства лезгинских языков весьма различны по своим истокам. Довольно значительную группу составляют общелезгинские деривативные аффиксы. Обзор этих аффиксов дан в книге М. Е. Алексеева (1985, 108 и сл.). В частности, им выделяются и суффиксы существительного:

*-*л,* ср. лезг. *тIвал,* агул. *итIул,* рут. *йитIал,* «узел» лезг. *илитIиз,* таб. *йитIуз,* агул. *итIас,* рут. *сибтIас,* цах. *итIалас,* арч. *этIмус,* крыз. *йутIлидж,* буд. *вoлтIу* «связывать» и др.

В современных лезгинских языках рефлексы данного суффикса являются непродуктивными и выделются, как правило, с помощью специального анализа.

В лезгинском языке, по данным Р. И. Гайдарова (1966, 45—46), суффикс -л выделяется в словах кIватIал «группа, собрание, сборник», хъукъвал «пряник домашнего приготовления», кутIал «связка, гроздь», кукIвал «заплата, латка», къекъвел «извилина реки, дороги», эчIел «прополка», квал «зуд, зудение», къвал «атмосферные осадки», звал «кипение», образующих имена существительные от глаголов.

В табасаранском языке суффикс -л (-ал) можно выделять в словах аьмгъял «нарыв» (аьбгъюб «опухать»), ахал «точило» (архуб «тереть»), уркал «крошка» (уркуб «крошить»), уршвал «ряд скошенной травы» (уршвуб «косить»), урчIвл-ар «стружки» (урчIвуб

«тесать»), гъIятIил «шнурок» (гъибтIуб «завязывать») и нек. др. Как видим, эти слова этимологизируются на собственно табасаранской почве и не имеют соответствий в родственных языках. То же можно сказать о рут. йагъ'ал «просьба», кIукIал «латка» (ср. лезг. кукIвал «кожаная заплата», таб. кукIал), гьацIал «знание», рахъ'вал «часть ткацкого станка», ух'ел «луг», чахъвал «чесотка», чIихел «грабли».

О данном суффиксе писал также Б. Б. Талибов, отмечавший общность образования лезгинского кьв-ал, агул. агъ-ал, рут. гьугъ-ал, арч. х-ел, удин. угъ-ала, хин. кьу-л-а «дождь», производных от соответствующего глагола, ср. лезг. къун, агул. угъас, таб. ургъуз, рут. лугъун, цах. гоьгъас, удин. агъала эсун, арч. ххеIл эхмус «дождить, падать» и др. (1969, 84).

Там же приводятся примеры членения лезг. эгъвел «окучивание», цвал «шов», ишал «плач», таб. бирхал «шов», ишал «плач», чIяргъял «щепка», тIуркIал «прыщ» и т. п.

* -р, ср. лезг. ахвар, буд. ахур «сон»<таб. ахуз, агул. ахас, рут. сахас, арч. абхас, крыз. ахридж, буд. архар, удин. бархи «горизонтальный».

Данный суффикс еще менее продуктивен. В современных лезгинских языках обнаруживаются единичные примеры его употребления. Возможное исключение составляет будухский масдар, имеющий -р у некоторых непереходных глаголов, ср. йихьар «быть», тIарахьар «бежать», сорглар «вариться», къарахьар «выпасть», «выскочить», гIацIар «узнавать», соргIар «жариться», йукIор «зуд», гIушхар, къашхар «идти (о дожде)», саргъар «мерзнуть», сартIаргIар «мчаться», гIуьшхор «приезжать», къурзар «встать», саркьар «умереть», саръар «сохнуть» и некоторые другие.

В арчинском языке суффикс -ор предлагают выделять в словах моцор «пастбище», кIокIор «мешочек из овчины» и мохор «грудинка» (Кибрик и др. 1977, т. I, с. 93), хотя здесь не видно ни производящей основы, ни значения суффикса.

* -н, ср. лезг. цпан, таб. изан, буд. йизан, рут. йидзан «вспашка, пахота»<лезг. цпаз, таб. урзуз, агул. узас, рут. ваъзас, цах. эзас, арч. бацас, крыз. визаьдж, будух. сузу «пахать».

Данный суффикс более продуктивен по сравнению с двумя предыдущими, и следы его обнаруживаются практически во всех современных лезгинских языках. Более того нет особых препятствий для возведения к данному суффиксу масдара на -н в лезгинском, рутульском и удинском языках, ср.:

лезг. авун «делать», атIун «резать», ккун «гореть», рахун «говорить», фин. «идти, ехать», хьун «быть, становиться», цIурун «таять», чIагун «замерзать» и т. д.;

рут. гьыъын «делать», йишин «быть», хъихин «отнести», гьургун «зарезать», хырхын «плести», вын «дать», йиркьын «приходить» и т. д.;

удин. айесун «уметь», арцесун «сидеть», баксун «быть, стать», бакъсун «поместиться», бесун «делать», бистIун «упасть», букъсун «хотеть, желать, мечтать, любить» и т. д.

К суффиксу *-н М. Е. Алексеев возводит и таб. -шин, сопоставляя последний с буд. -хьын (1985, 110). По его мнению, табасаранский суффикс можно считать образованным от глагола шуз «быть». На наш взгляд, этот суффикс является среднеперсидским заимствованием.

Переход суффикса -н из разряда словообразовательных в разряд словоизменительных был обусловлен, по-видимому, резким возрастанием его продуктивности в данных языках. В целом же суффикс -н, равно как -л и -р, был, как можно полагать, вытеснен суффиксом -вал, представленным практически во всех языках в довольно однообразном виде, ср. лезг. -вал, агул. -вал/вел, рут. -вал, цах. -валла/ -алла, крыз. -ваьл, буд. -увэл (см. Алексеев 1985, 110), образующие абстрактные имена существительные от различных частей речи. В лезгинском языке (Гайдаров 1966, 54—56) имена с суффиксом -вал образуются:

а) от качественных прилагательных (михьи-вал «чистота»<михьи «чистый»);

б) существительных (душман-вал «вражда, враждебность»< душман «враг, неприятель»);

в) наречий (фад-вал «преждевременность, быстрота»<фад «быстро, рано»);

г) глаголов (чир-вал «знание, эрудиция, знакомство»<чир причастие от глагола *чирхьун* «знать»);

д) числительного (сад-вал «единство»).

В табасаранском языке суффикс -вал, наряду с аффиксом -шин, образует «большое количество слов с отвлеченным значением почти от всех глаголов, прилагательных, существительных, а также некоторых наречий» (Загиров 1981, 80): инсан-вал «человечность», бай-вал «мальчишество», ярхла-вал «дальность, расстояние», лиху-вал «работа» и т. д.

То же значение суффикса -вал//-вел демонстрируют и следующие агульские примеры: идж-вел «доброта», яцI-вел «малость», финдигар-вал «хитрость» и т. п. (Магометов 1970, 88—89).

В некоторых диалектах рутульского языка суффикс осложнен объективным показателем и выступает в виде -валды, ср. хнюх.: инсан-валды «человечность», хных-валды «мальчишество», ъадхын-валды «высота», мыкь-валды «холод», ахмакь-валды «дурачество», пис-валды «злоба», шу-валды «братство», йых-валды «доброта» и т. д. Как видим, имена с отвлеченным значением образу-

ются при помощи суффикса -валды от существительных и прилагательных.

Исторически сложным является и цахурский суффикс -валла-алла, ср. чIералла «красноватость», чиIваI «сырость» (Талибов 1967, 596), разлагаемый на -(в)ал- и -ла<*на (адъективный суффикс).

В будухском языке в зависимости от исхода производящей основы на гласный или согласный употребляются варианты -тувэл/-нувэл и -увэл соответственно. Ср.: чIеби-тувэл «влажность, сырость», йихтан-увэл «дальность», кIеви-тувэл «грубость, твердость, жадность», ача-нувэл «низкий», лагIа-тувал «чернота», шид-увэл «братство», риж-увэл «девичество» и др.

Иногда включают в число рефлексов *-вал и арч. -ул в составе суффиксов -кул и -мул (Алексеев 1985, III), что, на наш взгляд, нуждается в дополнительном обосновании.

Почти во всех языках лезгинской группы выявляется суффикс -хъан, функция которого определяется как «образование новых слов, обозначающих людей по их профессии, роду занятий, по выполняемой ими работе» (Гайдаров 1966, 67), ср.: лезг. хпе-хъан «овцевод» (хеб «овца»), тIапIа-хъан «повар», гъуьрче-хъан «охотник» (гъуьрч «охота»), маргъу-хъан «косарь» (маргъ «неубранная полоса скошенной травы»); таб. рягъни-хъан «мельник» (рягъин «мельница», марччли-хъан «чабан» (марчч «овца»); агул. гъуьрчехъан «охотник», хеIппе-хъан «чабан»; рут. джада-хъан «кузнец» (джад «кузница»); дамы-хъан «лесник» (дам «лес»); сыва-хъан «горец» (сыв «гора»); х'аба-хъ'ан «пастух», рух'у-хъан «мельник», цах. йохIа-хъан «мельник».

Как показывают приведенные примеры, суффикс -хъан присоединился к косвенной основе исходного имени. Существенным представляется то обстоятельство, что названия людей «по их профессии» образуются от имен объектов их деятельности. Исходя из изложенного, представление об исконной модели образования существительных на -хъан мы должны рассматривать такие лезгинские слова (в фийском диалекте, см. Гайдаров, 1966, 68), как тана-хъан «телятник» (тана «теленок»), кIелер-хъан «пастух, ухаживающий за ягнятами» (кIелер «ягнята»), нехир-хъан «пастух крупного рогатого скота» (нехир «стадо») в качестве новообразований. Это же касается рут. нехир-хъан. Подтверждением тому служит тот факт, что лексема нехир «стадо» заимствована из персидского языка. Выпадает из данной модели и рут. гагыл-хъан «левша» (см. Ибрагимов 1978, 64), образованное от прилагательного.

Основываясь на возможности использования суффикса -хъан в лезгинском языке для обозначения неодушевленных предметов

(ср. перци-хъан «деревянная ручка, держатель», диал. чичӀе-хъан «вид ворсистого паласа», кьачӀа-хъан «отросток»), Алексеев указывает на вероятную членимость арч. хъ'ипи-х'ан «черный ворон», х'олош-хъан «звезда» (1985, 111). По нашему мнению, вторая версия, предложенная там же, возводящая вторую часть названных лексем соответственно к *хъ'ан «ворона» и *х'ан «звезда», более правомерна.

Сравнительный анализ показывает, что суффикс -хъан может быть возведен к более древним эпохам, поскольку он бытует не только в лезгинских языках, но и в аварском и других. Многие ученые (Жирков 1948, 87; Магометов 1965, 142 — 143; Гайдаров 1966, 69 — 70; 1969, 113 и др.) предлагают членить его на -хъ-суффикс местного падежа и -ан.

В ходе развития лезгинских языков суффикс -хъан был вытеснен заимствованными аффиксами -бан (перс.), -чи (тюрк.) и др., сохраняясь лишь в нескольких словах.

Ряд суффиксов (* -ай, * -а(н)кк, * -ккан) имеет очевидные параллели в неродственных языках: в частности, тюркских и иранских. Ср., например, среднеперсидские суффиксы -аг (зардаг «желток»<зард «желтый»), -(а) ган (граваган «залог», «вещи, находящиеся в залоге»<грав «залог») и т. п. (см. Основы 1981, 68—70). В силу этого возведение этих суффиксов в пралезгинское состояние некорректно. В то же время некоторые из перечисленных аффиксов имеют в отдельных лезгинских языках высокую степень продуктивности. Например, в рутульском языке весьма распространен суффикс -ай/-ый. Как пишет, Г. Х. Ибрагимов, «из исконных суффиксов самое широкое применение в мух. диалекте имеет -й (огласовка, как правило, обусловлена позицией)» (1978, 65). Оформленные им слова встречаются в самых разных сферах рутульской лексики:

а) названия животных, птиц и насекомых: укӀуй «пятнистый», белый «с меткой на лбу», кь'ырчӀелий «пегая», джемиший «крупная» и др. (клички животных); тӀакьтӀакьый «трясогузка», сарсарый «птицы», кӀиркӀирий «сойка», бегихъый «бокоплав», рабггаций «светлячок», чӀибкӀантӀий «жук»;

б) названия растений: гьешды пешелий «молочай», пархъентий «альпийский щавель», ганкь'улий «тургенне», мегьегьий «валериана», тутелий «дурман», тӀуджий «шалфей», хьадий «василек»;

в) названия предметов быта, одежды и кушаний: гыбытӀый «кувшин», дакӀуй «деревянная миска», тӀурчий «большая деревянная ложка», хухуй «корыто», чӀеверхий «грабли», шимшетий «маленькая деревянная миска», чӀачӀахый «папаха», тӀыркьый «вязаный чулок», адзукьуй «скисшее снятое молоко», гуллумпӀый «изделие из теста», гъудадий «хлеб в виде птицы», элидзий «хлеб

с яичницей», тӀур хабый «каша», хьарвахый «вид лепешки», хьурухуй «фартук»;

г) названия частей тела: маъалый «почка», тӀурх'уй «щиколотка», хвархваший «часть желудка», цӀиргьий «оспа», цӀумукӀуй «запястье», кьамчӀелий «коса (жен.)», тыбыхъый «сустав (ступни)», льагай «зоб», гугуй «макушка»;

д) термины родства и прочие: хиндадый «вдова, вдовец», цӀырхый «капризный ребенок», кь'ух'уй «близнец», бабай «бабушка»;

е) прочие существительные: х'адий «звезда», гургумый «костер», дандарый «верхняя часть дымохода», выкӀыркӀый «смерч» и др.

О продуктивности данного суффикса свидетельствует его использование и с заимствованными основами: чантый «сумка», чарный «деревянная кровать», чывалдузый «игла для мешковины», къузуй «теневой склон», сукуй «носок», гуьнуьй «солнечный склон». В то же время на заимствованный характер суффикса это не указывает, поскольку проникновение иноязычного суффикса в тот или иной язык начинается с освоения слов, имеющих данный суффикс в том языке, откуда он заимствуется. В данном случае этот признак отсутствует.

Это же, видимо, можно сказать о суффиксе -ган, имеющем параллели не только в персидском, но и в азербайджанском языке. Дело в том, что в лезгинском языке исконная функция данного суффикса — обозначать различные вместилища. Вместе с тем более или менее употребителен он только в лезгинском языке, поэтому можно предположить и его возникновение в собственно лезгинском языке, ср. разложение его Р. И. Гайдаровым на -г и -ан (1966, 60—61). По нашему мнению, -г- в данном форманте исконно служил показателем местного падежа серии «под» (совр. лезг. -к), т. е. вся форма имеет строение, аналогичное суффиксу -хъан. Мотивировка такого суффикса достаточно прозрачна: «то, что находится под...»

По отношению к суффиксу -аг (-аьнг, -енг) утверждение об иноязычном влиянии может быть подкреплено очевидными фактами заимствования. Так, Р. И. Гайдаров (1966, 43) приводил в качестве примера лезг. вардан-аг «ручной каменный или деревянный каток», указывая на то, что значение производящей основы затемнено. В современном персидском имеем wärdänэ «скалка», восходящее к среднеперсидскому образованию с суффиксом -аг.

К общелезгинским могут быть отнесены также экспрессивные суффиксы -к, -цӀ, -ч, -ш, тӀ, -чӀ, -къ и некоторые другие, хотя и в данном случае общность их происхождения подвергается сомнению, поскольку «в данном случае приходится говорить не о рефлексах пралезгинских лексем с тем или иным суффиксом, а об об-

разовании новых слов по общелезгинской модели» (Алексеев 1985, 112).

Материальное разнообразие вышеназванных суффиксов вызвано, на наш взгляд, высокой степенью их экспрессивности, поскольку они выражают различные пейоративные оттенки отношения к выражаемым этими суффиксами реалиям (презрение, пренебрежение и т. п.).

Если же говорить о материальной общности данных суффиксов, то можно заметить наличие таких рядов:

лезг. -ац (-ец, -уц, -уьц) ~ таб. -ац.

лезг. -ач (-еч, -ич, -уч, -уьч) ~ агул. -оч ~ арч. -ач ~ крыз. -аьч и некоторые другие.

Все эти суффиксы крайне непродуктивны. К непродуктивным суффиксам в лезгинских языках можно отнести, например, лезг. -ац (-ец, -уц, -уьц), таб. -ац, которые, по определению Р. И. Гайдарова (1966, 48), в своем употреблении «охватывают разнообразные группы слов, обозначающих предметы, людей, животных по свойственному для них внешнему признаку, черте или особенности», ср. лезг. галкIац «заика»; яргъец «долговязый», шуькIвец «тонкий», «жилистый», лапуц «лентяй, тяжелый на подъем человек» и др.; таб. гагвлац «левша», гукIнац «дрожащий, трусливый», бюркьяц «слепой», бугъуц «толстяк», дякьяц «хромой», гъилицнац «попрошайка», хъяхъяц «посатый» и т. п.

В сходном значении выступают таб. -ях/-х (ср. кIвантях «губастый», ишб-ях «плакса», шурш-ях «слюнтяй», гучIб-ях «трус», чIарбюх «волосатый», ниццрюх «вшивый» и т. п.) и агул. -ехв (ср. кучIлехв «лгун»). Лезг. -х, связанное, по нашему мнению, с вышеприведенными аффиксами генетически, имеет несколько иное значение: этот суффикс «образует от имен существительных новые имена существительные, обозначающие разновидности тех предметов или другие предметы, аналогичные им по форме или по какому-нибудь другому признаку» (Гайдаров 1966, 65).

Естественно, в языках лезгинской группы можно найти и более поздние суффиксы. Например, до уровня восточно-лезгинской общности может быть возведен суффикс -ви (лезг.)/-жви (таб.), образующий названия людей по месту жительства или наиональной принадлежности, ср. лезг. ахцегь-ви «ахтынец», таб. ярккуржви «лезгин». Хотя приведенные аффиксы и обладают генетическим единством, все же имеются некоторые основания, чтобы усомниться в правомерности возведения их к общевосточнолезгинскому состоянию. Дело в том, что они восходят к древней самостоятельной лексеме со значением «человек, мужчина», которая сохранилась в агульском языке и также может употребляться в целях обозначения лица по месту жительства, национальности и пр. А. А. Магометов так характеризует данное явление: «Для

обозначения лиц по происхождению из того или иного населенного пункта к названию населенного пункта присоединяется слово шуй «мужчина» (1970, 89). В целом суффиксов, обособляющих отдельные подгруппы лезгинских языков, сравнительно немного.

Некоторые суффиксы представляются специфичными только для одного языка. Например, в рутульском языке в слове тIилийды «наперсток» выделяют суфф. -й-ды (Ибрагимов 1978, 64). По-видимому, тот же суффикс следует вычленять в словах кьулады «полка для посуды» (кьул «доска»), гъилиды «обувь» (гъил «нога») и др. Как будто не имеет внешних соответствий и рут. -еъен, отмечаемое в словах хыл-еъен «рукавица» (хыл «рука»), гываъан «шерстяной носок» (?) и нек. др. Генезис этих суффиксов предстоит еще выяснить.

Из аффиксов прилагательного общелезгинским можно считать только -с(и), представленный следующими рефлексами: таб. -си, удин. -с и буд. -с. Он обнаруживается в очень немногочисленных примерах типа богIлу «большой» — богIлу-с «глава, руководитель», микIе — микIе-с-ти «маленький», гIари — гIари-с-ти «хороший» и нек. др.

Глагольное словообразование в языках лезгинской группы представлено в основном префиксами, которые первоначально имели пространственное значение. Постепенно эти глаголы утратили связь с первоначальным пространственным значением и лексикализовались. Таким образом, если в табасаранском языке соотнесение глагола с тем или иным пространственным ориентиром довольно прозрачно, ср. ил-итуз, ъ-итуз, хъ-итуз, гь-итуз, кк-итуз, гъ-итуз, к-итуз «посадить (с различными оттенками в пространственной ориентации)», то для выделения пространственного значения лезгинских превербов требуется специальный анализ (см. Талибов 1960а).

Интересно заметить, что отсутствие глагольных префиксов в арчинском и удинском ставит под сомнение их общелезгинский характер. Видимо, в данном случае стоит говорить об образованиях более позднего характера.

Общность словообразовательной системы языков лезгинской группы обусловлена не только единым источником их происхождения, но и тем, что на протяжении многих лет они контактировали с одними и теми же языками других семей: азербайджанским, персидским, арабским. Это, естественно, не могло не отразиться на наличии словообразовательных морфем и их структуре.

Из персидского в лезгинские заимствованы:

-бан, ср. лезг. нехир-бан «пастух» (нехир «стадо крупного рогатого скота»); рамаг-бан «табунщик» (рамаг «табун»); таб. кIарар-бан «пастух, ухаживающий за телятами» (кIарар мн. число

от кIари «теленок»); ччилар-бан «пастух, ухаживающий за ягнятами» (ччилар мн. число от ччил «ягненок»); рут. багъ-бан «садовник» и т. д.

Как видим, в восточнолезгинских языках данным суффиксом оформляются не только заимствования, но и образуются слова от исконных корней. По поводу рутульского суффикса, равно как и о некоторых других, Г. Х. Ибрагимов (1978, 66) писал следующее: «Большинство заимствованных суффиксов лишено словообразовательных функций. Они употребляются только в заимствованных словах и воспринимаются как цельные лексические единицы...»

Персидское происхождение имеет также суффикс -баз, ср. лезг. гьилле-баз «лентяй», уюн-баз «мошенник» (уюн «игра»), къумар-баз картежник» (къумар «карты»), келле-баз «тупица» (келле «голова»); таб. къумар-баз «картежник». Этим суффиксом оформлено также цах. гьаммаз/гьамбаз, буд. гьамбаз «друг», приводимое в коллективном труде по лексике дагестанских языков (Лексика 1971, 130).

К персидскому источнику возводятся также следующие суффиксы: -кар, см. лезг. фитне-кар «сплетник» (фитне «сплетня»), таб. гунагь-кар «грешник» (гунагь «грех»); агул. гьилла-кар «хитрец», тахсир-кар «виновник»; рут. тахсир-кар «виновник», зулум-кар «угнетатель»; цах. фитна-кар «клеветник»; буд. зийан-кар «вредитель», сенгIат-кар «ремесленник» и др.

-дар, см. лезг. амал-дар «хитрец» (амал «хитрость»), таб. мулки-дар «землевладелец» (мулк «земля»); рут. хабар-дар «вестник», гьамал-дар «хитрец»; буд. махIсул-дар «хлебопашец» и др.

Ряд суффиксов именной деривации, распространенных практически во всех лезгинских языках, заимствован из азербайджанского (впрочем, в большинстве случаев они налицо при основах тюркского же происхождения):

-чи, ср. лезг. женг-чи «борец за какое-либо дело» (женг «борьба»); къуллугъ-чи «служащий» (къуллугъ «служба, должность»); таб. далдаб-чи «барабанщик» (далдабу «барабан»); багъбан-чи «садовод» (багъ «сад»); агул. далдам-чи «барабанщик» (далдам «барабан»), чакма-чи «сапожник» (чакма «сапог»); рут. сырых-чи «вор», къалай-чи «лудильщик», чекма-чи «сапожник»; цах. къаравул-чи «караульщик»; къара-чи «цыган»; гIарабы-чи «аробщик», хъелей-чи «лудильщик»; крыз. фургъун-чи «фургонщик», колхоз-чи «колхозник»; буд. галла-чи «табунщик», пардагъ-чи «дубильщик»; уд. зарафат-чи «балагур, весельчак» и т. п.

-лух (-лугъ), ср. лезг. кул-лух «кустарник» (кул «куст»), там-лух «лесистая местность» (там «лес»); таб. баш-лугъ «башлык, капюшон» (баш «голова» — азерб.); дул-лугъ «жалованье, зарплата» (дул «время получения приплода ягнят»); агул. баш-

лугъ «башлык, капюшон»; буд. зинбил-лугъ «свалка, мусорная куча»; удин. йохуш-лугъ «возвышенное место», гъаргъаин-лугъ «храбрость, смелость, отвага, мужество» и др.

-лу, ср. лезг. жан-лу «крепкий, здоровый сильный», гьая-лу «стыдливый, скромный»; таб. асул-лу «благородный», кьимат-лу «дорогой»; рут. гудж-лу «сильный», джан-лы «здоровый, крупный»; буд. эшкъи-лу «вдохновенный», йикIлу «гневный, яростный» и т. п.

-суз, ср. лезг. жаза-суз «безнаказанный», лангъа-суз «скромный, негордый»; таб. чара-суз «неминуемый», гъайгъу-суз «беззаботный»; рут. рыхъ'-сыз «бесстыжий», чара-сыз «безысходный»; буд. чара-суз «необходимый, обязательный», кIалыб-суз «бесформенный», непI-суз (//непI-нутI) «бессонный» и др.

Степень освоенности заимствованных суффиксов в лезгинских языках различна. Наибольшая степень освоенности регистрируется там, где заимствованный суффикс может оформлять исконные основы. Однако даже при отсутствии такого рода образований можно говорить о морфологическом освоении слова. Дело в том, что в тюркских языках действует закон гармонии гласных, поэтому гласный суффикса уподобляется корневому. Во многих дагестанских языках такого уподобления не происходит, что свидетельствует о заимствовании слова не в готовом виде, а поморфемно, ср., например:

Азерб.	Удин.	
бел-луг	бол-лугъ	«обилие»
ага-лыг	агъа-лугъ	«господство»
пэрт-лик	паьрт-лугъ	«смущенность, растерянность»
эрик-лик	аьрик-лугъ	«абрикосовый сад» и т. д.

То же можно сказать о суффиксе -лу (-лы, -ли) и других. Между тем, даже при наличии гармонии в словах с рассматриваемыми суффиксами имеется возможность говорить об их освоенности. Ср.: «Суффикс -лы, хотя не засвидетельствован в словах исконной лексики, в мух. диалекте (также в языке и в сознании его носителей) утвердился как суффикс со словообразовательным значением: гудж-лу «сильный», «силач» (ср. гудж «сила»), вар-лы «богатый», «богач» (ср. вар «имущество», «состояние»)...» (Ибрагимов 1978, 66).

Выше мы кратко охарактеризовали роль в развитии лексического состава языков лезгинской группы именных суффиксов исконных и заимствованных. Из изложенного вытекает, что именное словообразование лезгинских языков имеет исключительно суффиксальный характер, а глагольное — префиксальный. Первона-

чальная функция превербов — пространственная ориентация действия — сохранилась лишь у глаголов движения или места расположения. Например, служебный глагол *а «есть», «имеется» в сочетании с превербами в восточнолезгинских языках образовывает:

лезг. ал-а, таб. а-л, агул. а-л «есть на чем-нибудь», «находиться на чем-нибудь»; лезг. ав-а, таб. а//а-в, агул. а «есть в чем-нибудь»; лезг. кв-а (<кка-в-а), таб. кк-а, агул. кк-а «есть под чем-нибудь»; лезг. ав-а (<*га-в-а), таб. гь-а (хь-а), агул. гь-а (ф-а) «есть у, около чего-нибудь», «находиться под чем-нибудь»;

таб. хъ-а, агул. хъ-а «есть за, позади чего-нибудь», «находиться за, позади чего-нибудь»; таб. к-а, агул. к-а «есть у, около чего-нибудь», «находиться у, около чего-нибудь»; таб. гъ-аь, агул. гъ-аь «есть, находиться между чем-нибудь» (Лексика 1971, 89). Исторические функции указанных превербов рассматриваются также в работах Магометова (1956, 1970), Талибова (1958, 1980а), Хидирова (1976), Топуриа (1983), Алексеева (1985) и других исследователей лезгинских языков.

В лезгинских языках нередки случаи образования новых лексем при помощи аффиксов множественности. При этом способе производства новых слов, рассматриваемом отдельными исследователями (Гайдаров 1966, 150) как обособление грамматических форм, аффиксы множественности являются не только средствами выражения категории числа, а активно выступают в качестве словообразующего средства.

Постепенная утрата отдельными элементами в составе словоформы их первоначальных морфологических функций, иными словами, опрощение — явление, достаточно распространенное во всех языках мира. Не удивительно, что в этот процесс зачастую оказываются втянутыми и числовые формы. На материале лезгинских языков анализ имен, являющихся результатом переосмысления форм множественного числа, впервые был проведен Е. Ф. Джейранишвили (1949, 229—239), рассмотревшим следующие удинские лексемы: бихаджух «бог», чубух «жена, женщина», улух «зубы», хъоIлоIх «брюки», бурух «гора», гъирух «пост» (рел.)», инух «ухо», элмух «душа, дух» и др. При анализе этих имен Е. Ф. Джейранишвили обращает внимание не только на формальную сторону — наличие элемента ух, выступающего как формант множественного числа в современном удинском языке, но и на содержательную, тем самым вскрывая механизм опрощения: так лексема бихаджух «бог»<«боги» могла служить отголоском прежнего политеизма, чубух «жена»<«жены» — полигамии и т. д.

На материале лезгинского языка анализ словообразующих функций аффиксов множественности был проведен У. А. Мейла-

новой (1985, 52—59). Применительно к другим языкам лезгинской группы исследования такого рода не проводились, хотя имеется несколько примеров вычленения окаменелых формантов множественного числа в составе отдельных лексем. В частности, предполагалось, что «конечные -иб, -еб агульской и табасаранской форм (таб. слиб, агул. сслеб «зуб». — В. З.) ныне являются непродуктивными формантами множественности» (Лексика 1971, 112).

Прежде чем приступить к непосредственному анализу лексики языков лезгинской группы, содержащей, на наш взгляд, окаменелые форманты множественного числа, сформулируем основные исходные моменты такого анализа.

1. Выделяемый формант должен соответствовать материально живым показателям множественного числа в том же или в родственных языках.

2. Должны обнаруживаться соответствующие семантические условия переосмысления формы множественного числа.

3. Форме, осложненной окаменелым суффиксом множественного числа, в одном языке, как правило, соответствует простая форма в родственном языке.

Использование первого критерия предполагает реконструкции общелезгинских показателей множественного числа. В связи с этим приведем соответствующий набор суффиксов, не останавливаясь подробно на процедуре реконструкции:

-ар: лезг. -ар/-ер, таб. -ар/-ер/-йир, агул. -ар/йир, рут. -ар/-аьр, цах. -ар, крыз. -ар/-аьр, буд. -эр (сюда же, возможно, относятся арч. -ор/-ур, крыз., буд. -ри, удин. -ур);

*-ым: рут. -м- (в-м-ар), ихр. -ым, крыз. -им, буд. -им, арч. -ом/-ум, удин. -м- (в-м-ух);

*-аб: рут. -аб- (в-аб-ыр), цах. -ап- (в-а̄п-ы), крыз. -би/иб (возможно, что суфф. *-пыр, ср. лезг. -бур, агул. -бур, -вур, рут. -быр, цах. -бы, арч. -бур, буд. -ибер/-рбер, разлагается на *-ап и *-ар > *-ыр) (Ср. Топуриа 1973, 254—268).

Хотя применение второго критерия во многих случаях оказывается индивидуальным, не сводимым к каким-либо стандартным схемам, все же в этом существенную помощь может оказать выявление той части именного словаря, которая уже по своей семантике предполагает преимущественное употребление множественного числа. Особый интерес в связи с этим, естественно, вызывают примеры такого рода, зафиксированные в словарях. Судя по материалам «Лезгинско-русского словаря» (Б. Талибов, М. Гаджиев 1966), имена, чаще других употребляющиеся в форме множественного числа, относятся к следующим лексико-семантическим группам:

а) названия мелких предметов, образующих однородную массу: твагъвар, шуьткъвелар «стружки», пӀухлухар «шварки», пӀи-

пIинар, тIарунар «сажа», палар «высевки, отруби», зурар «сухофрукты» и др.;

б) названия растений: кевер «каперсы», цIирицIар «смородина», иферар «тмин», цацар-куьлер «кустарник», гергер «овес» и др.;

в) названия предметов, имеющих сложное строение: ракьар «капкан» (ракь «железо»), чахмахар «затвор» (чахмах «огниво») и др.;

г) названия отрезков времени: мичIер «период новолуния», каникулар «каникулы» и др.;

д) названия парных предметов: дапIар «замок», дакIар «окно» (дакI «ниша»), кьветхверар «близнецы», пIуз (ар) «губа» и др.;

е) названия болезней: цIегьер «оспа», ярар «корь» (<яр «заря», «зарево»<«красное», ср. яру «красный»), тумавар «насморк».

Заметим, что в словах группы (в), как правило, происходит обособление форм множественного числа от исходной формы, что дает основание квалифицировать их в качестве pluralia tantum, ср. арч. сот-ор «бусы» при сот «бусинка», дахъI-мул «приспособление для расчесывания шерсти» при даIхъ «гребешок», сарум «кладбище» при сар «могила», иIх-мул «игра» при иIх «шутка» (Кибрик и др. 1977, т. 2, 51).

Последний критерий является вспомогательным, так как соответствия в других языках, с одной стороны, могут и не обнаружиться и, с другой стороны, также иметь сложную морфологическую структуру.

Учитывая выделенные выше семантические группы, приведем ряд примеров, в которых вычленяется тот или иной окаменелый формант множественного числа:

лезг. пур-ар, ахт. пр-ар, таб. пирп-йир (дюб. пирпи), агул. пIур-ар (бурш., фит. пур-ар), рут. папыр, пыIпыIр (шин. папралок) «седло»;

арч. куп-ар «сухой навоз и солома» при лезг. купI, таб. купI, агул. куб. рут. кыб ил. купI «кизяк»;

цах. кыIыды-м «зима» при лезг. кьуьд, таб. кьуIрд, агул. кьIурд, рут. кьIыд, арч. кьIот «зимой», крыз. кьуд., буд. кьаджравдж пл. кьIорта «зимой»;

арч. цIам-мул «щиколотка» при лезг. цIум, рут. цIум, цах. цIом «кость» (берцовая)»;

удин. ел-мух «дух, душа» при лезг. йал (х. ил), таб. ел, агул. (бурш.) ел, рут., ил, цах. (миш.) ева, арч. гьил, крыз. гIал, буд. гIал «дыхание, запах»;

таб. урти-м «папоротник, мох» при арч. гьоти «трава»<гьIорт.

В аналогичной функции могут выступать и классные морфемы. На использование классных морфем в данной функции в арчинском языке указывает, например, С. М. Хайдаков (1980, 126), ср.:

шекертту «двоюродный брат» — шекертту-р «двоюродная сестра», мацIатту «жених» — мацIатту-р «невеста», чахутту «сосед» — чахатту-р «соседка», аршитту «арчинец» — аршитту-р «арчинка» и т. п.

Примеры аналогичного свойства можно обнаружить и в табасаранском языке. Как отмечал А. А. Магометов (1965, 143—144), большинство названий профессий образуется в табасаранском языке описательно, т. е. посредством причастий от соответствующих глаголов, ср.: лихрур «рабочий» от лихуз «работать», урхрур «ткачиха» от урхуз «ткать» и т. п. Важно отметить при этом, что показателем перехода причастия в разряд субстантивов является здесь аффиксация показателя класса человека -р, т. е. и в данном случае классный показатель выполняет сугубо словообразовательную функцию.

Закономерно в связи с этим поставить вопрос, не имеется ли у суффикса -р словообразовательного коррелята в виде показателя класса вещей -б. На наш взгляд, на этот вопрос можно ответить положительно, ср., например, ипIру-б «еда, съестное», убхру-б «питье» и т. п. Хотя, как мы видим, между показателями -р и -б существует оппозиция с точки зрения принадлежности оформляемого имени к классу вещей или к классу людей, все же нельзя не усмотреть в этом факте возможности переосмысления этих показателей соответственно в субъектный и объектный.

Помимо приведенных способов словообразования в языках лезгинской группы распространены и другие виды: словосложение, редупликация, калькирование и др. Однако уже из приведенного обзора становится очевидной важность этих способов пополнения словарного состава языков лезгинской группы.

3. Типы семантических отношений в словаре лезгинских языков

Полисемия и омонимия

Многозначность, или полисемия, т. е. выражение в одном слове нескольких значений, связанных с обозначением разных сторон одного и того же явления (процесса) или разных явлений и процессов окружающей действительности, является одним из универсальных свойств лексики. Она вырастает в уже имеющихся лексических единицах. При этом расширяются функции слова или же переосмысливается его семантика, появляются помимо основных добавочные значения, то есть происходит своеобразное расширение значения слова, которое в конечном счете превращает его из однозначной в многозначную словарную единицу.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает особая важность

полисемии для исторической лексикологии, изучающей развитие словарного состава и пути его пополнения. Специфика проявления полисемии в языке позволяет изучать это явление как в пределах одного языка («внутренняя реконструкция»), так и на основе сопоставления данных родственных языков («сравнительная реконструкция») (синхронное изучение многозначности слова и омонимии в лезгинском языке см. Османова 1962; 1963; Гайдаров 1977, 31—50; в табасаранском Загиров 1981, 76—85).

Методика внутренней реконструкции может быть продемонстрирована на примере табасаранской лексемы кIул «голова», которая, вступая в связи с различными словами, приобретает различные оттенки в семантике:

1) голова — часть тела человека и животного (Адашдин кIул алдапIнайи «Голова отца была побрита»);

2) голова — единица счета одушевленных существ (Дугъан йицIур кIул хизан вуйи «Его семья состояла из десяти человек»);

3) ум, рассудок (Думу кIул али инсан ву «Он человек с головой»);

4) глава, руководитель (Дестейин кIул машгьур вуйи революционер ву «Руководитель демонстрации — известный революционер»);

5) утолщенная оконечность (чего-л.), головка (Гулдин кIул'ан кьюдварж грамм гъафну «Головка лука весила двести грамм»);

6) вершина (Дагъдин кIулин йиф дабхъна «На вершине горы лежит снег»);

7) начало, край, сторона, конец (Думу тму кIулиъ а «Он находится на том конце»);

8) заглавие, заголовок, глава (Макьалайин кIул вардиз ашкар гъабши «Заголовок статьи стал известен всем»).

Легко видеть, что в основе всех перечисленных значений лежит значение «часть тела человека и животного», от которого с помощью различных мыслительных операций были произведены все остальные: во втором значении налицо обозначение целого по его части, в третьем и четвертом — перенос по функции, остальные значения — результат переноса по сходству. Вместе с тем подобный анализ не дает еще ответа на вопрос, на каком этапе развития языка сформировались производные значения. Более того, не исключено и то, что слово уже изначально выступало как многозначное, обозначая целый ряд близких друг другу явлений, предметов, понятий и т. п. Разрешить подобные проблемы по крайней мере частично помогает методика сравнительной реконструкции. Рассмотрим, какие значения имеет слово «голова» в родственных лезгинских языках:

лезг. кьил 1) анат. «голова»; 2) перен. «ум, рассудок»; 3) го-

лова (как единица счета одушевленных существ); 4) глава, руководитель; 5) утолщенная оконечность (чего-либо), головка; 6) перен. вершина; 7) перен. крышка; 8) начало; край; сторона; конец; 9) заглавие, заголовок (см. Талибов, Гаджиев 1966, 203—204);

удин. бул 1) анат. «голова»; адамари бул «голова человека»; 2) перен. «ум, рассудок»; бул чIеркIсун «понимать, разобраться в чем-нибудь»; 3) единица счета одушевленных существ: хиб бул беле «три головы скота»; 4) ?; 5) утолщенная оконечность: са бул шикIлам «одна головка лука»; 6) вершина: буругъо бул «вершина горы»; 7) ?; 8) ?; 9)? (см. Гукасян 1974, 93—94);

буд. кьыл 1) анат. «голова»; 2) перен. ум, рассудок; 3) единица счета одушевленных; 4) глава, руководитель; 5) утолщенная оконечность, головка; 6) вершина, макушка; 7) крышка; 8) перен. начало, край...; 9) заглавие, заголовок (см. Мейланова 1984, 97).

В арчинском языке в значении «голова» выступают две лексемы — оIнт «голова женщины и животного», картIи «голова мужчины». Любопытно, что комплекс значений, характерный для наименования головы в других дагестанских языках, оказывается приобретенным названными арчинскими словами. Ср.: «Основные значения, представленные в аварском и лакском языках, в арчинском языке выражаются словом оIнт, а основа же Ḳаг-(Ḳаг-ti), видимо, является заимствованием, как и цахурское ḲаĪе (из азербайджанского). При этом в арчинском языке произошло перераспределение значений: значение мужской головы закрепилось за новой основой, а исконное оIнт оказалось более устойчивым, сохранив за собой все остальные значения, присущие, кстати, и другой паре рассматриваемых нами языков» (Самедов 1975, 171). Арчинско-русский словарь (Кибрик и др. 1977 сл., 290) фиксирует у слова оIнт, помимо основного, значения «глава, руководитель», также «вершина, верх». Значение «ум, рассудок» выражается лексемой картIи.

Из приведенного анализа можно сделать следующие выводы: лексема «голова» являлась многозначной в период общелезгинского единства (надо полагать, и в более ранние эпохи). В связи с этим значение «часть тела человека или животного» следует считать первичным не с точки зрения исторического развития, а в том смысле, что все остальные значения группируются вокруг него.

Конечно, можно выделить те значения, которые носят вторичный характер и с точки зрения исторического развития. Например, значение «заглавие, заголовок» явно сформировалось в результате появления книжного дела и, таким образом, может быть отнесено к новообразованиям. Новым следует считать также ис-

пользование данного слова в сочетании штун кӀул (таб.) «родник» букв. «водная голова», поскольку оно пришло на смену исконному названию, из лезгинских языков сохранившемуся только в будухском (вис).

Наличие сходных семантических моделей в языках, контактирующих с лезгинскими, может дать повод для объяснения подобного изоформизма иноязычным влиянием. Однако более правдоподобным нам кажется их возникновение в результате универсальных законов семантического развития. Ср.: «Поскольку метафора базируется на восприятии определенных сходств, естественно, что очевидные аналогии дают почву для возникновения одной и той же метафоры в разных языках: отсюда широкая распространенность таких выражений, как англ. foot of a hill «подножие горы» или leg of a table «ножка стола» (Ульманн 1970, 274—275).

Как универсалия рассматривается существование метафор антропоморфического типа, т. е. переносов названий человеческого тела и его частей, человеческих чувств на неодушевленные предметы. Данные лезгинских языков это хорошо подтверждают. Ср.:

лезг. вил 1) «глаз»; 2) «клетка оконной рамы»; 3) «пора, ноздревина»; 4) «ячея» (у сети); 5) «синяя пряжа» (Талибов, Гаджиев 1966, 75—76; последнее значение репрезентирует, на наш взгляд, самостоятельную лексему, связанную с прилагательным вили «голубой»); таб. ул 1) «глаз», 2) «клетка оконной рамы», 3) «камешек (кольца)», арч. лур 1) «глаз»; 2) «рама оконная»; 3) во мн. «очки» (Самедов 1975, 173—174); в Кибрик и др. 1977 сл., 275 дано только первое значение); удин. пул 1) «глаз»; 2) «источник»; 3) «отверстие, дыра»; 4) «чашка (весов)»; «отделение, выдвижной ящик (у буфета)» (Гукасян 1974, 189—190). Хотя приведенные значения укладываются в схемы метафорических переносов, отсутствие общих для приведенных форм моделей заставляет предполагать иноязычное влияние — аварского языка на арчинский и азербайджанского — на удинский (ср. азерб. булагын коьзу «источник» и т. п.);

лезг. сив 1) «рот»; 2) перен. «пост»; 3) перен. «отверстие, вход» (Талибов, Гаджиев 1966, 292—293); буд. сив 1) «рот»; 2) «отверстие»; 3) «перекладина (между стальными зубьями гребня для расчесывания шерсти)» (Мейланова 1984, 126); арч. ссоб 1) «рот»; 2) «край, конец»; 3) «берег» (в Кибрик и др. 1977 сл., 316 все значения представляются как омонимы вследствие различий в формообразовании). Думается, что за исключением религиозного термина, возникшего, как можно полагать, не ранее XI в., а также специального термина в будухском языке, все перечисленные значения могут быть и признаны исконными. Более того, уд. ошI «конец, предел» (с точки зрения формы ср. таб. ушв «рот») сохрани-

ло лишь вторичное значение, утратив предметную соотнесенность;

лезг. хал 1) «ветвь»; «рукав (одежды)»; 3) «приток»; 4) «один из парных предметов»; 5) «отрасль». В этой лексеме также не сохранилось первичное значение «рука», однако весь комплекс современных значений данного слова прямо указывает на его исконность. Это подтверждают и материалы других лезгинских языков, ср. арч. хол 1) «рука»; 2) «ветка», «ответвление»; таб. хил 1) «рука»; 2) «рукав» и т. п.

Таким образом, роль полисемии в развитии лексики лезгинских языков определяется, во-первых, возможностью сохранения в современных языках целого комплекса связанных друг с другом значений и, во-вторых, неоднородностью процессов утраты или приобщения словом различных значений.

Если для полисемии характерны универсальные тенденции, проявляющиеся во многих языках мира, то омонимия, как правило, предстает перед нами в виде уникальных фактов совпадения различных смыслов в одной формальной оболочке. Анализ путей возникновения омонимов приводит к установлению следующих возможностей:

1. Омонимы возникают в результате совпадения иноязычного заимствования с исконным словом, ср. лезг. рак «дверь» — рак (рус.) «рак (болезнь)», къав «крыша» — къав «трут» (азерб.), зул «осень» — зул (перс.) «полоса, полоска», мел «помочи» — мел (рус.) «мел», пудра «трижды» — пудра (рус.), зур «половина, часть» — зур (азерб.) «насилие»; таб. шар «дождевой червь» — шар (рус.) «шар», мас «цена» — мас (перс.) «простокваша», гьар «дерево» — гьар (перс.) «каждый, всякий», таб., агул. эл «дыхание» — эл (азерб.) «народ», агул. шир «женщина» — шир «краска» (азерб.); арч. пил «лук, чеснок» — пил (араб.) «слон»; хъол «лед» — хъол (тюрк.) «подпись»; буд. зар «корова» — зар (перс.) позолота», куч коса» — коч (азерб.) «вещи», мам «грудь (ж.)» — мам (азерб.) «воск»; хал «крыша» — хал (азерб.) «родинка», чок «ласка» — чок (азерб.) «деревянный молоток», тур «ложка» — тур «сеть» (азерб.); удин. мала «где» — мала «борона» (азерб.), ох «гребень» — ох «стрела», саз «невспаханное поле» — саз (азерб.) «саз», тай «ветка» — тай (азерб.) «ровесник», хала «вилы деревянные» — хала «тетя по матери» (азерб.), ход «дерево» — ход «ход, движение» (рус.) и др.

Қак видим, подавляющее большинство омонимов в языках лезгинской группы образуется при заимствовании из азербайджанского, персидского, русского и реже — арабского языка.

2. Омонимы возникают в результате заимствования совпадающих по звучанию лексем из разных источников, ср.: таб., буд. багъ «тесьма, лента» (перс.) — багъ «сад» (азерб.), таб. диван «суд» (перс.) — диван «диван» рус.), кулак «ветер» (азерб.) —

кулак «кулак» (полит.) (рус.), дар. «виселица» (перс.) — дар. «узкий, тесный» (азерб.), дад «крик о помощи» (перс.) — дад «вкус» (азерб.), удин. вахтI «время» (араб.) — вахтI «счастье» (перс.), удин. гьам «и, тоже» (перс.) — гьам «вкус» (араб.). Сложность выделения омонимов данной группы обусловлена трудностями в дифференциации арабско-персидско-тюркских заимствований.

3. Аналогичным образом можно квалифицировать слова с единым источником происхождения, считавшиеся омонимами и в языке, откуда они были заимствованы, ср. лезг. гуьрзе «гюрза (змея)» — гуьрзе «вареники, пельмени» (азерб.), агул. бурма «кучерявый» — бурма «резьба на гайке» (<азерб.), жан «милый, дорогой» — жан «тело», арч. хIисаб «решение» — хIисаб «счет» — хIисаб «арифметика» (< араб.), буд. басма «яма для обжигания угля» — басма «печать» (периодика), дабагъ (сиъи) «дубить» — дабагъ «ящур», дугма «пуговица» — дугма «завязь огурца», йай «лук (оружие)» — йай «лето» (азерб.), къаш «драгоценный камень» — къаш «бровь», лапа «ядро ореха» — лапа «волна» (< азерб.), чанахъ «маленькая деревянная чашка для еды» — чанахъ «тазобедренная кость» (< азерб.), таб. лишан «прицел, отметина» — лишан «обручение» (< азерб.), кагъаз «бумага» — кагъаз «письмо» (перс.); удин. маьзаь «закуска» — маьзаь «зрелище» (< азерб.), нахыш «узор» — нахыш «судьба, везение» (азерб. ср. нахышы кэтирмэк «иметь везение»), турадж «вид птицы» — турадж «сорт дыни» (азерб.) и т. д. В языке-источнике омонимы могут иметь при этом различное происхождение.

4. Иногда слова, различавшиеся в языке-источнике, при заимствовании дают омонимы: буд. пахыр «зависть» (<азерб. пахыл — пахыр «медная ржавчина» (< азерб. пахыр), чин «китаец» (<азерб. чин) — чин «серп» (<азерб. бичин «жатва»?); чул «поле, пустошь» (< азерб. чюл) — чул «попона» (< азерб. чул); таб. бурж «башня» (азерб. бурж<араб.) — бурж «долг» (азерб. борж, удин. ашугъ «музыкант» (азерб. ашыг) — ашугъ «влюбленный» (азерб. ашиг), удин. дава «лекарство» (араб. даваъ) — дава «война» (араб. дагIва), удин. лаваш «лаваш» (азерб. лаваш) — лаваш «кислая пастила» (азерб. лаваша); лезг. дере «овраг», ущелье» (перс. дар(р)э) — дере «тафта» (перс. дарайи).

5. Омонимы возникают как следствие различных словообразовательных процессов, ср.: лезг. вил «глаз» — вил «синяя пряжа» (< вили «синий»), яр «сердцевина древесины» — яр «заря, зарево» (< яру «красный»), къвал «бок» — къвал «дождь» (< къун «идти (об осадках), къаз «зеленая нитка» — къаз «всходы» (оба слова восходят к къацу «зеленый») — къаз «гусь»; арч. кьIиран «мусор» — кьIиран «подстилка для скота» (оба сло-

ва образованы от кьIир «внизу»); удин. букъун «живот» — букъун «пожелание» (<бухъсун «хотеть, желать»), ех «жатва» — ех «память» и др.

6. Омонимы возникают вследствие различных фонетических процессов:

лезг. лекь «орел» (ср. таб. люкь, агул. лиIкь, рут. лыIкь, арч. лиIкь) — лекь «печень» (ср. таб. ликI, агул. лекI, рут. лакь...), лезг. кIел «ягненок» (ср. таб. ччил, агул. ккел, рут. гаьл, цах. гев, арч. кьIал...) — кIел «учеба» (ср. рут. кьыла); таб. рягъ «мельница» (ср. лезг. регъв, агул. рагI, рут. руIх, цах. йоIхха...) — рягъ «гребень» (ср. лезг. регъ, агул. рагI, рут. раIгъ, цах. аIгъаI...); арч. бац «луна, месяц» (ср. лезг. варз, таб. ваз, агул. ваз, рут. ваз...) — бац «ягода рябины» (ср. лезг. марцц-ар «черемуха», агул. ус. мерзв «малина», рут. мея); буд. тур «имя» (ср. лезг. тIвар, таб. ччувур, агул. ттур, рут. дур, цах. до...) — тур «ложка» (ср. лезг. тIур, таб. муччвур, агул. ттур, рут. дур, крыз. тыр); буд. йиз «шерсть» (лезг. йис, цах. йыс, крыз. йис) — йыз «снег» (рут. йиз, цах. йыз, крыз. йиз, уд. иIжъ) и др.

Как видно из приведенных примеров, омонимичные лексемы претерпевают различные фонетические видоизменения. Иногда один подобный процесс может дать целый ряд омонимичных пар, ср. таб. дюб. гар (< гвар) «кувшин» — гар «скорлупа», хар (< хвар) «кобыла» — хар «горох» и т. д., где имеем делабиализацию исконных лабиализованных согласных.

Учет подобных процессов представляется важным, поскольку позволяет избежать «народноэтимологических» решений ряда проблем происхождения тех или иных слов.» Например, в крызском языке слово хIаьчI выражает «козленок» и «звезду». На первый взгляд, мы имеем дело с типичной омонимичной парой, если не принимать во внимание аналогичное явление в лакском языке: слово цIуку означает также «козу» и «звезду». Следовательно, это не омонимы, а развитие значения по каким-то отдаленно сходным признакам. Может быть этими признаками являются рога козы и ребра звезды» (Хайдаков 1973, 147). Вместе с тем на фонетическую природу этого явления указывает лезг. гъед «звезда» и гъецI «козленок».

Наличие аналогичных совпадений в родственных языках говорит не о семантической связи совпавших в одном выражении значений, а об аналогичных процессах, имевших место в истории родственных языков (ср. «имя» — «ложка», совпадающие не только в будухском, но также в агульском и рутульском языках).

7. Омонимия возникает в результате семантического расхождения лексико-семантических вариантов: рут. баьл «лоб» — баьл «скала», гыр «череп» — гыр «посуда», гьакь «боковой жир» —

гьакь «нерастаявший снег на склоне»: джар «сметана, сливки» — джар «лист (бумаги)» — джар «круг теста»; таб. ахал «круглый точильный камень» — ахал «жернов», цIа «огонь» — цIа «приступ малярии»; арч. арси «серебро» — арси «деньги», алъас «красть» — алъас «хоронить», гьархъ «крыша» — гьархъ «сметана»; мукьа «жаждать» — мукьа «скучать»; буд. видер «рис» — видер «корь»; лезг. ял «воздух» — ял «запах», кьуьл «нога, ступка» — кьуьл «пляс, пляска»; таб. чIал «язык, речь» — чIал «стих», ваз «месяц» (календ.) — ваз «луна, месяц», микI «ветер» — микI «ревматизм», ушв «рот» — ушв «пост (рел.)» .

Этот вид омонимии признается далеко не всеми исследователями. Дело в том, что наличие семантических связей между значениями омонимов позволяет ставить вопрос о наличии в подобных случаях обычной многозначности. Решающим фактором в решении данной проблемы следует признать языковое сознание говорящего.

8. Омонимия является следствием формообразования: рут. кид «корзина» — ки-д «причастие от ки «есть, находится», таб. гъюб «черепаха» — гъюб «идти (масд.), урхъ «калина» — урхъ «кипяти» (пов. накл.); агул. рукь «железо» — рукь «дойди» (пов. накл.). рух «речка» — рух «роди» (пов. накл.); арч. би «кровь» — би «острый»; сот «зуб» — сот «осенью»; лезг. кума «землянка» — кума «еще есть, остается» и др.

Этот вид омонимии, дающий не омонимы в полном смысле этого слова, а омоформы, как правило, не квалифицируется в качестве действительной омонимии. Тем не менее мы считаем, что и совпадения такого рода могут приводить к различным сдвигам в семантической структуре языков.

9. Омонимия возможна в результате образования нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения. Как правило, такое изменение грамматических функций происходит в следующих случаях:

а) субстантивация прилагательных, ср. лезг. чIулав «черный» — чIулав «головня (с/х)»; лезг. вагьши, таб. вягьши «дикий» — вагьши «хищник, зверь»; таб. жафа «трудный, тяжелый» — жафа «труд»; дагълу «горный, гористый» — дагълу «горец»; жигьил «молодой» — жигьил «молодой человек, юноша» — и т. п.;

б) употребление междометия в качестве звукоподражательного существительного, ср. лезг., таб. агь «ах!» — агь «проклятие, брань»; удин. фу «уф!» — фу «дутье» и т. п.

в) использование нарицательных имен в качестве собственных, ср. лезг. абас «двадцать коп.» — Абас (муж. имя), алим «ученый» — Алим (муж. имя), анар «гранат» — Анар (жен. имя),

бес «хватит» — Бес (жен. имя); таб. агъа «господин», хозяин» — Агъа (муж. имя), гюл «цветок» — Гюл (муж. имя), гъизил «золото» — Гъизил (жен. имя), гьава «воздух» — гьава «мотив» — Гьава (жен. имя) и др.

10. Омонимы возникают иногда вследствие использования для обозначения различных понятий одной и той же звукоподражательной основы, ср. лезг. гъаргъар «трещотка» — гъаргъар «горло»; таб. жигърigъ «катушка» — жигърigъ «инструмент для резки теста»; уд. цIицIик «цветок» — цIицIик «сосок».

Предложенная выше классификация не является закрытой. Дело в том, что практически во всех языках имеются примеры омонимов неустановленного пока происхождения, ср. лезг. гъед «звезда» — гъед «рыба», арч. кал «соска» — кал «земляника», удин. къач' «локоть» — къач' «боль», буд. цIипI «глиняная кружка» — цIипI «пядь».

Влияние омонимии на лексику лезгинских языков сказывается в нескольких аспектах: во-первых, в целях избежания омонимии возникают новые средства выражения совпадающих понятий, что приводит либо к синонимии, либо к утрате омонимичной основы; во-вторых, возможно сближение смыслов совпадающих слов, народная этимология; в-третьих, подобное сближение может отражаться и в грамматических признаках, которые у омонимов могут уподобляться; в-четвертых, возможны и процессы иного направления, приводящие к появлению у омонимов различных словоизменительных характеристик.

Синонимия и антонимия

Явление синонимии, в противоположность омонимии, представляющее собой единство значения при различии в средствах выражения, имеет неоднозначное толкование и в синхронных исследованиях. Дело в том, что признавая за синонимами право на семантическое различие (поскольку абсолютных синонимов нет), мы тем самым сталкиваемся с вопросом: каков должен быть диапазон таких семантических различий. С одной стороны, предполагают, что синонимы должны быть тождественны в значении, но различаться по стилистическим и т. п. признакам. С другой стороны, допускается наличие у синонимов различия в оттенках значений.

По нашему мнению, наиболее приемлемой для исторической лексикологии лезгинских языков может быть признана точка зрения, высказанная А. Г. Гюльмагомедовым (1982, 109), поддерживающим наличие у синонимов единой номинативной функции. Источники возникновения синонимов, что в первую очередь пред-

ставляет интерес для настоящего исследования, относятся как к внешним, так и внутренним.

Внешний фактор, т. е. заимствование синонимов предполагает наличие иноязычного влияния. С этой точки зрения в синонимических рядах лезгинских языков легко выделить заимствования азербайджанского, арабского, персидского и русского происхождения. Ср.:

а) синонимы, возникшие в результате совпадения азербайджанского заимствования с исконным словом: лезг. эхун — къатламишун «терпеть», элкъуьруьн — дуьнмишарун «превратить (во что-либо)», цуьк — гуьл «цветок», цIай — къиздирма «малярия», хъел — ажугъ «гнев» и т. д.; таб. мадай — уюгъ «чучело», учIвру — турши «кислый», батIур — кьар — палчугъ «грязь», кьаъ — турф «репа», меъли — ширин «сладкий»; буд. къечки — уйнами йихьэр «играть», хьаджрадж — йай «лето» и др.;

б) синонимы, возникшие в результате совпадения персидского заимствования с исконным словом: лезг. кьил — келле «голова», къуьр—чапрас «заяц», кIвалах—кар «дело», чар—кагъаз «письмо», чIал — гаф «слово»; таб. жвилли — хирда «мелкий», ричIикьулар — терезар «весы», ккунир — мегьрибан «любимый», дорогой», рабгру жакьв — бюлбюл «соловей»; буд. эб — джанавар «волк»;

в) синонимы, возникшие в результате совпадения арабского заимствования с исконным словом: лезг. кутугай — лайих «подходящий», къекъвераг — саил «нищий», чIал — шиир «стихотворение»; таб. сасби — бязи «некоторый», улхуб — сюгьбат «разговор, беседа»;

г) синонимы, возникшие в результате совпадения русского заимствования с исконным словом: таб. жил — пол «пол», шишал—мешок «мешок». Данная группа весьма малочисленна. Из приводимых в нашей работе (Загиров 1981, 91) синонимических рядов в трех налицо оказались не исконные слова, а заимствования (в т. ч. жир «резина», журум «штраф», тятIилар «каникулы»). Это происходит потому, что русский язык оказывает воздействие на лезгинские, в т. ч. на табасаранский прежде всего в сферах, отражающих культуру, политику, науку и т. п. Соответственно, довольно многочисленной оказывается следующая группа синонимов:

д) синонимы, возникшие в результате совпадения арабских и русских заимствований: лезг. таблигъат — агитация, гъалатI — ошибка, къанун — закон, тарих — история, синиф — класс, мухбир — корреспондент, меденият — культура, эдебият — литература, макъала — статья, декьикьа — минута, сиясат — политика, фяле — рабочий, гьикая — рассказ, инкъилаб — революция, мер-

кез — столица, муаллим — учитель, харж — расход, мектеб — школа, имтигьян — экзамен и т. п.; таб. журум — штраф, тятIилар — каникулы, нугъат — диалект, къанун — закон, имтигьян — экзамен, мертебе — этаж, меркез — столица, гьямам — баня и т. п.

Аналогичные примеры можно найти и для азербайджанско-русских и персидско-русских синонимических рядов. Довольно много синонимов, имеющих восточное происхождение, ср.: лезг. ягьанат (араб.) — рахшанд (перс.) «насмешка», халкь (араб.)— жемят (араб.) — махлукь (араб.) — эл (азерб.) «народ», тIалабун (араб.) — истемишун (азерб.) «требовать» и т. п.; таб. гуж (азерб.) — тIакьат (араб.) — кьувват (араб.) «сила», тембигь (перс.) — жаза (араб.) «наказание»; агул. уьмур (араб.) — йашамиш (азерб.) — дуланажах (азерб.) «жизнь» и др.

Таким образом, синонимы иноязычного происхождения в лезгинских языках обнаруживают следующие закономерности: во-первых, влияние восточных языков вызывает к жизни довольно большое количество арабско-персидско-азербайджанских синонимов с более или менее равноправными отношениями в синонимическом ряду. Среди таких заимствований имеются и целые синонимические ряды, заимствованные из одного языка, ср. таб. (<араб.) сюбгьян — тяспигь «четки», девлет — хазна «богатство», инсан — адми «человек»; агул. (<араб.) фикир — хиял «мысль», давлат — мал «богатство», аьзаб — азият — жафа «мука, мучение»; буд. гIарза — шикайет «жалоба» и т. д.

Иные семантические отношения наблюдаются в тех синонимических рядах, где участвуют русские заимствования. В них элементы восточного происхождения сдают свои позиции и функционируют, как правило, на правах архаизмов.

Существенные отличия в образовании синонимических рядов регистрируются в арчинском языке, испытывающем влияние лакского (в прошлом) и аварского языков, ср. кIункIум — чаг (<авар.) «котел», кьван — йахат (<лак) «ладонь», карбат — дук (<лак) «медь».

Нередко образование синонимов происходит за счет внутренних средств:

а) синонимия возникает в результате использования словообразовательных средств, так при таб. кьабир «старый» образование от яш «возраст, года, лета» с помощью суффикса -лу (яшлу) становится его синонимом. Надо сказать, что, как правило, производные, образуемые от синонимов, также являются синонимами. Ср. арч. дос — гьал — махду «друг» → дос-кул — гьалмах-кул «дружба».

А. Г. Гюльмагомедов (1982, 113) обратил также внимание на различия синонимов в плане образования производных слов. На примере синонимов ципицI и уьзуьм «виноград» он показывает, как «один из членов синонимического ряда становится производящей основой, хотя по частотности употребления в речи он и уступает своему «напарнику». Если говорить о приведенном А. Г. Гюльмагомедовым примере, следует указать, что производные уьзуьмлух «виноградник», уьзуьмчи «виноградарь» и уьзуьмчивал «виноградарство» относятся к лексике, связанной с виноградом как сельскохозяйственной культурой, объектом производства. Видимо, именно это обстоятельство явилось причиной, что исконное слово *ципицI*, обозначающее виноград как ягоду, объект питания, не участвует в образовании подобных слов.

б) синонимия возникает в результате бытования суффиксов с близким значением, ср. таб. аьхювал — аьхюшин «величина», лизивал — лизишин «белизна» и т. п. Более того, использование близких по семантике суффиксов и при разных по значению основах может привести к образованию синонимов, ср. арч. чорок (<чор «пойло для собак») — хеIрхеIч (<хеIрх «слизь», «слюна животных») «грязнуля, неряха» и т. п.;

в) синонимия возникает за счет использования слова в новых значениях, т. е. вследствие его многозначности. Например, синонимом таб. слова терефдар «сторонник, приверженец, последователь» является многозначное слово *рижв* с основным значением «хвост»;

г) синонимами могут стать также слова в результате утраты лексического противопоставления, ср. лезг. там — рук «лес». Для первого слова имеем параллели рут. дам, а также цах. дама «река». Последнее слово показывает на исходное значение «прибрежный лес». Для второй лексемы следует привлечь крыз. рук, а также таб. рук «куст»;

д) в сфере звукоподражательной лексики синонимы могут возникать в результате использования близких по звучанию фонетических комплексов, ср. арч. зиргъ.-бос — зварх-бос «звенеть», гьоIъ-бос-кьигъ-бос «кричать»;

е) в качестве синонима можно использовать фразеологическое выражение, ср. таб. *гъакIну* «умер» — *кечмиш гъахьну* «скончался» — рягьматдиз гъушну «отправился на тот свет» — улдубтIну «сдох» — рюгь гъибисну «испустил дух»; арч. ххеIнну — ихъ итIутту (букв. «дня не имеющий») «злой», кьIол — чIакьв — лекки (букв. «лопата — кость») «лопатка», моркьиI — лагьан нокьI (букв. «ребенка дом») «матка» и нек. др.

Последний пример показывает, что одной из причин образования синонимов является эвфемизация, т. е. употребление вместо

нежелательного, неприятного для говорящего или слушающего слова его эквивалента. Другой причиной появления синонимов может считаться стремление говорящего охарактеризовать то или иное понятие с другой стороны.

Изучение синонимии имеет немаловажное значение для исторической лексикологии, поскольку, как можно полагать, она дает нам сведения о переходных этапах в развитии лексики: использование двух или более единиц для выражения одного и того же значения не может считаться устойчивым и рано или поздно должно привести к вытеснению одного элемента другим. Отсюда напрашивается вывод: наличие таких рядов, как лезг. хъвехъ — таб. гарцІил — агул. кІумпІ — рут. дан, цах. дан — арч. эІх — крыз. кІутІун, буд. кІватІин «щека» является результатом такого состояния, при котором нынешние обозначения щеки выступали в качестве синонима исконного слова.

Антонимы в сравнительно-историческом плане довольно резко отличаются от синонимов и омонимов, поскольку их существование основано на логических принципах, в то время как синонимия и омонимия складываются в результате различных процессов, происходящих в том или ином языке. Отсюда следует, что антонимические отношения, т. е. отношения противоположности, существуют в языке постоянно, меняя только форму своего выражения. Соответственно сравнительно-историческое исследование антонимии должно строиться как реконструкция лексем, находившихся в антонимических отношениях, что мы попытаемся сделать ниже:

лезг. гьаьркьуь, таб. яркьу, агул. аркьеф, рут. акьуІрды, цах. акьыІн «широкий» — таб. ккуру, агул. иккеф, рут. гаьлды, цах. гьыІккен, буд. кытти «узкий, тонкий»;

лезг. йаргъи, таб. йархи, агул. йархеф, рут. хулаьхды, цах. хылин, арч. лаха «длинный» — таб. джикън, агул, жакъеф, рут. джикды, цах. джитІана «короткий»;

таб. акьюв, агул. йаркьвер, рут. йуІкьды, цах. йикьыІн, удин. биІгъи, буд. гьеркІи, крыз. гІакІ, арч. биІкьв «тяжелый» — лезг. кьезил, рут. сылды, агул. кІисалф, арч. ссала, крыз. силаь («маленький») «легкий»;

таб. аьхю, агул. хІаф, цах. хаІдын, арч. баІх («достаточный») «большой» — рут. кІыъды, цах. кІылин, буд. кІибе, арч. хІокІоттут «маленький»;

лезг. сур, таб. йирси, агул. йарсеф, цах. йиссейин, удин. биси «старый (о вещах»)» — лезг. цІийи, таб. цІийи, агул. цІайеф, рут. цІинды, цах. цІедын, крыз. цІийаь, удин. ини, арч. мацІа «новый»;

лезг. экьи, агул. йукъеф, рут. ихъвды, крыз. ухъвадж, буд. хъати, арч. тукь «густой» — лезг. жими, таб. шми, агул. шшумер, рут. хьымилды, цах. хьимаІн, арч. лълъаІмаІ «жидкий»;

лезг. лацу, таб. лизи, крыз. лаьзи, буд. лазу, арч. лацут («железо») «белый» — 1) таб. кIару, агул. кIареф, цах. кIарын; 2) рут. лыIхды, крыз. лаьхIаъ, буд. лагIа, арч. беIххеI «черный»;

лезг. кьуьзуь, агул. кьуIсеф, рут. кьаIсды, цах. кьаIссын, арч. кьаIс- («усталый»), крыз. кьусаьд, буд. кьусу «старый (о человеке») — рут. мукIды, цах. мекIвна, буд. микIе («немного») «молодой»;

лезг. эрчIи, таб. арчул, агул. хIарччлеф, рут. гьарчаьд, удин. ача, арч. арчIу «правый» — таб. гагул, агул. герглер, рут. гагланд, арч. хъоIкку «левый»;

лезг. кIеви, крыз. кIовы//кIову, буд. кIеви «твердый» — лезг. хъуьттуьл, таб. гъюдли, агул. гIадулф, рут. гъыIдылды, цах. къыIмнан, арч. хъаIнна, крыз. къадил «мягкий»;

лезг. ичIи, таб. ичIи, рут, йичIды, цах. гьачI-, крыз. гIачIи, буд. гьечIи, арч. ачIатту «пустой» — значение «полный» уже на общелезгинском уровне выражалось причастием глагола «наполнять(ся)».

Любопытно, что для некоторых понятий, имеющих достаточно очевидные общелезгинские средства выражения, реконструкция соответствующих антонимов фактически невозможна. Ср.:

таб. йархи («длинный»), рут. гьабхьид, цах. ахтын, арч. беху, крыз. гIатаь («длинный»), буд. гIапху (то же), уд. бохо (то же) «высокий» — ? «низкий»;

лезг. мичIи, таб. мучIу, агул. мучIеф, рут. мичIахъды, цах. мычIахын, крыз. мичIе, буд. мичIи, уд. маIиIн («черный») «темный»*? «светлый»;

таб. марцци, агул. маIрттеф, рут. мэтды, цах. маьттыIн, уд. мацци, арч. марцI «чистый»*? «грязный»;

лезг. мекьи, таб. мичIли, рут. мыкьды, цах. мыкIан, уд. ми («холод») «холодный»—*? «горячий»;

лезг. кылечI, таб. чIилли, агул. кIиллеф, рут. кьилды, цах. кIиваIн, крыз. кьыл, арч. кIала «тонкий», плоский»—? «толстый» (в настоящее время можно говорить только об арч. диIчатту, которое могло быть и заимствованием из лакского).

Нельзя в данном случае исключать и того, что антонимы к приведенным словам в общелезгинском состоянии отсутствовали. Впоследствии они были сформированы различными способами: заимствованием иноязычных лексем; словообразованием, изменением значений слов и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время нет каких-либо оснований разделять старое мнение об исторической замкнутости народов Дагестана, якобы изолированных от их соседей в силу природных и общественных условий их бытия. Контакты носителей лезгинских языков с некоторыми народами уходят своими корнями в глубокую древность.

Как известно, особое воздействие оказали на лексику лезгинских языков, как и в целом дагестанских, арабский, персидский и тюркские (в основном азербайджанский) языки. При этом, если для арабских заимствований характерна их принадлежность к абстрактной лексике, общественно-политической и религиозной терминологии, то тюркизмы и персизмы проникли практически во все сферы лексики лезгинских языков.

Процесс заимствования иранизмов проходил в течение нескольких веков, что затрудняет определение его хронологических рамок: еще в конце IV века н. э. Кавказская Албания была присоединена к Ирану. В связи с этим перед исследователями встает задача разграничения древнего, среднеперсидского слоя и более нового современного источника заимствований. Эта задача решается на основе ряда признаков, в частности, по наличию//отсутствию конечного -г. Показателем древности иранизмов могут служить также изменения, происходившие в самих лезгинских языках.

Персизмы лезгинских языков образуют следующие лексико-тематические группы: названия посуды, предметов быта, одежды, частей тела, людей, болезней, военные термины и др.

От персизмов, которые на основании фонетических и семантических критериев подразделяются на средне- и новоперсидские, обособляются не столь многочисленные заимствования из татского языка, обнаруживаемые в отдельных языках лезгинской группы.

Начало интенсивных дагестанско-тюркских контактов относят к X—XI векам, когда на территории Северного Азербайджана появились большие и компактные массы тюркских племен. В лексике лезгинских языков тюркизмы подразделяются на следующие лексико-тематические группы: посуда, домашняя утварь, одежда, растительный мир, животный мир, части тела, названия людей, военные термины и др.

Обнаруживаются следующие особенности тюркизмов: 1. Большой количественный состав; 2. Преобладание слов, обозначающих конкретные предметы; 3. Наличие большого количества глагольных основ; 4. Отсутствие стилистической обособленности; 5. Сохранение производными словами внутренней формы языка-источ-

ника; 6. Большая степень фонетической и лексико-грамматической освоенности; 7. Значительное семантическое разнообразие.

Арабизмы, представленные в языках лезгинской группы, также обнаруживают большое разнообразие в тематическом отношении. Среди них обозначения абстрактных понятий и терминологии ислама. Кроме того здесь выделяются: названия одежды, домашней утвари и отдельных предметов, названия людей, названия продуктов питания, строений и их частей, веществ и др.

Как показывает анализ материала лезгинских языков, иноязычная лексика подвергается здесь заметной фонетической и семантической адаптации: нетипичные для фонетической системы рассматриваемых языков звуки замещаются близкими по звучанию фоненами, устраняются нехарактерные комплексы согласных и др. В то же время массовое проникновение иноязычных слов в свою очередь сказывается и на структурных чертах представителей лезгинской группы.

Хотя в целом условия контактирования данных языков однотипны, для некоторых из них характерна своя специфика. Помимо уже упоминавшихся в нашей работе (Загиров 1987) особых контактов удинского языка с армянским, цахурского с грузинским, следует подчеркнуть особый статус географически изолированного от основного массива распространения лезгинских языков арчинского языка. По-видимому, на лезгинской языковой территории можно выделить и зоны даргинского влияния. Наконец, вполне правомерна и постановка вопроса о внутригрупповых контактах.

Развитие лексической системы языка охватывает весь комплекс взаимоотношений между лексическими единицами, поэтому вопросы системных отношений между ними, их отражения в результатах лексического развития языков лезгинской группы имеют немаловажное значение.

Понятие системного в лексике трактуется достаточно широко — от выделения лексико-тематических групп до классного распределения субстантивов. Эти и другие словообразующие факторы по-разному влияют на развитие лексики лезгинских языков, что делает необходимым их пристальное изучение.

Категория именного класса является одной из ведущих (особенно — в плане диахронии) категорий лезгинских языков, выдающей свои проекции на всю их морфологическую систему. При этом данная категория в сфере формальной морфологии проявляет себя как грамматическая категория согласуемых частей речи, а в лексической сфере— в качестве наиболее фундаментального признака категоризации именного словаря.

Признавая древний характер данной категории, мы так или

иначе должны признать и факт размытости границ между отдельными именными классами, поскольку исходные принципы системной организации именной лексики на протяжении столь длительного периода во многом утратили свою силу. Тем не менее сравнительное изучение именной классификации лезгинских языков однозначно приводит к исходной четырехклассной системе, ведущим принципом которой было противопоставление двух личных (мужского и женского) и двух неличных классов. Семантические основания противопоставления неличных классов затрагивают лишь оппозицию одушевленных, включаемых в III класс, и неодушевленных имен. Последние распределяются по III и IV классам без сколько-нибудь четких правил распределения, хотя удается сформулировать тенденцию уподобления классного показателя и начального согласного элемента имени. В целом совершенно очевидно, что категория класса в лезгинских языках постепенно деградирует (ср. ее утрату в лезгинском, агульском и удинском).

Заметную системообразующую роль в лексике лезгинских языков играют деривационные средства, являясь как бы маркерами различных лексико-семантических групп слов. В рассматриваемых языках при исключительном распространении в именном словообразовании суффиксации, глагольная лексика пополняется за счет префиксальных образований; именные деривационные суффиксы неоднородны как по своему происхождению, так и по своей продуктивности; из общелезгинских именных суффиксов наиболее продуктивен суффикс -вал, представленный практически во всех языках в довольно однообразном виде (ср. лезг. -вал, таб. -вал, агул. -вал//вел, рут. -вал//-валды, цах. -валла//-алла, крыз. -ваьл, буд. -увал); общелезгинское происхождение обнаруживают также суффиксы -хъан, -(а)н, -(а)р и др.; ряд суффиксов (лезг. -ви, таб. -жви и нек. др.) прослеживается только на восточнолезгинском уровне; непродуктивными являются суффиксы -л (-ал), -(а)р, -(а)н, -к, -цI, -ац, -ач и др. Общность словообразовательной системы лезгинских языков обусловлена в значительной степени и единым заимствованным фондом именных деривационных суффиксов, ср.: суф. -бан (рут. багъ-бан «садовник»), -баз (буд. гъам-баз «друг»), -кар (агул. гьилла-кар «хитрец»), -дар (таб. мулки-дар «землевладелец») (перс.), -чи (лезг. женг-чи «борец за какое-либо дело»), -лух (-лугъ) (таб. баш-лугъ «башлык, капюшон») и др.

Пополнение лексического состава лезгинских языков может осуществляться также путем лексикализации различных грамматических форм: классных, числовых, падежных и т. п.

Изменения в лексике в целом во многом взаимосвязаны с изменениями, характеризующими такие явления, как полисемия и

омонимия, синонимия и антонимия. Роль полисемии в развитии лексики лезгинских языков определяется, во-первых, возможностью сохранения в современных языках целого комплекса связанных друг с другом значений и, во-вторых, неоднородностью процессов утраты или приобщения словом различных значений. Анализ путей возникновения омонимов приводит к установлению следующих основных возможностей: 1. Омонимы возникают в результате совпадения иноязычного слова с исконным и заимствования совпадающих по звучанию лексем из одного и того же или разных языков; 2. Омонимы возникают как следствие различных словообразовательных процессов и являются следствием формообразования; 3. Омонимы возникают в результате нейтрализации фонетических оппозиций, имевшихся в языке-источнике; 4. Омонимы возникают в результате семантического расхождения лексико-семантических вариантов, а также образования нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения и др.

Сходные пути образования обнаруживаются при исследовании синонимов. Так, в синонимические отношения вступают слова исконные и заимствованные. Синонимы могут являться также следствием различных словообразовательных процессов: использование одного и того же суффикса при синонимических основах, использование синонимических суффиксов и возникновение за счет использования слова в новых значениях, в результате утраты лексического противопоставления и т. п.

В отличие от синонимов, антонимы имеют логическую природу и функционируют в языке постоянно, меняя лишь форму выражения. В силу этого особый интерес представляет реконструкция антонимических отношений на общелезгинском хронологическом уровне (в частности, таких оппозиций, как «широкий» — «узкий», «длинный» — «короткий», «тяжелый» — «легкий», «большой» — «маленький» и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология, 1984. — М., 1986.

Абдуллаев И. Х. Словообразование табасаранских названий аулов // Ономастика Кавказа. — Махачкала, 1976.

Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — нач. XX вв. — М., 1978.

Агаларов М. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // ДЭС. Выпуск I, — Махачкала, 1974.

Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Тюркизмы в аварском языке XVIII в. // ТДЯК. — Махачкала, 1982.

Акиев А. Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков. — Махачкала, 1977.

Алексеев М. Е. Нахско-дагестанские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. — М., 1981; Он же. К вопросу о классификации лезгинских языков // ВЯ.—М., 1984, № 5; Он же. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. — М., 1985.

Асланов А. М. Из истории изучения цахурского языка // УЗАзУ. Серия языка и лит-ры. — Баку, 1964, № 5; Он же. Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — Баку, 1965; Он же. О цахурских иранизмах // МПРНС. — Орджоникидзе, 1977а; Он же. Функционирование тюркских глаголов на mis в лезгинских языках // ЕИКЯ. — Тбилиси, 1977б. Т. IV.

Баламамедов А.-К. С. Влияние экстралингвистических факторов на заимствование фразеологических единиц (на примере рутульского бесписьменного языка) // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. — Махачкала, 1984.

Белкин В. М. Арабская лексикология: Изд-во Моск-го ун-тета, 1975.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. — Махачкала, 1961; Он же. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков — М., 1981

Виноградова О. И., Климов Г. А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология, 1977. М., 1979.

Виноградова О. И. Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — М., 1982.

Гаджиев М. М. Русско-лезгинский словарь. — Махачкала, 1950; Он же. Следы грамматических классов в лезгинском языке // УЗИИЯЛ, № 5, 1958.

Гаджиев Э. Общедагестанский лексический фонд в рутульском языке // Проблемы лингвистического анализа. — М., 1968.

Гайдаров Р. И. Ахтынский диалект лезгинского языка (по данным с. Ахты). — Махачкала, 1961; Он же. О названиях лезгинских аулов (К вопросу о топонимике лезгин) // Учен. зап. ДГУ. Т. XIII, 1963; Он же. Лексика лезгинского языка: Основные пути развития и обогащения. — Махачкала, 1966; Он же. Лезгинская диалектология. — Махачкала, 1966а; Он же. Лингвистические

контакты лезгин и азербайджанцев и их роль в развитии и обогащении лезгинского языка // ВТЯ. — Баку, 1972; Он же. О специфике и результатах лезгино-арабских языковых контактов // МПРНС. — Орджоникидзе, 1977; Он же. Лексика лезгинского языка: Особенности слова и словарного состава. — Махачкала, 1977а; Он же. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. — Тбилиси, 1979; Гайдаров Р. И., Мирзоев Ш. А. Словарь омонимов лезгинского языка. — Махачкала, 1982.

Гамзатов Г. Г., Саидов М. С., Шихсаидов А. Р. Сокровищница памятников письменности // ЕИКЯ. Т. IX, 1982.

Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка. — Тбилиси, 1966.

Гасанов М. Р. Из истории Табасарана. XVIII—нач. XIX вв. — Махачкала, 1978.

Генко А. Н. Ахтынские тексты // Доклады АН СССР. Серия В. —Л., 1926; Он же. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие // Изв. АН СССР. Серия VII. Отд. гуман. наук.— Л., 1929; Он же. Диалектологический очерк табасаранского языка. Рукопись. ИЯ АН СССР, 1940; Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии Ассоциации арабистов. — М.; Л., 1941; Он же. Табасаранско-русский словарь. ИЯ АН СССР, 1941а. Рукопись.

Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. — Тбилиси, 1977.

Грюнберг А. А. Язык североазербайджанских татов.—Л., 1963.

Гудава Т. Е. Консонантизм андийских языков. — Тбилиси, 1964; Он же. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. — Тбилиси, 1979.

Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Диссертация. — Баку, 1973; Он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь. — Баку, 1974; Он же. Об иранско-удинских языковых контактах // МПРС. — Орджоникидзе, 1977; Гукасян В. Л., Асланов В. Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода. — Баку, 1986.

Гусейнова Ф. И. О тюркизмах в терминах животноводства в рутульском языке // ТДЯК.—Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1982; Она же. Фразеология рутульского языка // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. — Махачкала, 1984.

Гюльмагомедов А. Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 1986; Он же. Русско-лезгинский школьный фразеологический словарь. — Махачкала, 1971; Он же. Фразеологический словарь лезгинского языка. — Махачкала, 1975; Он же. Основы фразеологии лезгинского языка. — Махачкала, 1978; Он же. От слова к фразе. — Махач-

кала, 1980; Он же. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. — Махачкала, 1982; Он же. Фонетические элементы азербайджанского языка в лезгинском языке // ТДЯВ. — Махачкала, 1985; Гюльмагомедов А. Г., Талибов Б. Б. К вопросу о типах интерференции (На материале лезгинского и азербайджанского языков) // ВТЯ. — Баку, 1972.

Дешериев Ю. Д. Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1966; Он же. Грамматика хиналугского языка. — М., 1959; Он же. К вопросу о генезисе категории грамматических классов // СРНС. — Сухуми, 1977.

Джейранишвили Е. Ф. Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка // ИКЯ. — Тбилиси, 1966. Т. VII.

Джидалаев Н. С. О роли показаний топонимии в практике исследования тюркско-дагестанских языковых контактов // ТДЯК.— Махачкала, 1982; Он же. Актуальные проблемы предмета тюркско-дагестанских этноязыковых контактов // ТДЯВ. — Махачкала, 1985; Джидалаев Н. С., Алиханов С. З. Генезис аварского словообразовательного элемента -чи // ТДЯВ. — Махачкала, 1985; Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. «Чанка» // ТДЯВ. — Махачкала, 1985.

Дирр А. М. Грамматический очерк табасаранского языка // СМОМПК. — Тифлис, 1905. Вып. 35; Он же. Агульский язык // СМОМПК. — Тифлис, 1907. Вып. 37.

Жирков Л. И. Система классного согласования в даргинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. — М., 1961.

Забитов С. М. К вопросу об употреблении арабских заимствований в лезгинском языке // Дружба № 2. — Махачкала, 1978; Он же. Семантическое освоение арабских заимствований в лезгинском языке // Научно-практическая конференция молодых ученых Дагестана. Тезисы докладов. — Махачкала, 1979; Он же. Арабские заимствования в лезгинском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 1983.

Загиров В. М. Заимствованная лексика и ее особенности в табасаранском языке // Литературный Табасаран. — Махачкала, 1975; Он же. Русско-табасаранский школьный фразеологический словарь. — Махачкала, 1977; Он же. Лексика табасаранского языка. — Махачкала, 1981; Он же. Словарь омонимов табасаранского языка. — Махачкала, 1985.

Ибрагимов Г. Х. Названия цахурских и рутульских аулов // Сборник статей по вопросам дагестанских и вайнахских языков.— Махачкала, 1972; Он же. Рутульский язык. — М., 1978.

Ихилов М. М. Горские евреи // Народы Дагестана. — М. 1955.

Кадыраджиев К. С. О происхождении некоторых фитонимов в дагестанских языках // ТДЯК. — Махачкала, 1982.

Кадыраджиев К. С., Вазирова К. К. Тюркские термины родства и свойства в нахско-дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. — Махачкала, 1985.

Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // КЭС. — М.; Л., 1962.

Караев А. Г. Идиоматические выражения в цахурском языке (по данным говора с. Калял): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1969.

Кахадзе О. И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. — Тбилиси, 1979; Он же. Лексические классы в лезгинских языках: Историко-сравнительный анализ. — Тбилиси, 1984.

Кибрик А. Е. и др. Опыт структурного описания арчинского языка. — М., 1977; Они же. Арчинский язык. Тексты и словари. — М., 1977.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. — М., 1964; Он же. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. — Л., 1971; Климов Г. А. Он же. Методика лингвогенетических исследований // Общее языкознание. — М., 1973; Он же. К семантической реконструкции (на материале кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985; Он же. Введение в кавказское языкознание. — М., 1986.

Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. — М., 1980.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. — М.; Л., 1960.

Кубатов А. Б. О взаимоотношении азербайджанского и лезгинского языков // Известия АН Азерб. ССР, 1971; Он же. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1973; Он же. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков (на материале кубинских говоров) // МПРНС. — Орджоникидзе, 1977.

Курбанов А. И., Мельников Г. П. Логические основания именной классификации в цахурском языке // Вопросы структуры языка. — М., 1964.

Лавров Л. А. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. — М.; Л., 1962; Он же. Этнография Кавказа. — М., 1962.

Лексика: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. — М., 1971.

Магомедов Р. М. Хронология истории Дагестана. — Махачкала, 1959.

Магомедова П. Т. Тюркские заимствования в чамалинском языке // ТДЯК: — Махачкала, 1982.

Магометов А. А. Неизданная монография П. К. Услара о табасаранском языке // ВЯ. — М., 1954; Он же. Реликты грамматических классов в агульском языке // Вестник отд. общест. наук АН Груз. ССР. — Тбилиси, 1962; Он же. Табасаранский язык. — Тбилиси, 1965; Он же. Агульский язык. — Тбилиси, 1970; Он же. Влияние языковых контактов на табасаранский язык // МПРНС.— Орджоникидзе, 1977; Он же. Вопросы нормирования табасаранского литературного языка // ЕИКЯ, 1979. Т. VI.

Маммаева П. Т. Наречия-тюркизмы в лакском языке // ТДЯК: — Махачкала, 1982.

Мейланова У. А. О категории грамматического класса в лезгинском языке // УЗИИЯЛ. — Махачкала, 1962. Т. X; Она же. Очерки лезгинской диалектологии. — М., 1964; Она же. Будухско-русский словарь. — М., 1984; Она же. Функционирование и развитие некоторых послелогов лезгинского и будухского языков // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. — Черкесск, 1983.

Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Об иранских лексических элементах в лезгинском языке // ПРНС. — Орджоникидзе, 1973; Они же. Дагестанская лексикология и лексикография // ЯД. — Махачкала, 1976; Они же. Динамика затухания категории грамматических классов в лезгинских языках // СРНС. — Сухуми, 1977.

Микаилов К. Ш. Арчинский язык. — Махачкала, 1967.

Мусаев М.-С. М. Лексика даргинского языка: Сравнительно-исторический анализ. — Махачкала, 1978.

Общее языкознание. Методы лингвогенетических исследований. — М., 1973.

Оразаев Г. М.-Р. Из истории даргинско-тюркских языковых контактов (по материалам XVII в.) // ТДЯК. — Махачкала, 1982.

Основы иранского языкознания (среднеперсидские языки). — М., 1981.

Османова Р. А. О явлении омонимии в лезгинском литературном языке // Учен. зап. Азерб. ун-тета, 1962; Она же. К вопросу о многозначности слова в литературном языке // Научные труды аспирантов Азерб. ун-тета. — Баку, 1963; Она же. Многозначность слова и явление омонимии в лезгинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1963.

Персидско-русский словарь / Под ред. Рубинчика Ю. А. — М., 1981, Т. 1.

Саадиев Ш. М. О некоторых общностях уподобления языков лезгинской группы азербайджанскому (в связи с двуязычием лез-

гиноязычных народностей) // ВТЯ. — Баку, 1972; Он же. Опыт исследования крызского языка: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. — Баку, 1972; Он же. Опыт исследования крызского языка. Диссертация. — Баку, 1970. Он же. Определение иранизмов в лезгинском и крызском языках // МПРНС. — Орджоникидзе, 1977; Он же. Азербайджанские слова в лезгинском литературном языке // Труды ИЛЯ АН Азерб. ССР. — Баку, 1957.

Самедов Д. С. Некоторые вопросы лексики арчинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1975; Он же. Исследование семантики слов, обозначающих части тела человека (на материале дагестанских языков // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. — М., 1975а.

Сафаралиева Э. Я. О лезгинских прозвищах // Ономастика Кавказа. — Махачкала; 1976; Она же. Антропонимика лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 1981;

Талибов Б. Б. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы // УЗ ИИЯЛ. — Махачкала, 1960; Он же. Система грамматических классов в цахурском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. — М., 1961; Он же. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // МПРНС. — Махачкала, 1969; Он же. Сравнительная фонетика лезгинских языков. — М., 1980.

Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь. — М., 1966.

Топуриа Г. В. Наречие и эргатив // ЕИКЯ. — Тбилиси, 1984.

Ульманн С. К. Семантические универсалии // Новое в лингвистике (языковые универсалии). — М., 1970.

Услар П. К. Письма к Берже. Чеченский язык // Этнография Кавказа. Языкознание. VIII. — Тифлис, 1888; Он же. Там же. Кюринский язык. — Тифлис, 1896; Табасаранский язык. — Тбилиси, 1979.

Филин Ф. П. Проблемы исторической лексикологии русского языка // ВЯ. — М., 1981.

Хайдаков С. М. Некоторые вопросы, связанные с изучением топонимики Дагестана // Топонимика Востока. — М., 1962; Он же. Очерки по лексике лакского языка. — М., 1961; Он же. Топонимы арчинской языковой территории // Топонимика Востока. — М., 1969; Он же. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. — М., 1973; Он же. К особенностям функционирования классной системы в дагестанских языках и языках фула // ВЯ. — М., 1977; Он же. Принципы именной классификации в дагестанских языках. — М., 1980.

Чикобава А. С. К вопросу о взаимоотношениях этимологического и сравнительного словарей // Тезисы докладов на VII пле-

нарном заседании комиссии, посвященной проблемам сравнительно-исторической лексикологии. — М., 1961.
Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. — М., 1977.
Шаумян Р. И. Armeniaca — Iesgica («Армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели») // АН СССР акад. Н. Я. Марр — М.; Л., 1935; Он же. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке // Язык и мышление. — М.; Л., 1936. Т. VII; Он же. Грамматический очерк агульского языка.—М., Л., 1941.
Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 1960; Он же. Ислам в средневековом Дагестане. — Махачкала, 1969.
Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. — М., 1974.
Эфендиев Т. Н. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков. — Баку, 1973; Он же. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1973а; Он же. О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка // ТДЯК. — Махачкала 1982; Он же. Влияние табасаранского языка на соседние говоры азербайджанского языка // ТДЯВ. — Махачкала, 1985.
Этимология, 1984. — М., 1986.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ, ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

ВЯ — Вопросы языкознания
ДЭС — Дагестанский этнографический сборник
ЕИКЯ — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МПРНС — Материалы первой региональной научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа
УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка, литературы
ОЯ — Общее языкознание
ПРНС — Первая региональная научная сессия...
СРНС — Седьмая региональная научная сессия...
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа
ТДЯК — Тюркско-дагестанские языковые контакты
ТДЯВ — Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения
ЯД — Языки Дагестана

ав.—аварский язык
агул.—агульский
азерб. (аз.)—азербайджанский
анд.—андийский

арч.—арчинский
араб.—арабский
ахт.—ахтынский говор
багв.—багвалинский
бац.—бацбийский
буд.—будухский
бежт.—бежтинский
ботл.—ботлихский
бурш.—буршагский (говор)
годоб.—годоберинский
гин.—гинухский
гунз.—гунзибский
дарг.—даргинский
дюб.—дюбекский говор
ингуш.—ингушский
карат.—каратинский
крыз.—крызский
лак.—лакский
лезг.—лезгинский
миш.—мишлешский говор
перс.—персидский
рут.—рутульский
таб.—табасаранский
тинд.—тиндинский
удин.—удинский
ус.—усугский говор
хварш.—хваршинский
хин.—хиналугский
цах.—цахурский
цез.—цезский
шин.—шиназский говор
фит.—фитинский говор

ОГЛАВЛЕНИЕ